

Пролетарии всех
стран,
соединяйтесь!

Вся власть
Советам!

Бюллетень Четвертого Интернационала

Опубликован Интернациональным Комитетом
Четвертого Интернационала

• 4, февраль 1991

Цена \$ 5.00

Троцкий

Бюллетень Четвертого Интернационала

4, февраль 1991

Сталинизм и империалистическая война против Ирака.....	1
К 50-й годовщине убийства Льва Троцкого.....	5
Война в Персидском Заливе.....	15
Рабочие должны встать против войны в Персидском Заливе!.....	32
Требуйте референдум о войне в Персидском Заливе!.....	39
Верховная конференция о Безопасности и Сотрудничестве в Европе.....	47
День Благодарности в Детройте.....	50
Капиталистический спад и рабочий класс.....	52
Остановить сталинистскую репрессию народов СССР!.....	56
Лев Троцкий как зеркало русской революции.....	60
Статьи Л. Д. Троцкого из архива Четвертого Интернационала:	
Классовая природа советского государства.....	66
Рабочее государство, термидор и бонапартизм.....	81
Еще к вопросу о бонапартизме.....	95
Нерабочее и небуржуазное государство.....	97
СССР в войне.....	105
Отдел писем.....	119

Редакционная коллегия:

Дэвид Норт — США
Петер Шварц — Германия

Редколлегия Бюллетеня просит читателей писать в редакцию о Вашем впечатлении от прочтенного материала, приглашает заметки, критику и вопросы и горячо убеждает Вас размножать и широко распространять этот документ в СССР и в Восточной Европе.

Почтовые ящики Интернационального Комитета Четвертого Интернационала:

США:
Labor Publications, P O Box 33023, Detroit, MI 48216, USA

ФРГ:
Neue Arbeiter Presse, Alfredstr. 71, 4300 Essen 1, BRD

Австралия:
P.O. Box 7, Marickville, NSW 2204 Australia

© 1991 by Labor Publications, Inc.
All rights reserved

Published by Labor Publications, Inc.
PO Box 33023
Detroit, Michigan 48232

Printed in the United States of America

ISSN 1055-2650

Сталинизм и империалистическая война против Ирака

Трагедия народа Ирака должна послужить серьезным предупреждением международному рабочему классу.

Ирак лежит в руинах. В течение шести недель, Соединенные Штаты и их империалистические союзники полностью уничтожили хозяйственную и социальную базу этой страны. Действуя согласно военной доктрине, выросшей из тактики „блицкрига“, употребленного фашистами против Польши в 1939 году и Советского Союза в 1941 году, война против Ирака, — страны с всего семнадцатимиллионным населением, — в конечном итоге приняла характер геноцида. После пятинедельной бомбардировочной кампании, уничтожившей промышленные, научные, социальные и культурные основы Ирака, Соединенные Штаты и их союзники развернули ярое сухопутное вторжение, цель которого — физически уничтожить все остатки иракской армии.

Еще до начала вторжения Соединенные Штаты употребили напалм и зажигающую-воздух взрывчатку против иракских солдат, — большинство которых являлось молодыми рекрутами, недавно призванными, несомненно и мало обученными. Взрывчатка, зажигающая воздух производит шоковую волну, похожую на последствия атомной бомбы. Американский генералиссимус Норман Шварцкопф признал, что в иракских бункерах были найдены останки многих солдат.

Соединенные Штаты отказываются сказать, сколько иракских солдат были уничтожены в ходе подготовительной бомбежки и во время попыток убежать с поля боя. Генерал Шварцкопф, — отец которого, кстати, помогал Шаху Ирана создавать свою жестокую секретную полицию САВАК, которая подвергала пыткам и убивала тысячи коммунистов, — заносчиво заявил, что никто никогда не узнает сколько иракцев было убито американской армией. Чтоб скрыть жуткие свидетельства массового уничтожения, трупы иракцев сжигаются группами населяя погребаются или попросту оказываются зарытыми в песках пустыни посреди их разбитых бункеров.

Согласно некоторым предварительным предположениям, общее число убитых может дойти до двухсот тысяч или даже до пол-миллиона. Можно сказать, что с исключением разрушений проведенных нацистами во время первых шести недель операции „Барбаросса“, мир никогда не видел такую сконцентрированную оргию массового убийства и социального уничтожения, как организованная и проведенная американским империализмом между 17 января и 27 февраля операция „Буря в пустыне“.

Прекращение огня, — даже если оно продержится, — не положит конец массовым страданиям и смерти в Ираке. Его города лишены электроэнергии и питьевой воды. Канализационная система Багдада уничтожена. Врачи предупреждают, что тысячи людей еще могут погибнуть от холеры, тифа и даже от чумы. В особой опасности находится жизнь грудных младенцев и маленьких детей; а в Ираке 40% населения моложе 15 лет.

Президент Джордж Герберт Уолкер Буш, вождь американской буржуазии, объявил вечером 27 февраля, что Соединенные Штаты не враждуют с народом Ирака. Можно себе представить, насколько это заявление успокоило мертвых и умирающих.

Война против Ирака обнажила настоящую суть империализма, сорвав все его демократические румяна. Чтоб добиться своей цели господства в Персидском Заливе, чтобы восстановить военной силой мировую гегемонию Соединенных Штатов, американская буржуазия готова пойти на любое преступление.

Но цели Соединенных Штатов не могли бы быть достигнуты без политической поддержки со стороны дряхлого сталинского режима

Михаила Горбачева. Фактически, ничто так ясно не раскрыло сущность горбачевской «перестройки», как его жестокое, циничное и трусливое предательство народа Ирака.

С самого начала кризиса в августе 1990 г., советская сталинская бюрократия действовала как полнокровный партнер в агрессивной войне американского империализма в Персидском Заливе. На следующий же день после вхождения Ирака в Кувейт, министр иностранных дел Эдуард Шеварнадзе стоял на аэровокском аэродроме плечом к плечу с госсекретарем Джеймсом Бэйкером III-м и объявлял о заключении теснейшей связи между сталинизмом и империализмом в отношении Персидского Залива.

Впоследствии бюрократия Горбачева поддержала всю серию резолюций Совета Безопасности ООН включая и резолюцию № 678, которая уполномочила США применить «все необходимые меры» для вынуждения иракского отступления из Кувейта. Эти резолюции предоставили Соединенным Штатам фиговый листок для развязки разбойничьей войны направленной на повторную колонизацию Персидского Залива и захват его ключевых ресурсов нефти.

Даже когда особый представитель Горбачева, Евгений Примаков сообщил ему, что Буш и Тэтчер намерены начать войну с Ираком несмотря на любые уступки Саддаму Хуссейну, Горбачев предоставил маскард легитимности Соединенным Штатам и Великобритании.

В последнем номере *Time*, одном из важнейших буржуазных журналов в Соединенных Штатах, Примаков передал никем не опроверженное описание своего свидания с Маргарет Тэтчер в начале октября 1990 года.

Согласно Примакову, в течение непрерывного одночасового монолога, Тэтчер «кратко описала мнение, приобретающее все большую поддержку, не ограничиваться отходом Ирака из Кувейта и нанести сокрушительный удар по Ираку, «сокрушить позвоночник» Саддама и уничтожить весь военный, и, возможно, индустриальный потенциал этой страны».

«Миссис Тэтчер не брезговала словами: — Никто не должен стоять на пути — сказала она. — Нельзя оставить Саддаму ни малейшей надежды, что мировое сообщество отступит. Оно достигнет своих целей. Никто даже не должен отводить удар от режима Саддама».

«Я с трудом вставил вопрос — итак вы не видите никакого выхода кроме войны?»

«Нет, — ответила Тэтчер».

«Я спросил, — когда же начнутся военные действия?»

«Она ответила, — Я не могу вам сказать; ведь военные действия должны стать неожиданными для Ирака.» (*Time*, 4 марта 1991 г.)

Итак, когда Горбачев приказал советской делегации в ООН голосовать за резолюцию № 678, он сознавал, что это фактически подписи составленного империалистами смертного приговора по отношению к тысячам иракцев.

В конце января, после повальной бомбардировки Багдада и уничтожения тысяч мирных жителей Ирака, мужчин, женщин и детей, Бессмертных прилетел в Вашингтон и подписал совместное советско-американское коммюнике, подтверждающее продолжающуюся поддержку московской бюрократии по адресу империалистической войны в Заливе.

И вдруг, накануне сухопутного вторжения советская бюрократия предприняла свою прославленную «кампанию за мир», состоявшую из применения сильнейшего нажима на Ирак, чтоб убедить последний согласиться с резолюциями ООН.

Что стоит за этими внезапными шагами «независимой» советской внешней политики? Во первых она вовсе не независима. Предложение, представленное Азизу в Москве является результатом серии разговоров между горбачевской бюрократией и германским правительством.

Не случайно также, что первый репорт о содержании плана появился

в немецком журнале *Bild*. Согласно другому репорту, Горбачев прервал свое воскресное свидание с Азизом, чтобы проконсультироваться с канцлером Гельмутом Колем по телефону. А накануне этого свидания, горбачевская бюрократия провела несколько переговоров с представителями Европейского Сообщества.

Уже не секрет, что растет и ширится беспокойство германского империализма, как и остальных буржуазий Европы, японского империализма, и даже британцев в вопросе о военных целях империализма США в Персидском Заливе. Конечно, каждая ведущая империалистическая держава поддержала развязку войны и разделяет цели сокрушения Ирака и возобновления империалистической колонизации. Но все они также имеют свои собственные интересы ни в коем случае не идентичные с целями Вашингтона. Европа и Япония все более опасаются, что развязка конфликта на американских условиях оставит империализм США в положении неограниченного контроля над позарез необходимыми им обеим залежами нефти. Ни одна держава не может примириться с таким тесным объемом своего хозяйства своим основным империалистическим соперником.

Итак германские капиталисты, развившие самые широкие экономические связи с советской бюрократией, пригласили Горбачева стать толчком своих закулисных интрижек империалистической дипломатии. А Горбачев, сыгравший преступную роль в подготовке этой длительной расправы над народом Ирака, послушно согласился.

Несмотря на импрессионистские рассуждения в капиталистической прессе, что новые советские маневры выражают попытки Кремля оспорить империализм или восстановить свое влияние на Ближнем Востоке, инициатива Горбачева не представляет существенного поворота во внешней политике Советского Союза. Советская сталинская бюрократия лишь перешла от американского плана к германскому. Обе альтернативы предполагают гибель Ирака и обе основаны на союзе советской бюрократии с империализмом.

Внешняя политика всегда в самой сконцентрированной форме выражает сущность внутренней политики любого правительства. Внешняя политика советской бюрократии основана не на сопротивлении империалистической агрессии во всем мире а лишь на использовании своей коллаборации с империализмом для запугивания большей поддержки против советского рабочего класса и опоры, — экономической и политической, — для реализации перестройки, т. е., для реставрации капиталистических имущественных отношений в СССР.

А что касается восстановления кремлевского влияния: советская бюрократия бесповоротно дискредитирована на Ближнем Востоке. Ее презренное соучастие в войне геноцида против народа Ирака завершает долгую историю предательства. Задолго до Горбачева, сталинизм помог подготовить нынешнюю катастрофу.

Кремль предал не Саддаму Хуссейну, а иракские и арабские массы. Все секции бюрократии ответственны за это огромное преступление. Это предательство является кульминацией в эволюции внешней политики режима, который, как показал Лев Троцкий более пол-века назад, объективно превратился в убийственное контр-революционное агентство мирового империализма.

Бюрократическое извращение советского государства и победа сталинизма с его реакционной теорией «социализма в одной стране» привели к отказу от этой революционной интернационалистической политики. Бюрократия, узурпировавшая власть рабочего класса внутри СССР, уже давно превратилась в контр-революционное агентство империализма против рабочего класса. В той мере, что она прежде давала ограниченную помощь движениям национального освобождения в угнетенных странах, это побуждалось стремлениями сдерживать их в определенных рамках и использовать эти движения, как разменные монеты в московском торге с империализмом США.

Уже долгое время в этом и состояла сущность сталинизма на Ближнем Востоке. Десятилетиями советская бюрократия систематически подрывала развитие революционного движения в Ираке и повсюду на Ближнем Востоке в интересах «мирного сосуществования» и своих оппортунистических маневров с американским империализмом. Пример Октября доказал, что освобождение отсталой страны от гнета империализма может быть достигнуто лишь через независимую мобилизацию пролетариата, собирая вокруг себя массы крестьян-бедняков на основе социалистической и демократической программы. Но Кремль настаивал на подчинении всех компартий Ближнего Востока их продажным национальным буржуазиям.

Эта политика привела к особенно трагическим результатам в Ираке, где политическое самоустранение сталинцев в 50-е и в начале 60-х годов помогло баатистам захватить власть. После примирения, по указке Кремля, с режимом баатистов, иракская компартия вступила в правительство. Но в конечном итоге, союз между баатистами и иракскими сталинцами рухнул. Не вызвав фактически никакого возражения со стороны брежневского Кремля, режим Саддама Хусейна объявил компартию вне закона. Подобные вещи происходили почти во всех странах Ближнего Востока.

В той мере, что часть бюрократии утверждает о своей оппозиции к открытому союзу Кремля с империализмом, ее мотивировка цинична и ее политика не менее реакционна, чем политика Горбачева. Они предлагают взамен лишь более старую и истрепанную форму предательства: предательство по Брежневу, когда сталинцы вели строго ограниченные попытки использовать борьбу полуколониальных масс, — удерживаемых под контролем буржуазных националистических режимов, — для заполнения рычагов опоры в кремлевских сделках с империализмом.

Политика этой части бюрократии не представляет пролетарскую или интернационалистскую оппозицию к империализму. Наоборот, она исходит из расчетов грубого национализма, основывается на великодержавном российском шовинизме и предлагает, чтоб советская бюрократия соперничала и заключала сделки на международной арене наподобие любому другому буржуазному режиму, который защищает свои собственные интересы.

Глубоко иронично: свыше 70 лет назад, молодое советское правительство в одной из своих первых инициатив внешней политики послало приветствие с обещанием поддержки народу Ирака (тогда он назывался Месопотамией) в его восстании против британского империализма. А теперь, Кремль играет роль посредника различных империалистических держав, топящих в крови арабские массы и пытающихся восстановить новую форму колониального гнета.

Советский рабочий класс дорогой ценой расплатится за это последнее преступление советского режима. Будучи полностью безразличным к защите Советского Союза от империализма, Горбачев позволил Соединенным Штатам и их союзникам совершить кровавый и разбойничий военный поход на расстоянии всего нескольких сот километров от границ СССР. Возбудив свои аппетиты, империалисты скоро будут планировать еще более амбициозные и кровавые походы.

Защита Советского Союза от империализма является жгучим практическим вопросом. Но к защите страны нельзя подходить, как к чисто военной операции.

Выживание Советского Союза возможно лишь на следующей политической основе:

Во первых, уничтожение режима бюрократической олигархии и возрождение настоящей социалистической демократии, основанной на Советах действующих как массовые органы рабочей власти.

Во вторых, полная реорганизация всего механизма центрального планирования под прямым присмотром возрожденных рабочих советов.

Нужно восстановить уверенность советских масс в будущность социализма, освободив огромный продуктивный потенциал хозяйства от мертвой хватки бюрократических паразитов и используя ресурсы СССР в интересах народа.

В третьих, ковка и закал революционного союза между советским рабочим классом и международным пролетариатом в объединенной борьбе против капиталистического империализма и нео-колониализма.

Вот в сущности, программа троцкизма, т. е., настоящего марксизма, воплощенного в борьбе Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

- Долой с империализмом и с его сталинскими слугами!
- Стройте советскую секцию Четвертого Интернационала!
- Пролетарии всех стран, объединяйтесь!
- Вперед к мировой социалистической революции!

27 февраля 1991 г.

Давид Норт — Национальный секретарь Рабочей Лиги США

К 50-й годовщине убийства Льва Троцкого

Доклад Национального Секретаря Рабочей Лиги (США)
Давида Норта на торжественном собрании в Детройте
18 октября 1990 г.

Несколько недель тому назад *Sunday Telegraph*, одна из наиболее реакционных газет британского правящего класса напечатала пространную статью под названием «Не позволяйте Льву Троцкому спасти социализм». Сразу же в подзаголовке, *Telegraph* включила следующее объяснение: «50-я годовщина смерти Троцкого свидетельствует об умножении его сторонников. Джэнет Дэйли (автор) предупреждает об опасности возрождения этого культа».

Британская буржуазия заслуженно известна за свой глубокий политический анализ. Исторический опыт более четырех сот лет придал

замечательную чувствительность ее инстинктам. Когда вопрос стоит об ее основных классовых интересах, ее широко развернутые антенны-щупальцы почти безошибочны.

По этой причине, статья в *Sunday Telegraph*, этот политический анализ более дальновзорных слоев буржуазии имеет гораздо более глубокое значение, чем ежедневно повторяемые в капиталистической прессе восклицания, что «социализм погиб».

Sunday Telegraph сознает свой долг сообщить своей буржуазной аудитории, что празднества по поводу гибели социализма могут быть преждевременными. Да, было бы ошибкой преуменьшать оставшиеся опасности марксизма: «Как критика капиталистического хозяйства», допускает *Sunday Telegraph*, «он остается поразительно злободневным». Кроме того, *Sunday Telegraph* признает, что троцкизм остается «великим незапятнанным лицеоплощением марксизма». Поэтому мадам Дэйли настаивает, что необходимо опровергнуть именно троцкизм, чтоб не проморгать настоящую опасность марксизма в болоте исторического замешательства».

В рамках нескольких газетных столбцов, мадам Дэйли берется за эту довольно тяжелую задачу, хотя ее опровержение вовсе не выходит особенно убедительным: она утверждает, что троцкизм не может победить потому что социализм по своему существу несовместим с человеческим характером! Она учит нас, что запреты на частную собственность «противоречат человеческому инстинкту». С другой стороны, она убеждена, что признание голода, нищеты и войны полностью совпадает с самыми глубокими настроениями человечества.

Заключения мадам Дэйли не настолько новы, чтоб вынудить нас на обстоятельный ответ этой первейшей из теоретиков *Telegraph-a*. Если это самое лучшее из всего оружия буржуазии, то мы твердо убеждены, что троцкизм выживет и эту последнюю атаку на свою политическую броню.

Но политическое значение атаки *Telegraph-a* на троцкизм гораздо важнее ее интеллектуального наполнения. Самые сметливые представители буржуазии признают, что крушение сталинизма вовсе не является крушением марксизма. Наоборот, буржуазия сознает опасность, что дискредитация сталинизма увеличит политический престиж настоящих марксистов-троцкистов, которые в течение десятилетий вели непримиримую борьбу против преступлений советской бюрократии, ее лакеев в Восточной Европе и сталинских партий всего мира против социализма и рабочего класса.

Несомненно, что события последнего года, — начиная с крушения режима Хонекера в ГДР, — выражают монументальное оправдание смертельной борьбы Троцкого и Четвертого Интернационала против сталинизма. В своих собственных статьях и комментариях, буржуазные авторитеты вновь и вновь повторяют, что никто не мог предвосхитить или предвидеть события в Восточной Европе, что никто не мог себе представить, что советское правительство откажется от социализма и начнет восстановление капитализма. Но на самом деле, все эти вещи, по крайней мере в общих чертах, были предвидены и предсказаны. Троцкий давно предупреждал, что если оно не окажется упреждено революционным движением советского и международного рабочего класса, то неминуемым последствием сталинских предательств будет крушение Советского Союза и восстановление капитализма. 63 года назад, незадолго до своего изгнания из компартии, Троцкий, глядя Сталину в глаза, описал его как «могилища российской революции».

Поэтому, троцкистское движение вовсе не является новичком в борьбе против сталинизма. В тридцатые годы, когда сталинизм был достаточно престижен среди мелко-буржуазной интеллигенции и имел преобладающую силу в основных университетах, Троцкий назвал гротескной ложью заявление, что сталинистский режим внутри Советского Союза представляет собой осуществление социализма. В то время многие известные интеллигенты, невесты Советского Союза, возвращались

в Европу и Америку и пели хвалебные оды Сталину. Знаменитые фабианские реформисты, Сидни и Беатрис Вебб не смущаясь описывали советскую конституцию как «самую демократическую в мире». Важные органы либерального и даже радикального уклона, вроде *The Nation* и *New Republic*, которые впрочем ничуть не поумнели со временем, в полный голос отстаивали Московские Процессы, которые являлись инсценировкой убийства фактически всех представителей того поколения марксистов, которое подготовило и вело Октябрьскую Революцию, а также сотен тысяч рядовых коммунистов, которые виделись сталинским режимом, как потенциальные противники привилегированной бюрократии.

С места своей ссылки в Койокане в Мексике, Троцкий презрительно называл этих «радикальных туристов» «проповедниками полуправды» и «подхалимами советской олигархии». В отличие от их синискодительных, в розовом цвете, описаний СССР, Троцкий без смущения обнажал реальное лицо советской жизни. Позвольте мне процитировать несколько отрывков из его монументального анализа Советского Союза, «Преданной Революции». До сегодняшнего дня не написано ничего, что было бы так же чувственно правдивым или злободневным, как описание Троцким условий жизни в СССР при сталинизме.

В одном разделе Троцкий заметил особенно страшные последствия нищеты в СССР:

«Из тех же случайных газетных заметок, из эпизодов уголовной хроники читатель может узнать о существовании в СССР проституции, т.е. предельной деградации женщины в интересах мужчины, который способен платить. Осенью прошлого года Известия неожиданно сообщила, например, об аресте в Москве «до 1000 женщин, тайно торгующих собою на улицах пролетарской столицы». Среди арестованных оказались: 177 работниц, 92 служащих, 5 студенток и т.д. Что гнало их на тротуар? Недостаточный заработок, нужда, необходимость «подработать на платье, на туфли». Тщетно пытались бы мы узнать хоть приблизительные размеры социального зла. Целомудренная бюрократия приказывает статистике молчать. Но именно вынужденное молчание безошибочно свидетельствует о многочисленности «класса» советских проституток. Здесь дело, по самому существу своему, не может идти об «остатках прошлого»: проститутки рекрутируются из молодых поколений. Ни одному разумному человеку не придет, разумеется, в голову ставить эту язву, столь же старую, как цивилизация, в особую вину советскому режиму. Но непростительно, при наличии проституции, говорить о торжестве социализма.» [Что такое СССР и куда он идет, Париж, 1989 г., стр. 177].

В другом отрывке, Троцкий обратил внимание на противоречие между сталинистским мифом о социальном равенстве и фактом глубочайшей пропасти между статусом привилегированной элиты и массами советских рабочих и крестьян:

«Квалификация, заработок, должность, количество ромбов на военном мундире приобретают все большее значение, ибо с этим связаны вопросы о туфлях, о шубе, о квартире, о ванной, и — предел всех мечтаний — об автомобиле. Одна лишь борьба за комнату в Москве соединяет и разводит не малое число пар!» Там же, стр. 183].

Троцкий обрисовал нетерпимое угнетение советской молодежи бюрократией:

«Школа и общественная жизнь учащихся наскавозь проникнуты формализмом и лицемерием. Дети научились проводить бесчисленные удушливо скучные собрания, с неизбежным почетным президентом, со славословием в честь дорогих вождей и заранее размеченными благодарными прениями, в которых, совершенно как и у взрослых, говорится одно, а думается другое. Самые невинные кружки школьников, пытающихся создать оазисы в пустыне казенщины, вызывают

свершенные репрессии. Через свою агентуру ГПУ вносит ужасающий разврат доносов и предательства в так называемую «социалистическую» школу. Более здумчивые педагоги и детские писатели, несмотря на принудительный оптимизм, не могут подчас скрыть своего ужаса пред лицом этого мертвящего школьного принуждения, фальши и скуки. . . На каждое слово критики бюрократии отвечает тем, что выворачивает шейные позвонки. Все выдающееся и непокорное в рядах молодежи систематически уничтожается, подавляется или физически истребляется (там же, стр. 189-190).

В другом месте Троцкий описал унижение самого марксизма от рук бюрократии:

«Несмотря на то, что формально марксизм является в СССР государственной доктриной, за последние 12 лет не появилось ни одного марксистского исследования — ни по экономике, ни по социологии, ни по истории, ни по философии, — которое заслуживало бы внимания и перевода на иностранные языки. Марксистская продукция не выходит за пределы схоластических компиляций, которые пересказывают одни и те же заранее одобренные мысли и перетасовывают старые цитаты, сообразно потребностям административной конъюнктуры. В миллионах экземпляров распространяются по государственным каналам никому не нужные книги и брошюры, сработанные при помощи клейстера, лести и других липких веществ. Марксисты, которые могли бы сказать что-либо ценное и самостоятельное, сидят под замком или вынуждены молчать. И это несмотря на то, что эволюция общественных форм выдвигает на каждом шагу грандиозные научные проблемы!» (там же, стр. 170).

Еще в другом отрывке, Троцкий горячо осудил жестокое удушение бюрократией искусства и культуры:

«Жизнь советского искусства — своеобразный мартиролог. После директивной статьи *Правды* против «формализма» начинается эпидемия унижительных покаяний писателей, художников, режиссеров и даже оперных певцов. Все наперерыв отрывается от собственных прошлых грехов, — на всякий случай, — воздерживаясь, однако, от более точного определения формализма, чтоб не попасть впросак. В конце концов власть вынуждена новым приказом приостановить слишком обильный поток покаяний. Перестраиваются в несколько недель литературные оценки, переделываются учебники, переименовываются улицы и воздвигаются памятники в зависимости от похвального замечания Сталина о поэте Маяковском. Впечатления высоких посетителей от новой оперы немедленно превращаются в музыкальную директиву для композиторов. Секретарь комсомола говорит на совещании писателей: «Указания товарища Сталина являются законом для всех», — и все аплодируют, хотя некоторые, вероятно, и сгорают со стыда. Как бы в довершение издевательств над литературой Сталин, который не умеет правильно построить русской фразы, объявлен классиком в области стиля. Есть нечто глубоко трагическое в этой византийщине и полицейщине, несмотря на непроизвольный комизм отдельных ее проявлений» (там же, стр. 171).

Эти строки были написаны 54 года тому назад, в то время, я повторяю, когда Сталина широко расхваливали в литературе буржуазных и мелко-буржуазных дилетантов. Спустя более чем пол-века после убийства Троцкого от руки сталинского агента, его осуждение преступлений бюрократии не потеряло своей силы и злободневности. Но политическое и моральное величие Троцкого заключается в том, что его оппозиция к бюрократии всегда коренилась в революционной борьбе за социализм. Реакционная и преступная роль сталинской бюрократии, настаивал Троцкий, заключалась в том, что ее политика систематически подрывала устои рабочего государства, основанного в 1917 году; что она саботировала борьбу международного рабочего класса против капитализма и поэтому продлевала существование

империалистического строя; что она дискредитировала освободительную перспективу марксизма и вносила скептицизм, апатию и деморализацию в ряды советского и мирового пролетариата.

Особенно сегодня необходимо подчеркнуть революционные и пролетарские основы троцковой борьбы против бюрократии. Сегодня в мире существует много видов анти-сталинизма и большинство из них ничуть не прогрессивны. Существует «анти-сталинизм» международной буржуазии, которая традиционно сопротивлялась бюрократии не из за ее преступлений против рабочего класса, а лишь из за политических и экономических ограничений, которые в прошлом установил советский режим, — когда он еще защищал анти-капиталистические основания, заложенные в Октябре 1917 года. Есть еще «анти-сталинизм» Солженицына, который стоит за упразднение СССР и реставрацию монархии. Есть «анти-сталинизм» старых сталинцев, вроде Бориса Ельцина, не говоря даже о самом Горбачеве, которые долгие годы занимали ведущие позиции внутри бюрократии.

Но все эти формы «анти-сталинизма» предлагают заменить правление бюрократии правлением новой буржуазии в союзе с мировым империализмом. Их цель — не столько ликвидация бюрократического тоталитаризма, сколько — национализированных имущественных отношений, основанных Октябрем. Для Горбачева, Ельцина и их союзников среди самых привилегированных слоев интеллигенции, «анти-сталинизм» означает лишь реставрацию капитализма. Во все нет причин слишком доверять демократическим претензиям подобного «анти-сталинизма»; социальные последствия их экономической программы будут настолько катастрофическими для десятков миллионов советских рабочих, что эта программа не может быть навязана без самых жестоких мер диктатуры.

Троцкистское движение десятилетиями боролось против сталинизма. Мы специалисты в этом деле. Борьба началась в 1923 году с публикацией «Нового курса» Львом Троцким; в этой книге он предупреждал, что тревожный рост бюрократии в государственном и партийном аппаратах угрожает партии большевиков. Со времени публикации этой книги, троцкистское движение вело свою анти-сталинскую борьбу на основе социалистических принципов. Мы не просто «анти-сталинисты». Сам по себе «анти-сталинизм» не является жизнеспособной политической программой. Во первых нужно различить левый, настоящий анти-сталинизм от правого «анти-сталинизма», т.е. от реакционного анти-сталинизма. Эта дифференциация является основной предпосылкой для развития революционной работы в каждой стране. Борьба против сталинизма может продвинуть вперед интересы рабочего класса лишь тогда, когда она ведется как составная часть общей анти-капиталистической и анти-империалистической борьбы.

Для борьбы против сталинизма так, чтобы продвинуть интересы рабочего класса, нужно понять — что это такое. Сталинизм — не просто система полицейско-государственного угнетения. Такая система — лишь одно из его многих обличий. Но она не есть достаточным объяснением; она не объясняет исторические корни и социальные основы сталинизма.

Политический феномен сталинизма появился в Советском Союзе, как специальная форма оппортунистской режиссы марксизма. За много лет до принятия убийственного характера тоталитарного режима, сталинизм проявил себя в форме политической программы, утверждающей, — против традиционной интернационалистской программы большевистской партии при Ленине, — что независимо от результатов борьбы международного пролетариата против капитализма, в Советском Союзе можно построить социализм. До 1924 года, — когда была впервые выставлена программа «социализма в одной стране», — большевистская партия утверждала, что само выживание советского Союза как рабочего государства, даже не говоря о реализации социализма, зависит от победы социалистической

революции в нескольких передовых капиталистических странах.

Лишь после серии поражений европейского рабочего класса, — во первых поражение германского пролетариата в октябре 1923 года, — пессимистичные настроения охватили РКП(б) и привели к формулировке националистской теории, утверждающей, что несмотря на хозяйственную отсталость, Советский Союз сможет осуществить социализм на основе своих собственных ресурсов. Эта теория нашла поддержку среди растущей бюрократии, которая все больше рассматривала Советский Союз не как бастион мирового социализма, а как национальную государственную основу, от которой зависят ее собственные материальные интересы и привилегии.

Итак, в конечном итоге, сталинизм явился теоретическим и политическим выражением давления мирового империализма на изолированное и экономически отсталое рабочее государство. Громадный политический и социальный вес бюрократии сам являлся продуктом отсталости советского общества. В условиях, где всеобщая нужда преобладала, где советская жизнь проходила под знаком постоянной борьбы за предметы первой необходимости, бюрократия занималась распределением этих необходимых — это распределение конечно приняло неравный характер: лучшие и самые лакомые куски социального продукта отходили к самой бюрократии.

Ужасные формы репрессии, которые стали все более характерны сталинизму, органически выросли из социальных функций и политической программы бюрократии. Чем больше бюрократия создала свои интересы, тем свирепей она защищала их от критики марксистской оппозиции внутри большевистской партии и от общего давления советских масс. В своей международной политике, советская бюрократия стремилась не к свержению мирового империализма а к дипломатическому и политическому примирению с ним. Иначе говоря, советская бюрократия последовательно подчиняла объективные интересы интернационального рабочего класса своим маневрам с мировым империализмом. Пакт Сталина-Гитлера в 1939 году был лишь наиболее гротескным примером ее реакционной роли в мировой политике.

В своем анализе сталинского режима, Троцкий определил советскую бюрократию как привилегированную касту. Он отверг аргументы, утверждающие, что бюрократия представляет новый класс эксплуататоров. Этот диспут вовсе не был спором о терминологии. Несмотря на все преступления и пороки, советская бюрократия не занимала исторически-определенное и необходимое отношение к производственным силам и формам собственности, порожденным в Октябре. Отношение бюрократии к национализированному имуществу являлось, по существу, отношением паразита к организму в котором он живет. Хотя паразит не может прожить вне этого организма, национализированное имущество, созданное рабочим классом в 1917 году, конечно может процветать и без бюрократии.

Из этого анализа, Троцкий и Четвертый Интернационал вывели программу политической революции. Историческая задача, стоящая перед советским рабочим классом — это защитить национализированное имущество и отношения, которые продолжают оставаться необходимой предпосылкой развития социализма; и в то же время уничтожить политическую гегемонию бюрократии и восстановить советскую демократию. Троцкий назвал эту революцию „политической“ а не „социальной“ так как она не включала свержения существующих отношений собственности. Но он предупредил, что если советский рабочий класс не успеет ликвидировать бюрократический режим, то бюрократия неминуемо ликвидирует все, что еще осталось от рабочего государства и от первоначальных социальных завоеваний Октябрьской Революции.

Эти предупреждения сегодня оправданы мерами горбачевского режима. Как последовательно предупреждал Интернациональный

Комитет в течении последних пяти лет, программа перестройки представляет не разрыв со сталинизмом, а наоборот, осуществление его конечных последствий. Приезди Советский Союз на грань экономической катастрофы, самые могучие слои бюрократии пытаются спастись путем открытой сделки с империализмом на базе реставрации капитализма и раскола СССР на громадные „зоны свободного предпринимательства“, готовые к колониальному грабежу.

Судьба Восточной Германии может служить предупреждением советскому рабочему классу. В октябре и ноябре 1989 года, когда восточногерманские сталинцы поняли, что они больше не могут спасти свой контроль над рабочим классом, они с мгновенной быстротой стали ликвидировать ГДР и передавать все ее ценности в руки западногерманской буржуазии. И в то время, когда тысячи бывших сталинских начальников делают сделки и обеспечивают свое будущее в роли управляющих и младших партнеров в приватизированных концернах, миллионы восточногерманских рабочих оказываются без работы и теряют все социальные завоевания прошлых десятилетий. Та же участь, но в еще больших масштабах ожидает и советский рабочий класс.

Советский пролетариат может избежать эту судьбу лишь усвоив уроки истории и научившись основывать свою борьбу против сталинизма на революционной программе марксизма. Это — громадная политическая задача; но у советских масс нет другого выхода защитить свои интересы против империализма и его сталинских агентов.

Советские рабочие читают „Бюллетень Четвертого Интернационала“

Говоря об этом, мы не просто даем советы издали. Наше движение тесно связано с подготовкой революционного движения рабочего класса против сталинизма. В Советском Союзе уже идет работа политического образования. Материалы Интернационального Комитета уже распространяются по всему СССР и они имеют эффект. Конечно, везде полно замешательства. Но иначе и быть не могло; ведь бюрократия жестоко подавляла все выражения марксистской мысли. Но и пол-века после его смерти, идеи Троцкого начинают проникать в политическое сознание наиболее передовых рабочих и интеллигентов в

Советском Союзе. Позвольте мне поделиться с вами небольшим отрывком, из работы написанной молодым советским интеллигентом, который имел возможность изучить публикации Интернационального Комитета Четвертого Интернационала на русском языке:

«Передо мной — первые номера *Бюллетеня Четвертого Интернационала* на русском языке — 60 лет назад Каганович утверждал, что «испоганенное, разорванное в клочья рабочим классом, знамя троцкизма [какой блестящий оборот: 'испоганенное' — рабочим классом!] более не является течением в международном социалистическом движении». Но — о, ирония истории! — вот они, чистые 'клочки' троцкистского знамени, алые бюллетени с Серпом и Молотом, и — где он, Каганович? — ислуганный старичок, доживающий свой век жалким сталинским пугалом среди опустошенного, не без его участия, всесоюзного огорода...». «Времена меняются — и новый *Бюллетень* тому порукой».

Этот отрывок выражает процессы подспудно проходящие в глубине. Капиталистическая пресса пытается представить ситуацию внутри Советского Союза, как будто там расширяется неотразимое и всеми поддерживаемое движение к капитализму. Она обычно игнорирует все, что противоречит этому официальному взгляду на события. Но реальность состоит не только из политики режима Горбачева, но также, и гораздо более глубоко, из молекулярных процессов политического развития среди масс. Несмотря на уровень сегодняшней путаницы, советский рабочий класс еще не сказал своего последнего слова о судьбе Октябрьской Революции. В этот момент, термин «рынок» очень популярен в Советском Союзе. Но сам факт, что он употребляется так широко означает, что его понимают в самом широком и противоречивом смысле. Для большинства рабочих слово «рынок» означает объективный экономический механизм, который употребляет взаимодействие спроса и предложения для регуляции и ввода необходимых поправок в центральный план.

После десятилетий бюрократического каприза и невежества, которые звали настолько глубокие деформации в советское хозяйство, что каждодневные действия последнего приняли все более безрассудный характер, — цены не имеют никакого отношения к ценностям и рубль лишь притворяется быть деньгами, — советские рабочие склонны принять «рынок», который аннулировал бы бессмысленные и разрушительные диктаты дурацких бюрократических «планировщиков», которые совершенно безразличны к последствиям своих решений на жизни масс советских людей.

Но существует громадная разница между дополнительным использованием рыночных механизмов в рамках центрально планируемого хозяйства основанного на национализированной собственности в условиях политической власти рабочего класса, с одной стороны и, с другой стороны, капиталистическим рынком, основанным на частной собственности средства производства в условиях, где политическая власть находится в руках новой советской компрадорской буржуазии в союзе с империалистами.

Первое, значительно поможет рациональному развитию советского хозяйства во время более или менее длительного перехода к социализму. Второе, т.е. капиталистический рынок, попросту означает полное уничтожение советского хозяйства, обнищание десятков миллионов советских граждан и резкое снижение социального и культурного уровня всех регионов составляющих СССР.

События в Восточной Европе уже обнажают настоящее значение капиталистического рынка: в каждой стране, реставрация капитализма ведет к резкому снижению условий жизни и социального положения рабочего класса. Вовсе не случайно, что советская пресса так мало пишет о настоящем результате восстановления капиталистического рынка в Восточной Европе. Но несмотря на все попытки, невозможно скрыть реалии капиталистической реставрации от советского рабочего класса.

Во время учреждения Четвертого Интернационала Троцкий писал, что «не останется камня на камне» от сталинской бюрократии. 50 лет спустя это предсказание осуществляется. Задача Четвертого Интернационала заключается в том, чтоб на развалинах сталинизма обеспечить восстановление социализма, а не капиталистического ваварства.

Эта задача тяжела: но мы не начинаем с самого начала. Мы полагаемся во первых, на учения Льва Троцкого, которые в свой черед основаны на принципах установленных и развитых основоположниками научного социализма.

Кроме того, сам Интернациональный Комитет является результатом длительной борьбы защитить программу троцкизма от повторных попыток пересмотреть и подорвать ее. Четвертый Интернационал не существовал, как какой то мавзоль Троцкого, сохраняющий его идеи в стерильной изоляции. Напротив, он продолжал развивать свою теорию и программу в ходе скачков по поводу всех сложных и противоречивых феноменов, имевших место в послевоенный период.

Именно с этим заложено значение длительной борьбы, которое Интернациональный Комитет, наше движение вело против всех тенденций, которые возникли внутри Четвертого Интернационала за последние 40 лет и которые пытались изменить нашу основную программу. Был период, по окончании Второй Мировой войны, когда сталинизм пользовался громадным престижем, когда многие впечатлительные люди говорили, что троцкизм преувеличивает контр-революционный характер сталинизма, что сталинизм может играть прогрессивную роль.

И на основе этого, под покровительством Мишеля Пабло и Эрнеста Манделя выросли теории утверждавшие, что троцкистское движение должно ликвидировать себя в сталинские партии, что нужно постепенно толкать сталинцев влево, таким путем передоверять реализацию социализма сталинской бюрократии. Они указывали на события в Восточной Европе как на доказательства, что сталинцы могут руководить социалистическими революциями; они утверждали, что государства основанные по окончании Второй Мировой войны, несмотря на деформации и отсутствие рабочей демократии, являются прототипами таких социалистических государств, которые, верьте или нет, просуществуют несколько сот лет. Были люди которые принимали это всерьез. Но теперь, всего 40 лет спустя, вся эта перспектива полностью сокрушена ходом исторического развития.

Интернациональный Комитет был организован в 1953 году для организации борьбы против этого коварного про-сталинского ревизионизма; именно из за этой борьбы Интернационального Комитета, сегодня существует троцкистское движение, которое может выдвинуть программу для советского и международного рабочего класса. Эта борьба была обновлена в самом Интернациональном Комитете начиная с 1982 года, когда мы были вынуждены встать против тенденции внутри самого ИК, под руководством Джерри Хили и Клиффа Слотера, которые в течение нескольких лет развили политическую линию, поразительно похожую, в своих методах и заключениях, на линию Пабло и Манделя. Эта тенденция была решительно поражена внутри Интернационального Комитета; в результате этой борьбы наше движение оказалось громадно усиленным.

Как и предвидел Троцкий, именно на основе этого долгого опыта политической борьбы, мы и строим Интернациональный Комитет в мировую партию. Сегодня троцкизм получает беспрецедентную международную аудиторию. В течении многих десятилетий по причинам от него не зависящим, троцкистское движение было вынуждено развивать свою теоретическую работу в условиях, где оно не могло политически влиять на широкие массы рабочего класса. Всего пару лет тому назад никто не мог бы себе представить, что работы Троцкого будут широко опубликованы в Советском Союзе. Но мы недавно узнали, что первая

книга Троцкого, напечатанная впервые в более чем 60 лет, «Сталинская школа фальсификации», распродала весь свой тираж в 200.000 экземпляров в течение нескольких недель. А в течение прошлого года Интернациональный Комитет смог навестить СССР не менее трех раз и каждый раз говорить со все более широкими группами студентов, интеллигентов и рабочих.

В некотором смысле, история Четвертого Интернационала до сих пор была его предисторией. Но теперь появились условия для утверждения за Четвертым Интернационалом авторитета мировой партии социалистической революции.

Троцкий однажды сказал, что величайшее наслаждение человека состоит не в использовании существующего, а в подготовке к будущему. Будущее, за которое он отдал свою жизнь — это настоящее в котором мы живем. Мы должны выполнить долг стоящий перед нашим движением в Советском Союзе, в остальных странах и, конечно, в центрах мирового империализма.

Я хочу закончить следующим. Политический кризис внутри Соединенных Штатов, поворот американской буржуазии к войне выражает не силу империализма, а его глубокую слабость. Планы администрации Буша убить сотни тысяч иракцев чтоб обеспечить политические и экономические интересы империализма США выражают страшную дегенерацию капиталистического общества. Но насилие, которое готовит против исторически угнетенных масс Ближнего Востока американская буржуазия, лишь показывает уровень насилия, к которому она готова прибегнуть против рабочего класса тут, у себя дома. Никогда не теряйте из виду, что интересы, которые буржуазия защищает в Персидском Заливе — те самые интересы, которые она защищает и здесь. Она употребляет те же приемы борьбы в схватке со своими внешними врагами и со своими внутренними классовыми врагами.

Может показаться, что рабочее движение находится в состоянии глубокого кризиса — это несомненно верно. Целая эпоха в истории рабочего движения подошла к концу. Товарищ Джин Бруст в своем репорте описала параллельные подъем и упадок сталинистской бюрократии и бюрократии КПСР. В одной стране за другой, рабочее движение кажется парализованным. Значение этого парализма не в том, что рабочий класс потерял свою революционную роль, а в том, что эти старые организации отжили свои исторические функции. Ни сталинистская бюрократия в СССР, ни реформистские бюрократии в Европе, в США или где бы то ни было, не могут дать рабочему классу какую то жизненную перспективу. Наоборот, если рассмотреть предательство сталинизма и предательства бюрократии тут, в Соединенных Штатах, как исторический феномен, то они лишь подтверждают, что старые формы рабочих организаций, основанные на оппортунизме и национализме, рухнули.

Сегодня есть лишь одна жизненная форма организации рабочего класса — это интернациональная рабочая организация на основе революционной программы. Проблемы стоящие перед рабочими в этой или любой другой стране не имеют разрешения, кроме свержения капитализма. Капитализм ведет человечество к грани варварства: кроме рабочего класса нет социальной силы, которая предотвратила бы это. Но рабочий класс должен организовать свои силы в мировом масштабе. Он должен изучить, наверное, самый важный урок российской революции и трагедии ее предательства: нельзя построить социализм в отдельной стране. Если необходимо перестроить мир, то для этого нужны международно согласованные усилия рабочего класса. Социализм победит лишь тогда, когда рабочий класс объединится через построение мировой партии, свергнет интернациональную буржуазию и начнет международно согласовывать на научной основе производительные силы всей планеты.

Эта наша перспектива. Мы не фантазеры. 1917 год доказал, что

рабочий класс может взять власть. Мы не отказываемся ни от толики прогрессивного в том опыте. Мы выросли из того достижения, на теоретических уроках выведенных теми, кто боролся за его защиту. И лишь поэтому, только Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала может выступить перед рабочим классом с живой научной программой. Мы призываем всех из вас, кто не состоит членом Рабочей Лиги, начать эту борьбу и строить эту интернациональную партию.

Война в Персидском Заливе: Перспективы и задачи Четвертого Интернационала

Доклад Давида Норты на чрезвычайном национальном
съезде Рабочей Лиги 30 августа 1990 г.

Этот особый съезд Рабочей Лиги происходит во время кризиса, ясно знаменующего критический политический поворот в делах мирового империализма и интернациональной классовой борьбы. Цель этого съезда — определить отношение Рабочей Лиги к событиям в Персидском Заливе, критически рассмотреть перспективы Рабочей Лиги и Интернационального Комитета Четвертого Интернационала в виду новейших развитий и, на этой основе, указать задачи, стоящие перед партией в ее роли политического авангарда рабочего класса.

Давайте, во первых, кратко проследим события последнего месяца. Критически важно понять политическое значение этих развитий: ведь ситуация в Персидском Заливе, — как любой большой международный кризис, — имеет, по замечанию Троцкого, ту положительную сторону, что подвергает проверке разного рода традиционные величины и формулы, обнаруживая гниль тех из них, которые служили для замазывания противоречий в „мирное“ время, — и тем толкает общее развитие вперед” (См. урок „Бюллетень Оппозиции“, № 71, ноябрь 1938 г., стр. 1).

„Традиционные ценности и формулы“ послевоенного периода были основаны на двух громадных лжах, служивших тормозом развития революционного сознания в рабочем классе. Первая ложь: что сталинизм представляет социализм; вторая: что империализм совместим с миром и демократией. Первая иллюзия рухнула в результате событий осени 1989 года. Вторая — уничтожается развитием событий лета 1990 года.

Войска Ирака вошли в Кувейт 2 августа. Спустя несколько дней, Соединенные Штаты начали прекращать Саудовскую Аравию в плацдарм для громадной военной армады. Темпы нарастания войск не имеют прецедента; и, — пока что с исключением призыва в армию, — включают мобилизацию воздушных, морских и сухопутных войск в масштабах мировой войны. Тот факт, что Соединенные Штаты дошли до грани большой войны в результате решений небольшой горсти людей, которые как бы не ограничены какими либо конституционными правилами, имеет громадное политическое значение. Даже с точки зрения формальных установок буржуазной демократии, форма осуществления этой мобилизации обнажает, как ложное притворство, претензии, что это демократическая страна, что правительство выражает интересы и волю народа. Позвольте мне процитировать *New York Times* за 19 августа:

„В течение лишь 15 дней, в то время когда Конгресс закрыт на летние каникулы и большинство чиновников Вашингтона находится в отпусках, ведущие лица администрации Буша атаковали США в самую обширную и опасную военную авантюру со времени Вьетнамской войны....

Администрация не желает раскрыть полный масштаб своих военных обязательств, чиновники Пентагона отказываются точно подсчитать какое количество танков или солдат они послали или собираются послать, или сказать сколько времени они там проведут, или открыто рассказать о кратко или долгосрочных рисках для американского персонала и престижа... Администрация Буша намеренно оставляет неопределенным, сколько останутся там войска в худшем случае...

Решение, положившее начало самому быстрому военному нарастанию в истории Америки было фактически принято Президентом Бушем и небольшим кругом его советников в субботу и воскресенье в Кэмп Дэвиде сразу же после вторжения Ирака в Кувейт 2 августа. Большинство лидеров Конгресса были проинформированы об этой операции после ее начала. Лишь один ключевой законодатель, Сэм Нун, председатель комитета вооруженных сил в сенате, кажется был опрошен заранее. До сих пор ни один член Конгресса еще не предложил начать совещания для обсуждения последствий этих действий. В соответствии с явной склонностью мистера Буша принимать решения в тайне, некоторые чиновники указали, что Белый Дом скрыл от Конгресса, граждан и иностранных лидеров конечные масштабы своих операций. Ключевые решения были приняты мистером Бушем и горсткой его ведущих советников, включая советника по госбезопасности, Брента Скоукрофта, Секретаря обороны, Дика Чейни, Госсекретаря, Джеймса Бэйкера, и генерала армии, председателя совета генерального штаба, Колина Пауэлла.

Как вам известно, мистер Буш был однажды директором Центрального Разведывательного Управления; не будет преувеличением сказать, что правительство Соединенных Штатов сейчас превратилось в громадную скрытую операцию. Освещение военных операций в Заливе ограничено гораздо больше, — и эти ограничения даже не оспариваются буржуазной прессой, — чем даже во время Второй Мировой войны. Принимаются решения, от которых зависят жизни десятков и сотен тысяч иракских жителей и арабов и намерное, десятков тысяч молодых американцев. Но американскому народу не говорят буквально ничего о последствиях этих решений и даже о самих решениях.

В промежутках между игрой в гольф и прогулками на своей гоночной лодке Буш ораторствует об отражении агрессии и защите маленьких стран. Эти циничные банальности исходят от режима, который всего семь месяцев тому назад вторгся в крошечную Панаму, убил тысячи беззащитных жителей, уничтожил целые районы столицы, арестовал и бросил в тюрьму ее президента и установил марионеточное правительство.

Война, которой Соединенные Штаты угрожают Ираку, будет войной империалистического бандита против бедной и исторически угнетенной страны. Администрация Буша готовит грабительскую войну за захват контроля над ключевыми залежами нефти на Ближнем Востоке, чтоб таким путем усилить свои позиции на арене мирового империализма. Если Соединенные Штаты победят, это приведет к жестокому подавлению Ирака и, возможно, всех арабских стран, к формам эксплуатации, более жестоким, чем существовали даже в период расцвета империализма до Первой Мировой войны.

В то время как Соединенные Штаты возглавляют военную атаку, против Ирака объединились все империалистические державы, „Организация Объединенных Наций“ обнажила свое обличье как империалистский притон, делегаты которого, включая делегатов Советского Союза и Китая, являются лишь политическими сподниками, нанятыми для удовлетворения нужд мировой буржуазии. Этот международный империалистический налет на Ирак выражает историческую сущность кризиса в Персидском Заливе. Он означает начало новой империалистической перекройки планеты. Конец послевоенной эпохи означает также конец эпохи освобождения от

колониализма. Провозгласив „крах социализма“, империалистическая буржуазия на делах, хотя еще не на словах, провозглашает также „крах независимости“. Углубляющийся кризис во всех основных империалистических державах вынуждает их обеспечить свой контроль над стратегическими ресурсами и рынками. Бывшие колонии, получившие толику независимости, должны быть вновь подчинены. Своим грубым нападением на Ирак империализм дает предупреждение о своем намерении восстановить такие формы неограниченной гегемонии над отсталыми странами, какие существовали до Второй Мировой войны.

Вооруженные силы Франции готовы к новым колониальным походам

Несмотря на свои сомнения по поводу быстрого военного развертывания Америки, его неопределенных целей и непредсказуемых последствий, циничные империалистические стратеги „Старого мира“ приветствуют возможность восстановить угнетение и старый стиль колониализма, предоставленную Бушем. Американская интервенция рассматривается как начало нового распределения земного шара. Поэтому каждое империалистическое государство нетерпеливо участвует в этом новейшем крестовом походе против неверных иракцев. Даже самый обрзгший старый хрыч стягивает свое пузо и пробует вновь надеть вытянутый из старого сундука имперский мундир, который история вынудила уже давно завернуть в нафталин и спрятать. Мечтая вновь увидеть Марокко и Сьерра Леоне на аукционном блоке, испанская буржуазия объявляет не весь мир, что она вновь готова к имперским походам и посылает несколько кораблей в Залив. Правящий класс Бельгии, который до сих пор не смирился с потерей Конго, также объявляет о своем желании участвовать в осуществлении блокады. Голландские империалисты, недавно терроризирующие народ Индонезии, также бодро готовы встать против „агрессии“. Даже Швейцария, впервые

за пятьсот лет значительно изменил свою внешнюю политику, чтоб удержать кувейтское золото в сейфах своих банков, объявила о своем «нейтралитете». Решение Германии и Японии участвовать в империалистической кампании против Ирака имеет гораздо больше значения. Обе страны пользуются этим предлогом и провозглашают о своих намерениях изменить свои послевоенные конституции, которые до сих пор запрещали посылку войск за границу.

Все крупные империалистические государства, даже буржуазные режимы отсталых и зависимых стран не хотят быть оставленными позади в новой гонке за сферами влияния. Каждая национальная буржуазия намерена проверить и обновить территориальные претензии, которые уже казались давно сданными в дипломатические архивы. Турецкий президент дал следующее объяснение по поводу поспешности, с которой он согласился на американскую просьбу отключить иракский нефтепровод пересекающий Турцию. Мистер Озал сказал, что Турция не желает быть исключенной из будущей «мирной конференции», которая соберется чертить границы Ирака по окончании войны.

В то время как Озал в Турции и Ассад в Сирии были бы удовлетворены кусочками территории Ирака, которые Америка возможно подбросит им в случае победоносной войны, крупные империалистические державы имеют большие аппетиты, — больше даже, чем у тучного мистера Озала, — и они так просто не наедятся.

Немцы и японцы вовсе не уверены, что американские войска, сегодня направленные против Ирака, в будущем не будут употреблены против них самих. Когда Германия и Япония обдумывают тот факт, что американская оккупация Персидского Залива ставит их «дорогу жизни» под контроль их самого опасного экономического соперника, они не могут не беспокоиться. В последней войне именно недостаток нефти обрек на гибель союзников по Антикоминтерновскому Пакту. Нельзя поверить, что германская и японская буржуазии не размышляют об этом горьком уроке и не приходят к определенным заключениям. Если снова война, то нужно избежать того же исхода. Сколько еще нужно ждать, прежде чем германские и японские империалисты начнут создавать военные силы, необходимые для обеспечения своих стратегических интересов. Возможно, что до поры до времени Германия признает гегемонию Америки в Персидском Заливе. Но взамен, она будет ожидать, а в определенный момент и потребует, чтоб США признали германские интересы в Восточной Европе, в Советском Союзе (т.е. нефть Румынии и Баку) и в Северной Африке. В свою очередь Япония вполне может решить, что необходимо потребовать «свободу действий» в Китае и Восточной Азии, даже не говоря о Восточной Сибири.

Итак, хотя империалисты демонстрируют показную анти-иракскую солидарность, а то же время растут корни будущей междоусобной борьбы. Несмотря на то что первоочередной целью агрессии США является Ирак, несомненно, что действия администрации Буша вполне сознательно направлены на усиление позиций американской буржуазии в продолжающейся и все более жестокой борьбе против ее империалистических конкурентов. Экономическое значение нефти Персидского Залива настолько велико, что контроль над этим регионом не может не влиять на глобальное равновесие сил. Восемь стран в регионе Персидского Залива, — Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Оман, — являются источником более половины открытых мировых нефтяных резервов. Интенсивные поиски новых источников нефти не смогли найти регионы, могшие бы заменить или даже серьезно посоревноваться с Заливом в его роли основного мирового производителя нефти. Согласно отчету геологической разведки США:

«Ясно, что открытие новых ресурсов постепенно понижается от рекордных цифр в 35 миллиардов баррелей в год в 50-е годы до последних 10-15 миллиардов баррелей в год в последнее время.

Производство примерно 20-миллиардов баррелей в год теперь превышает в два раза новые открытия нефти. Дело в том, что Ближний Восток будет все больше монополизировать мировые запасы нефти. Большинство привычных запасов нефти, также как и производственные мощности находятся в узком районе Ближнего Востока. Хозяйства Запада зависят от дешевого производства Ближнего Востока, количество нефти ежедневно проплывающей сквозь пролив Хормуза (примерно 7-8 миллиардов баррелей) в два раза превышает излишки производственных мощностей вне Ближнего Востока» (Anthony H. Cordesman, *The Gulf and the West: Strategic Relations and Military Realities*, Westview Press, p.23).

Многие, указывая на тот факт, что Соединенные Штаты используют гораздо меньше нефти Персидского Залива, чем Япония и Западная Европа, намекают, что правительство Буша действует для защиты мировых, а не только национальных интересов. Вполне верно, что Соединенные Штаты импортируют менее 10% своей нефти из Персидского Залива, а Западная Европа получает примерно 25%, а Япония — 60% нефти из этого региона. Но эти цифры не дают полного представления о проблемах, о которых предупреждают специалисты. Сейчас широко ожидается, что так называемый избыток нефти, занижавший цены на нефтепродукты в течении 80-х годов, рассеется и исчезнет к середине 90-х годов (эти предсказания были высказаны до нынешнего кризиса). По мере того как потребление превысит производство, цены повысятся и, как предсказывает один специалист, «США будут вынуждены конкурировать на мировом рынке с другими странами-импортерами. Даже если стратегический резерв нефти будет использован, США будут стоять перед еще одним крупным кризисом цен» (там же, стр. 26).

Кроме нефти, на Ближнем Востоке уже расширяется торговая и общая экономическая конкуренция между Соединенными Штатами и Японией. За последние 20 лет, ранее преобладающая роль США в Саудовской Аравии непрерывно подрывалась. Двое специалистов по Персидскому Заливу недавно писали: «Хотя в прошлом Соединенные Штаты преобладали на саудовских рынках и американские армейские инженеры и строительные компании имели перевес в саудской строительной промышленности, этот бизнес сейчас в основном потерян в пользу японских, корейских, других азиатских и некоторых европейских компаний. [А эти последние в свою очередь полагаются на дешевую рабочую силу из юго-восточной и южной Азии.] К настоящему времени, Соединенные Штаты и Япония примерно поравнялись на саудовском рынке, обе страны очень с ним тесно связаны».

«По мере того, как торговля становится все более спорным вопросом между правительствами США и Японии (и экономическая сила все более подменяет военную как определяющее начало в мировом влиянии), конкуренция за доли рынков в более богатых не-Западных рынках станет ключевым вопросом. В настоящий момент и Соединенные Штаты и Япония сосредотачивают свое внимание в основном на двусторонних вопросах, но конкуренция на нейтральных рынках может стать раздражающей в будущем... До сих пор Япония не попробовала делать полный силовой пресс в рынке Залива, но имея в виду, что Залив это единственный регион где торговля идет не в пользу Японии, разве можно исключить такую попытку в будущем?»

Лишь политические простаки, на слово верующие в альтруизм американского империализма, могут поверить, что действия правительства Буша не связаны с такими долговременными экономическими расчетами. Стоя перед неуклонным ухудшением своей конкурентоспособности по сравнению с основными империалистическими соперниками, американская буржуазия не может не соблазняться в употребление военной силы для остановки и даже поворота вспять экономического хода событий.

Военное наращивание сил Соединенных Штатов оправдывается в печати, как необходимый ответ на иракское вторжение в Кувейт; но ясно,

что иракские действия лишь подали долгожданный предлог для осуществления планов, разработанных в течение более десяти лет тремя предыдущими администрациями. Как было подчеркнуто в первом заявлении Рабочей Лиги об этом кризисе, Соединенные Штаты в течение многих лет вели политическую и военную подготовку оккупации Персидского Залива. Бывший служащий госдепартамента, Джон Аусланд, хвастался в статье опубликованной во Франции, что он лично участвовал в шедшей десятилетиями планировке военных действий в районе Залива.

25 августа в газете *Libération* он писал: «Эти подготовки начались в конце 60-х годов после того как британское правительство Гарольда Вильсона сообщило Соединенным Штатам, что оно не может и дальше поддерживать предыдущий уровень вооруженных сил к востоку от Суэца». Согласно Аусланду, отступление Великобритании немедленно привело к созданию того, что спустя много лет превратилось в гигантскую материально-техническую базу на острове Диего Гарсиа посередине Индийского океана.

Начиная в 80-е годы, отдельная ближневосточная группа войск США действовала с арендованных баз в Бахрейн. Специальные наблюдательные и командные самолеты АВАКС базировались в Саудовской Аравии.

Согласно прошлогоднему репорту генерала морской пехоты в Конгрессе, миллиарды долларов были затрачены за последние 10 лет на оборудование военных баз на Азорских островах, в Марокко и на острове Диего Гарсиа в Индийском океане. Морские причалы и аэродромы в Кении, Сомалии, Джибути, Омане и Пакистане были значительно переоснащены для приведения их в готовность в случае тревоги в Персидском Заливе.

Соединенные Штаты заранее оборудовали в регионе значительные склады с горючим, боеприпасами и другими припасами для обеспечения крупных военных сил в районе Залива. Вдобавок, Соединенные Штаты произвели особую технику для очищения и распределения питьевой воды, для связи, специальные грузоподъемники для разгрузки кораблей, и все это было специально приспособлено для действий в районе Залива. Американские возможности морского перевоза более чем утроились с 1981-го по 1987 год. Наконец, войска США проводили широкие войсковые учения в условиях пустыни.

Но осуществление всех этих планов и подготовок сошло бы на нет если бы не ключевая помощь империалистической амбиции Соединенных Штатов со стороны режима Горбачева. Подписание Шейнардзе и секретарем иностранных дел Бэйкером совместного коммюнике было решающим поворотным моментом предоставляющим США свободу действий в районе Залива. Советская бюрократия более не притворяется помогать угнетенным нациям или вести переговоры с империализмом от их имени. Продажные мелко-буржуазные паразиты, чиновники советского режима гордо служат прихотностям и подлоголкам империалистических разжигателей войны. Взамен за американские кредиты, не говоря даже о многих валютных взятках, чиновники Кремля предлагают Соединенным Штатам полную свободу действий по отношению к народам Ближнего Востока. Наоборот, — одержимые мечтой реставрации капитализма и собственного превращения в новых буржуа, — паразиты среднего класса и люмпен-интеллигенция СССР гораздо меньше сопротивляются американскому империализму, чем настоящий буржуазный класс, понимающий свои собственные национальные интересы. В той степени, что дореволюционный российский буржуа пытался усилить положение собственного национального капитализма в окружении мирового империализма, он понимал противоречия интересов российского капитализма и его соперников. Район Персидского Залива, в то время — провинция османской империи, был, например, одним из районов, где интересы

царской России резко расходились с интересами ее западноевропейских конкурентов. Но Горбачев и ему подобные, похоже думаю, что слово «империализм» это ругательство, придуманное Лениным; они не способны мыслить методами широкого и исторического обобщения. Они похоже, даже не понимают, что это восхождение империализма приведет, если оно не будет остановлено рабочим классом, к колониальному угнетению самого СССР. Политика Горбачева оправдывает замечание Троцкого, что невежество у власти так же опасно, как и безумство с бритвой в руках.

Несомненно, что нынешнее предательство Кремля идет на руку империализму. Но лишь те, кто не понял историческую роль сталинизма или ценят «дипломатию сверхдержав» презыше классовой борьбы, начнут оплакивать теперешнюю роль Кремля в мировой политике. Фактически ведь, политика Кремля, — жестокие подавления независимой революционной борьбы рабочего класса и подчинение его исторических интересов реакционному миру «мирного сосуществования», — в течение десятилетий служила сохранению стабильности и равновесия мирового империализма. Бюрократия использовала весь авторитет и престиж 1917 года для удушения революционной инициативы масс. Теперешний кризис дает возможность увидеть какой дорогой ценой рабочий класс вынужден платить за эти десятилетия предательства. Кремль ценно прислуживал империализму в отсталых странах, поддерживая национальные буржуазные режимы, играющие роль преграды против социалистической революции. Советская бюрократия предоставляла «социалистические» и «антиимпериалистические» мандаты режимам вроде иракского и возвышала их авторитет в глазах рабочего класса. Даже в случаях, когда тот или другой режим расстреливал и вешал членов местных сталинистских партий, Кремль продолжал осваивать эти правительства. Нынешний, без смущения открытый союз сталинистов с империалистами лишь обнажает в зрелой форме то, по существу контр-революционное содержание политической линии Кремля в течение всего послевоенного периода.

Для буржуазного национализма новая дипломатическая линия Кремля означает потерю маневренности. Он не может и дальше пользоваться возможностями бывшей «конкуренции сверхдержав». Националисты стиснуты с одной стороны растущим давлением империалистических господ на их экономически обанкроченные страны, а с другой стороны, растущим сопротивлением рабочего класса и низших масс по отношению к разным программам национальных режимов экономики, которые в условиях отсталых стран фактически означают массовый голод.

Именно в этом контексте мы и должны предать анализу последний поступок Ирака. Саддам Хуссейн несомненно вторгся в Кувейт в поисках какого то выхода из катастрофического хозяйственного кризиса, являющегося прямым последствием губительной восьмилетней войны против Ирана. Каким должно быть отношение революционного рабочего класса к этому действию? Должен ли он осудить вторжение Ирака в Кувейт как «агрессию»?

Мы отвечаем — конечно нет. Во первых, все разговоры об «агрессии» игнорируют все происшедшее до «первого выстрела». Кувейт, Саудовская Аравия и другие государства Залива в сговоре с Соединенными Штатами делали все, чтобы снизить цены на нефть и чтобы ввести Ирак в еще более отчаянное финансовое состояние. Эти защищенные империализмом феодалы, задолго до 2 августа вели экономическую войну против Ирака. Но есть и более важное возражение. Разговоры об иракской «агрессии» против Кувейта подразумевают поддержку территориальной целостности этого княжества, созданного британским империализмом в осуществлении своего плана раскола арабские массы и сохранить свой контроль над полуостровом Аравии. Как и все другие границы государств в

Персидском Заливе, они не имеют какой либо политической, географической или исторической легитимности. Употребляя недавнее выражение мистера Буша, они попросту «линии начерченные на песке». Специалисты по истории Персидского Залива недавно отметили существование двадцати одной территориальной сухопутной и морской границы между странами Залива, которые могут привести к серьезным спорам. Она писала что «трудно рассуждать о соглашениях о границах, которые никогда и не были определены. Пять из двадцати одной границы в Заливе входят в это определение... все границы Омана, с возможным исключением его границы с Объединенными Арабскими Эмиратами, остаются неопределенными. Граница между Саудовской Аравией и Южным Йеменом все еще не определена...» (Lanora G. Martin, *The Unstable Gulf: Threats from Within*, Lexington Books, D.C. Heath and Company, pp. 33-34).

Способ с которым шейхом Кувейта был испечен в кухне великобританской империалистической дипломатии и его участие в разделе на части отжившей османской империи — лишь одна из многих грязных глав в истории британской империи. Даже когда британские империалисты были вынуждены отступить со своих бывших владений по окончании Второй Мировой войны, они все же пытались сохранить Кувейт в роли важного плацдарма для действий в Персидском Заливе и в Индийском океане. Позвольте мне процитировать документ написанный британским дипломатом в Багдаде в июне 1947 года. Для сохранения влияния Великобритании в этом регионе он предложил создание, по его выражению, полицейских участков. Этот чиновник, Даглас Баск, в 1947 году написал следующее:

«Мне кажется что наши стратегические интересы и всемирные меры безопасности будут лучше всего обеспечены созданием в подходящих местах отделений полиции, полностью способных справиться с чрезвычайными происшествиями вокруг них. Кувейт является таким местом; с него можно контролировать Ирак, Персию, Саудовскую Аравию и Персидский Залив. Вполне стоит пойти на крупные расходы и создать и укомплектовать полицейскую станцию. Я бы сейчас начал с создания новой базы в Кувейте так как мы более или менее уверены в его сохранности на много лет вперед.» (Louis, Wm. Roger, *The British Empire in the Middle East 1945-1951*, Oxford Press, 1984, p.327).

Мы вовсе не намерены охранять кувейтское государство. Как я объясню, наше сопротивление иракскому вторжению основано на более глубоких соображениях, чем забота о границах начерченных Великобританией и защищаемых Соединенными Штатами. Кроме того, мы поддерживаем чаяние арабских масс к самоопределению и разделяем их ненависть к полуфеодалным анклавам, созданным империализмом.

Но именно потому, что мы пролетарские интернационалисты являемся последовательными, а не оппортунистскими в нашем сопротивлении по отношению к империалистическому разделу арабской нации, мы не отводим какой либо прогрессивной роли вторжению Хуссейна. Мы стоим против вторжения не потому что оно выражает «агрессию», а потому что оно не может, даже будучи успешным, содействовать демократическому объединению арабских масс и их освобождению от империализма.

Я поэтому не согласен с предложением одного товарища, что «Мы должны поддержать эту аннексию с точки зрения незаконченных национальных и демократических задач арабской революции.» Этот товарищ добавил:

«Мы должны заявить, что аннексия выражает первый и небольшой шаг иракской буржуазии по пути к цели, которую они не смогут закончить. Мы поддерживаем этот шаг так же, как нужно было поддержать действия Чан Кай Ши против генералов-атеменов в 1926

году; то есть, мы поддерживаем все шаги устранить империалистов и их агентов и, в то же время, мы сохраняем нашу независимость, нашу программу и готовим рабочий класс к свержению режима национальной буржуазии.»

Я считаю это совершенно неверным. Предложение, что мы должны положительно поддержать аннексию Кувейта Ираком заведет ИКЧИ в тупик и подрывает теоретические и политические успехи, которые мы сделали начиная с 1985 года в общей борьбе против предательства программы мировой социалистической революции со стороны Рабочей Революционной Партии. Необходимо заметить следующее:

а. Действия иракской буржуазии вовсе не ведут к национальной независимости и к разрешению незаконченных задач демократической революции. Аннексией Кувейта, буржуазия Ирака пытается всего лишь усилить свое положение по отношению к ее империалистическим господам и к ее буржуазным соперникам в регионе. Она ищет не уничтожения империалистического порядка, а изменения его условий.

б. В свете громадного опыта, накопленного рабочим классом за последние пол-века, говорить о «прогрессивном» характере аннексии Кувейта не осмыслив классовой сущности режима, который ее осуществил, означает впадать в самообман и обман рабочего класса Ближнего Востока. Арабская буржуазия состоит из политических негодяев, пан-арабистские фразы которых попросту служат прикрытием для их алчных и провинциальных амбиций. Баатисты поют паны арабскому союзу, а в то же время жестоко подчиняя эту мифическую цель материальным интересам национальной буржуазии внутри государственных границ, начерченных империализмом и защищаемых этими режимами. Воле не случайно, что баатист Ассад и баатист Хуссейн являются самыми жестокими врагами.

в. Снова и снова за «прогрессивными» действиями вроде вторжения в Кувейт следуют крайне продажные сделки с империализмом. Например, успех Садата в его войне против Израиля в 1973 году открыл дорогу сделке с Кэмп Дэвид. Нет причин полагать, что Саддам Хуссейн действовал бы иначе, если бы его аннексия Кувейта не была оспорена.

г. Тот факт, что Соединенные Штаты решили использовать иракскую аннексию Кувейта в качестве предлога для своего давно запланированного вторжения в Персидский Залив вовсе не означает, что мы обязаны защищать действия иракского режима. Мы безоговорочно защищаем Ирак против империализма США; это значит, что мы защищаем Ирак несмотря на наше сопротивление режиму Саддама Хуссейна и его политике.

д. Мы, конечно, не оплакиваем ликвидацию государственных границ Кувейта. Мы не призываем иракский режим оставить Кувейт, созданный империализмом для защиты своих интересов в регионе. Но мы не полагаем, что иракское вторжение и, вслед за этим, аннексия, могут привести к разрешению незаконченных проблем демократического развития. Экономическое и культурное развитие арабских масс требует не просто ликвидации «анклавов империализма», но и всей системы капиталистических национальных государств по всему Ближнему Востоку. Мы стремимся не к переделу границ, а к их упразднению. Последнее может быть достигнуто лишь революционным пролетариатом на основе социалистической программы.

е. Понятно, если товарищи сочувствуют тем, кто выгнал вон Эмира Кувейта. Но нельзя расширять это сочувствие в какую либо поддержку политики иракской буржуазии. Если мы поддержим аннексионную политику иракской буржуазии то наша претензия быть защитниками независимости рабочего класса останется пустыми словами. Наша независимость покоится на исторической перспективе, которая приписывает рабочему классу прогрессивную революционную роль; играть эту роль не по силам какой то иной социальной силе. Поэтому мы

боремся за объединение арабских масс не с помощью каких-то существующих режимов, а через построение мировой партии социалистической революции и свержение этих реакционных буржуазных режимов.

е. Между политическими надеждами и методами Саддама Хуссейна и Бисмарка есть поверхностное сходство. Но достижения Бисмарка в 19-м веке, основанные на войнах и аннексиях, не могут быть повторены в 20-м веке. Кроме того, задача нашей эпохи состоит не в создании новых жизнеспособных национальных государств, а в братском объединении всех национальностей в мировую социалистическую федерацию, которая поднимет человечество на более высокий экономический и культурный уровень. Как выразился Троцкий, «Национальная проблема сливается с социальной. Только завоевание власти мировым пролетариатом может обеспечить действительную и неизлечимую свободу развития для всех наций нашей планеты». (Четвертый Интернационал и война, 1934 г., Хогтонский архив Гарвардского университета, Т-3632, стр. 9).

Гамаль Абдель Насер и Саддам Хуссейн — тупик пан-арабизма и буржуазного национализма

ж. И наконец, чтоб углубить наше понимание истории, мы должны заметить, что ссылка на Чан Кай Ши подразумевает, что революционная политика в 1926 году состояла в поддержке реакционного лидера национальной буржуазии. Но это, на самом деле, была линия Сталина, который настоял на подчинении китайской компартии и рабочего класса Северному походу Чан Кай Ши и, вследствие этого, буржуазному Гоминдану. Троцкий, наоборот, писал о Северном походе под руководством Чан Кай Ши, как об «экспедиции против пролетариата». В другой статье он сказал, что «Северный поход послужил лишь усилением буржуазии и ослаблению рабочих». Троцкий настаивал, что Северный поход мог бы привести к положительным результатам для рабочего класса только если компартия выступила среди масс с независимой программой против политики Чан Кай Ши. Во всяком случае, попытка поддержать аннексию Кувейта Саддамом Хуссейном ссылкой на походы Чан Кай Ши против бандитов-атаманов является пустым академическим упражнением. Слабая аналогия не может заменить исторически конкретный анализ.

Мы не можем точно предсказать, как разовьется этот кризис в ближайшие дни и недели. В этих условиях мы должны учитывать

изречение Троцкого: чем более конкретен прогноз, тем более он условен. События мчатся быстро; возможны несколько исходов. В верхних эшелонах буржуазии идут споры о целесообразности военных мер. Распродажа акций на Уолл Стрит на прошлой неделе выражает нервотрясение правящего класса по поводу политических и экономических последствий развернутых военных действий. Несмотря на военный ажиотаж в прессе, более проницательные секторы буржуазии не склонны основывать все расчеты на чрезвычайно сомнительной предпосылке, что вся военная технология будет работать без промахов и приведет к полной победе в течении нескольких дней или часов. Напротив, если буржуазия, или хотя бы окружение Буша, полностью не потеряло здравый смысл, они должны поставить под серьезное сомнение, что все цели Соединенных Штатов будут достигнуты одной массированной атакой против Ирака. Даже само развязывание войны изменит объективную ситуацию и поставит новые и непредвиденные проблемы, которые могут стать еще более серьезными и опасными, чем те, которые привели к военным действиям. Аккуратные математические расчеты специалистов в Пентагоне первыми страдают в случае войны; как давно заметил старик Клаузевиц, война приводит к взаимодействию возможностей, вероятностей, удач и неудач, которые переплетаются вдоль и поперек гоубелена жизни. Из всего спектра человеческих действий, война более всего напоминает карточную игру.» (Clausewitz, On War, ed. Howard and Paret, Princeton, 1976, p.86).

Но массовое наращивание военных сил имеет свою собственную логику; сомнительно, что даже отступление иракских войск из Кувейта предотвратит военную атаку со стороны Соединенных Штатов. Все более сомнительно, что возвращение к положению, которое *Financial Times*, ведущий орган британской буржуазии назвал статусом *quo ante* (предыдущим положением), удовлетворит Соединенные Штаты. Цель США — создание крупной американской военной базы в районе Персидского залива, несовместимо с существованием иракских вооруженных сил в их нынешней форме.

Вчерашняя газета *New York Times* заявила: «Резолюции ООН недостаточны. Нужны более далекие цели — уменьшение риска повторных агрессий со стороны Ирака и предотвращение враждебного контроля нефти Залива. Для этого нужно, чтоб Ирак согласился уничтожить свои установки для химического и ядерного оружия и принял надежные меры международной инспекции. Это должно быть сопровождается гарантией границ и международным контингентом для наблюдения за границами.»

Газета *Wall Street Journal* пошла еще дальше. Она открыто заявила, что «оптимальная» цель американской политики должна состоять из оккупации Багдада и установления «регентства типа Мак-Артура».

Исключая полную капитуляцию Саддама Хуссейна, — включая не только полное отступление из Кувейта но и важные политические уступки затрагивающие безопасность Ирака (величина армии, вооружение, и т.д.) — не верится, что долговременные цели Соединенных Штатов установить свою безоговорочную военную и политическую гегемонию в регионе будут достигнуты не прибегая к войне.

Но вовсе не нужно строить догадки о развитии событий в ближайшие недели и месяцы. Гораздо важнее понять, что как бы ни разрешился именно этот кризис, политическая ситуация в мировом масштабе радикально изменилась. Если этот кризис и не приведет к войне, то вскоре вслед за ним придет другой. Мы должны понять, что изменения в мировой ситуации поставят величайшие задачи перед всеми секциями Интернационального Комитета и перед Рабочей Лигой. Военный кризис является величайшей политической проверкой для революционной партии. Он обнажает настоящий политический характер всех тенденций в рабочем движении, верно оценивает их программы и перспективы и калибр их кадров. Он проверяет, кто подготовился к

борьбе, а кто — нет.

Этот кризис уже дал самое убедительное подтверждение научной сущности перспектив, на которых основывалась работа Рабочей Лиги и Интернационального Комитета. События прошедшего месяца не ошеломили ни Рабочую Лигу ни наших международных соратников. Мы предвосхитили и подготовились к разразившемуся кризису. В течение всего года, несмотря на беспрецедентно жестокую кампанию против марксизма, Интернациональный Комитет настаивал, что крушение сталинизма в Восточной Европе выражает кризис всей системы империализма и послевоенного порядка, с помощью которого капиталистическая система была сохранена в течение полвека. Мы заявляли, что события в Восточной Европе, выходя из давлений мирового хозяйства на устаревшую систему национальных государств, являлись составной частью общего краха того интернационального равновесия, которое в прошлом регулировало дела империализма. Мы предупреждали, что новое равновесие не может быть достигнуто вне длительного периода политических и социальных конвульсий. Позвольте мне процитировать несколько заявлений напечатанных в прессе и в дискуссионных документах Рабочей Лиги и ИКЧИ.

а. В заявлении Политического Комитета о вторжении США в Панаму за 22 декабря 1989 г., Рабочая Лига сказала:

«Нападение на Панаму показывает растущую зависимость империализма США от военной силы. В третий раз за последний месяц — по следам отправки командос бригады Дельта в Сан Сальвадор и мобилизации ВВС США для остановки военного переворота в Филиппинах, — войска США вмешались во внутренние дела «независимой» страны.»

«Воссе не доказывая свою силу, употребление военной силы выражает слабость и кризис американского капитализма. В то время, как его финансовая система порвана в клочья, стоя перед лицом растущего дефицита внешней торговли и госбюджета, и испытывая удары более эффективных империалистических конкурентов, особенно Германии и Японии, империализм пытается силой утвердить то, что он уже не может поддерживать экономическими мерами...»

«Итак, Соединенные Штаты напрягают мускулы не только чтоб выгнать Норвегию, но и чтобы предупредить своих основных соперников в Европе и в Азии, что хотя США и падают экономически, они все еще владеют решающим военным преобладанием.»

«Эта комбинация хозяйственной слабости и военной силы является горячей смесью. В конечном итоге решает первый фактор; растущее безрассудство в употреблении американских вооруженных сил означает, что американский империализм неминуемо идет к громадной катастрофе...»

«Вторжение США — лишь еще одно выражение все более взрывчатого характера мировой политики. Тенденция разрывать местные неурядицы военным путем неминуемо ведет к еще более широкому военному пожару. Возвращение к дипломатии канонеров — сигнал о резком извращении американского империализма в глобальном масштабе... Крушение Варшавского Договора и отказ от претензий на политику анти-империализма со стороны Советского Союза снимает последние ограничения с действий американского империализма.»

б. 6 января 1990 г. в политическом репорте к членам Рабочей Лиги было сказано:

«Послевоенные соглашения имели целью разрешить все те противоречия, которые привели к самой кровавой войне в истории человечества, к войне, которая почти покончила с капитализмом; теперь, 45 лет спустя, оказывается, что все эти противоречия — и трещины все еще существуют, что капитализм вновь неумолимо готовится к новому противостоянию между основными империалистическими державами. Что может быть более взрывоопасным, чем комбинация тающей мировой

позиции Америки и ее все еще значительной военной мощи.»

«Нации, государства и классы не уходят со сцены мирно и тихо. Америка не согласится с потерей своего места в мире. Она рассматривает это столетие как свое, независимо от любых потерь и поражений...»

«Если рассматривать это в историческом мировом масштабе, развал режимов Восточной Европы и вообще, всего послевоенного порядка, означает утверждение, на более высокой ступени, всех основных противоречий капитализма. Воссе не вступая в новый победный период капиталистического подъема, империализм, наоборот, стоит перед новой кровавой эпохой войн и революций. Новое равновесие, необходимое капитализму, может быть достигнуто лишь после продолжительных скачков и всевозможных взрывов, войн и революций. Иначе говоря, движение противоречий не может быть разрешено мирным путем. Вот проблема стоящая перед рабочим классом: или он сможет разрешить этот кризис на основе прогресса, или он будет разрешен капитализмом весьма и весьма реакционно.»

в. В начальном докладе на 14 съезде Рабочей Лиги 17 февраля 1990 г. было сказано:

«Но давление мирового хозяйства, которое имело такой сокрушающий эффект на национально изолированные хозяйства Восточной Европы, имеет не менее взрывчатые последствия на политические и экономические отношения основных империалистических держав. Сокрушено старое капиталистическое равновесие, преобладавшее в послевоенный период и зависевшее от гегемонской роли американского империализма; новый эквилибриум не может быть установлен вне резкой перестройки политических и экономических отношений между основными империалистическими державами... И теперь, крушение этого равновесия вновь приоткрыло «шкатулку Пандоры» экономических и политических распри, которые в течении 25 лет от 1914 до 1939 года привели к разгару двух мировых войн, самых больших и страшных в истории.»

г. На 10 пленуме ИКЧИ 6 мая 1990 г. было замечено:

«Политическая карта перекраивается так же драматично, как и в период после 1914 года. Вопрос: как она будет перекроена и кто ее будет перекраивать? Или карта мира будет перекроена на капиталистической основе, т.е., через будущие войны и кровавые вынески, или рабочим классом через упразднение национальных границ и установление всемирной социалистической федерации.»

д. На следующий день этот пункт был вновь освещен:

«Стоит вопрос: сможет ли империализм мирно разработать новый устойчивый эквилибриум? Ясно, что старое равновесие основанное на глобальном превосходстве империализма США по окончании Второй Мировой войны полностью пережило себя. Это превосходство уже давно уменьшалось, но рамки Холодной Войны продолжали освещать его определенной легитимностью. Антагонизм между Соединенными Штатами и Советским Союзом помогал подавлять интер-империалистические соперничества. Если и существует какая то «мирная» возможность разработки нового империалистического статуса као, то она в первую голову зависит от желания Соединенных Штатов согласиться с новыми отношениями, которые в связи с изменениями в экономических отношениях между основными империалистическими державами, будут, так или иначе, выражать уменьшение в мировой роли США. Стоит вопрос: можем ли мы ожидать такую великую уступку со стороны американского империализма? До сих пор факты указывают, что нет.»

е. Программная резолюция Рабочей Лиги принятая в феврале и поправленная в апреле обобщила объективное положение такими словами:

«Сталинские режимы Восточной Европы были основной частью

политического каркаса, построенного империализмом с помощью сталинизма в конце Второй Мировой войны для подавления пролетарской революции. Их крушение выражает не только кризис сталинизма. Это, самое созревшее выражение общего кризиса мирового империализма; оно дает сигнал о разрушении послевоенного порядка. В Восточной Европе цель империалистического мирового порядка повалилась в своем слабейшем звене. Коренной экономический кризис мирового капитализма так же глубока и широка, как и те кризисы, которые привели к переколке карты Европы и других континентов после Первой Мировой войны и Октябрьской Революции и вновь, по окончании Второй Мировой войны. Священные до сих пор, политические союзы и государственные границы крошатся первыми в Восточной Европе. Но это, лишь предвещает судорожный период войн и революций, который переколет карту мира. Проблема стоящая перед рабочим классом состоит в том: будут ли эти изменения навязаны сверху правящими классами путем ядерной войны и фашистского заваривания, или снизу рабочим классом в ходе мировой социалистической революции.

Мировые события вновь мчатся с ошеломительной скоростью; сама скорость означает начало революционного периода. Длительный период накопления молекулярных изменений в экономической базе общества, период медленной, тягучей политики уступает дорогу эпохе, характеризованной лихорадочными сменами и взрывами, когда глубокие подземные сдвиги прорвались на поверхность политической жизни. Основные классовые противоречия десятилетиями прикрыты разными политическими и государственными надстройками, вырвались наружу; все выходящее на битву социальные силы начинают открыто выставлять программы, соответствующие своим экономическим интересам. Этот открытый бой враждебных социальных сил является важнейшей характеристикой революционного периода.

Несомненно, что политический анализ нашей партии оправдан самим течением событий. Но, что еще важнее, оправдание нашего анализа есть в то же время и оправдание самого метода марксизма и всех принципиальных оснований Четвертого Интернационала. Я не повторяю здесь все пункты из редакционной передовицы последнего журнала *Fourth International*, но никакое другое движение кроме нашего, основанного Львом Давидовичем Троцким, не может ответить на исторические вопросы стоящие перед рабочим классом. Пятьдесят лет после его убийства, программа мировой социалистической революции приобрела жизненное значение для рабочего класса. Все альтернативы марксизма, — реакционная национальная социалистическая панacea сталинцев, жиденький реформизм социал демократов и профсоюзных бюрократов, фальшивая антиимпериалистическая демагогия буржуазных националистов отсталых стран, как и апология всех этих течений со стороны лабалистского оппортунизма, — все они на деле оказались полными банкротами.

Стоя перед этим кризисом, мы строим нашу работу на всех основных принципах марксизма и на историческом опыте рабочего класса, вооруженных в программе Четвертого Интернационала. Определяя наше отношение к этой войне, мы не нуждаемся в поисках программных новшества. Наша работа основана на принципе революционного пораженчества, разработанного великими основоположниками нашего движения. Мы говорим рабочему классу, что его враг номер один — это правящий класс Америки и его правительство; что пролетариат должен всеми силами сопротивляться военному походу американской буржуазии; что если война все таки разразится, то рабочие должны продолжать свое сопротивление и разрабатывать свою независимую классовую борьбу против всех призывов к патриотическим пожертвованиям. Его отношение должно быть: «Ни одного человека, ни одной копейки на эту империалистическую войну».

Как советовал Троцкий, мы должны использовать переходные требования в помощь независимой мобилизации рабочего класса, чтоб вырвать его из под влияния про-империалистической бюрократии, которая преобладает в рабочем движении. В то время, когда каждый сознательный рабочий понимает, что жадные военные промышленники, испугавшись что конец Холодной войны отразится на их барышах, призывают войну, Рабочая Лига должна энергично призывать к рабочему контролю над военной промышленностью, к конфискации военных прибылей, к экспроприации и национализации военной промышленности и к ее превращению в основы социально полезного производства.

Рабочая Лига должна основывать свою анти-военную программу вокруг независимой политической мобилизации рабочего класса и молодежи против империализма. Эффективная борьба против войны начинается с основного марксистского наставления, что война является неизбежным результатом противоречий империалистической системы. Мы не боремся против войны с помощью нравственных обращений к буржуазии. Мы не подходим к войне как к страшной ошибке. Мы понимаем, что война неотделима от империализма, что поэтому борьба против войны означает борьбу за международное объединение рабочего класса для свержения империализма. В рамках этой политики, требование об основании Рабочей партии, основанной на революционной программе, набирает глубочайшее практическое значение. Несмотря на утверждение Клиффа Слотера в 1983 году после американского вторжения в Гренаду, революционная оппозиция империализму сводится к красному словцу, если она обходит мимо основной вопрос борьбы за откол американского рабочего класса от преобладающего влияния буржуазных партий.

Развязывание войны неизбежно приблизит хозяйственный кризис американского капитализма и усилит эксплуатацию рабочего класса. Мы часто повторяли, что буржуазия не сможет сохранить политику «лушек и масла», как во время Вьетнамской войны. Экономические условия сегодня прямо противоположны тем, которые преобладали в 1965 году, когда Президент Джонсон начал массивную эскалацию войск во Вьетнаме. В то время Соединенные Штаты не были обременены торговым дефицитом и доллар, который свободно менялся на золото по шкале в \$35 за унцию, играл роль мировой валюты, то есть, большинство мировой торговли оценивалось в долларах. Кажущаяся сила Соединенных Штатов была такова, что Джонсон и его советники полагали, что война во Вьетнаме не помешает домашней «войне с нищетой», которую провозгласила администрация.

А сегодня? Соединенные Штаты являются величайшим должником в мире; доллар, который стоит меньше трети по сравнению с другими основными мировыми валютами, чем в 1971 году, бысто идет вниз на мировых рынках; торговые и бюджетные отрицательные балансы достигли сказочных пропорций даже до начала огромных расходов, необходимых для военных действий в Персидском Заливе. Предстоит война против рабочего класса, а не война против нищеты. С самого начала, Соединенные Штаты должны поместить всю тяжесть милитаризма на плечи трудящихся. Для оплаты своей военной авантюры американская буржуазия должна занять в долг громадные суммы на кредитных рынках мира; эти последние, в свою очередь потребуют резких снижений все более жалких уровней жизни пролетариата.

Поэтому подготовка к войне и ее всплеск приведут к резкой интенсификации классовой борьбы в Соединенных Штатах. Будет, конечно, попытка подавить выражение этой борьбы. Можно уверенно сказать, что первыми жертвами войны станут демократические права рабочего класса и всех противников американского империализма. Но никакой уровень полицейских преследований не сумеет ограничить массовые волнения к которым ведут порожденные войной страдания.

Последние неотвратимо прорвутся на поверхность. Рабочая Лига, — принимая конечно все необходимые меры для обеспечения своей политической безопасности и предвидя нападки на ее гражданские права, — должна систематично готовиться к этому неминуемому развитию.

Исторический опыт двадцатого века продемонстрировал глубокую связь между империалистической войной и социальной революцией. Призыв Ленина превратить империалистическую войну в гражданскую был не попросту агитационным кличем, но программной формулой, основанной на научном анализе органических тенденций капиталистического развития. Империалистическая война, как неоднократно повторял Ленин, является результатом объективных социальных противоречий, развитие которых, ускоренное и усугубленное самой войной, неминуемо ведет к революционному кризису. Но перерастание революционного кризиса в социальную революцию не просто объективный процесс. Оно требует вмешательства тех субъективных сил, которые активно пытаются использовать возможности, порожденные революционным кризисом для взятия власти рабочим классом. Революционная партия представляет эту ключевую субъективную силу.

Оценивая политическую ситуацию и наши исторические задачи мы вспоминаем слова написанные Лениным в 1915 году:

„Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, но зато просвещает и закаляет других, причем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше, чем первых...“ [Крах II Интернационала, Полное собрание сочинений, 5 изд., Москва, т. 26, стр. 220].

„Долго ли продлится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата. Тут не может быть и речи ни вообще о каких либо иллюзиях, ни об их опровержении, ибо ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революция породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация. Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении.“ (Там же, стр. 221).

Каждый товарищ должен понять громадные задачи, стоящие перед партией. Война меняет все: отношения между классами, отношения между партией и рабочим классом, отношения внутри самой партии. Наша величайшая опасность лежит в самодовольстве и фатализме, в продолжении старых методов работы, в рутине, которая окamenела в привычку. Нелегко изменить рабочие методы, выросшие из объективных политических условий, когда эти последние вдруг сегодня изменились. Мы должны бороться против всех методов работы, которые основаны на молчаливом предрассудке, что так или иначе, но все останется по-прежнему, что нынешний кризис и все более взрывчатые условия внутри мирового империализма не приведут к социальным вспышкам, которые моментально изменят отношение партии к широким слоям рабочих и которые прямо поставят перед партией задачу руководить в борьбе десятками тысяч, сотнями тысяч, даже миллионами рабочих. В течение прошлого года мы повторно подчеркивали, что объективные отношения

между партией и рабочим классом изменились. Весь практический опыт партии за последний год подтверждает это. Между массами и их официальным руководством выросла глубокая пропасть; она будет расти по мере того, как широкие массы рабочих начинают ощущать последствия военного кризиса.

Мы должны мобилизовать растущее недовольство рабочего класса; мы должны неустанно бороться за его независимость; прежде всего, мы должны энергично обратиться к молодежи, то есть, к той секции рабочего класса, которая будет первой призвана к самым кровавым жертвованиям во имя империалистической войны; через этот поворот к молодежи и ко всему рабочему классу мы должны рекрутировать новые кадры партии. В нашем движении нет места скептицизму, самодовольству и фатализму. Наша партия прошла огромное политическое развитие за последние десять лет. Те товарищи, которые помнят период Вьетнамской войны знают, что наше движение, внутри Соединенных Штатов и по всему миру, гораздо более подготовлено к революционным задачам, постепенным ситуацией, чем в тот период. Те кто думают, что мы не сможем достигнуть нашей цели, что революционная перспектива нереальна, не обдумали всерьез значение событий прошлого года.

В течение прошлого года наше движение провело работу в ранее недоступных местах. Были проведены лекции в Москве, у нас есть сторонники, готовые организовать массовое распространение русского „Бюллетеня“ по всему Советскому Союзу. Наши товарищи ведут работу по всей бывшей ГДР и Лига Социалистических Рабочих завоевывает все более прочную репутацию среди передовых секторов рабочего класса ГДР.

Но стремительный бег событий есть лишь первым предупреждением об изменениях следующего периода. Как писал Троцкий в 1940 году:

„Война, напомним еще раз, чрезвычайно ускоряет политическое развитие. Те великие задачи, которые вчера еще казались отделенным от нас рядом лет, если не десятилетий, могут непосредственно предстать перед нами в течение ближайших двух-трех лет, даже ранее. Программы, основанные на привычных мирных условиях, неизбежно повиснут в воздухе. Необорот, программе передовых требований Четвертого Интернационала, которая близоруким политикам казалась „нереальной“, обнаружит все свое значение в процессе мобилизации масс для завоевания государственной власти.“ („Манифест Четвертого Интернационала“, Бюллетень Оппозиции, №84, август-октябрь 1940 г., стр. 27).

Наша программа является самой реалистичной из всех программ мира. Ни одно другое движение кроме нашей партии не поняло, не проанализировало и не предвидело развития. Именно сила этого анализа питает глубокое понимание настоящих отношений между классовыми силами. Работа, которую мы выполняем, основана не на умной прозорливости нескольких личностей. Она выражает растущее понимание своих исторических задач всем рабочим классом; такое развитие сознания выражает весьма высокоразвитый уровень социальных противоречий.

Мы не даем прогнозы и не даем гарантий; но мы уверены, что следующий период откроет возможности, которые раньше казались невозможными. Смогут ли эта партия и другие секции Интернационального Комитета вскоре стать массовыми партиями? Сможем ли мы через год организовать митинги сотен и тысяч людей? Я думаю, что несомненно да. Направление объективных развитий идет в эту сторону. Мы должны основываться не на наших мнимых организационных ограничениях, а на научном анализе объективного развития.

Наша задача — мобилизовать рабочий класс для взятия власти. Наша перспектива уже доказала силу марксистского метода: теперь мы

должны пользоваться этой перспективой для преобразования форм нашей работы, для широкого развития наших действий среди рабочего класса, для изменения на деле отношения между нашей партией и растущим повстанческим движением рабочего класса, и через это дать революционный ответ империалистической войне.

Американская армада в Персидском Заливе

Рабочие должны встать против войны в Персидском Заливе!

Резолюция чрезвычайного национального съезда Рабочей Лиги (США), принята единогласно 2 сентября 1990 г.

1. Этот особый национальный съезд объявляет о сопротивлении Рабочей Лиги мобилизации войск США на Ближнем Востоке и обещает приложить все усилия партии для сплочения рабочего класса против кровавых преступлений, которые готовит империализм Соединенных Штатов. Превратность Буша готовит империалистическое нападение на Ирак, на небольшую и отсталую страну, вся история которой показывает шрамы от жестокого наследия колониального правления. Хищные цели правительства Буша настолько ясны, что оно даже не пытается скрыть экономические интересы толкающие к войне под обычным циничным прикрытием защиты «демократии» и «свободы». Союзники США, полуфеодалы, княжества, эмираты и королевства, являются реакционными самодержавиями, где громадные нефтяные богатства сконцентрированы в руках нескольких сот дворцовых паразитов, инвестирующих свои миллиарды в американских, европейских и японских банках. В Саудовской Аравии до 1962 года существовало рабство; неофициально оно практикуется до сегодняшнего дня наравне с варварством вроде отрубания голов за преобладание и отрубание рук и ног за более мелкие преступления. Ни администрация Буша, ни воинственная капиталистическая пресса не пишут о политическом

характере или об историческом происхождении государства Персидского Залива, все из которых были самоуправно созданы империализмом именно для раскалывания арабского народа и для сохранения контроля в регионе. Это несомненный факт, что правительство Соединенных Штатов готовится к войне во имя барышей банков и нефтяных компаний. Американский рабочий класс должен решительно и недвусмысленно встать против этой преступной авантюры.

2. В оргии доиндустриального разжигательства войны, администрация Буша и капиталистическая пресса пытаются представить Ирак, как нынешний эквивалент империалистической нацисткой Германии, а Саддама Хуссейна, как перевоплощение Адольфа Гитлера. Какое издевательство над исторической правдой! Ирак, а не Соединенные Штаты стоит перед угрозой вторжения, захвата и уничтожения со стороны массивной военной машины империалистической державы, пытающейся установить беспорядочный контроль в регионе. Война против Ирака, население которого составляет одну пятидесятую часть Соединенных Штатов и вооружение которого является сравнительно примитивным, фактически примет характер геноцида. Газета Wall Street Journal открыто написала, что Соединенные Штаты должны начать войну против Ирака для уничтожения «арабизма» на Ближнем Востоке, то есть, во имя цели, выполнение которой потребует уничтожения миллионов арабов.

3. Иракское вторжение и аннексия Кувейта была всего лишь предлогом для Соединенных Штатов чтоб осуществить свой давний план о военной интервенции в Персидском Заливе и захвате контроля над его громадными залежами нефти. «Доктрина Картера» и «завод Рэгана» обосновали принцип, что военные меры будут использоваться для сохранения американского контроля в Персидском Заливе. Повторные военные учения, начиная с первоначальной организации Отрядов Быстрого Развертывания и до провокационной операции по изменению флагов в 1987-88 гг., послужили как репетиции нынешней операции. Уже вполне ясно, что цели военной интервенции идут гораздо дальше, чем защита феодальной Саудовской Аравии или даже вытеснение иракских войск из Кувейта. Соединенные Штаты устанавливают перманентный и массивный военный гарнизон в Персидском Заливе, который фактически превращается в протекторат Америки. Для достижения этой цели они намерены уничтожить любое потенциальное политическое и вооруженное сопротивление интересам империализма США. Вот почему капиталистическая пресса и политики открыто говорят о необходимости свергнуть режим Саддама Хуссейна, подавить армию Ирака, оккупировать Багдад и посадить там американского генерала в роли проконсула, правящего страной наподобие МакАртура в Японии по окончании Второй Мировой войны.

4. Вторжение Ближнего Востока более чем сотней самолетов, имеет исторические последствия далеко за пределами Персидского Залива. Это — водораздел в мировой политике. Оно означает начало еще одного империалистического передела Земного Шара, направленного на навязку новых форм прямого колониального правления в тех колониальных и зависимых странах, которые по окончании Второй Мировой войны завоевали формальную независимость. Нельзя объяснить это извержение жестокой агрессии против слабых и отсталых стран как результат преступных намерений отдельных лидеров основных капиталистических держав. Скорее, оно выражает экономическую и политическую сущность империализма: то есть, гегемонию финансового капитала в мировом хозяйстве.

5. Кризис империализма настолько велик, что он вынужден сменить все ограничения своих возможностей эксплуатировать отсталые страны. Гонимые за рынками, сырьевыми ресурсами и «дешевой» рабочей силой требует вновь аннексировать громадные части земного шара.

Великобритания, Франция, Германия, Япония и Италия, также как и другие второстепенные державы вроде Испании, Бельгии и Голландии, под предводительством США все участвуют в походе на Ирак так как они рассматривают его как первый шаг в восстановлении своих прошлых ролей как колониальные господа в Азии, Африке и Латинской Америке. В то же самое время сионистский режим в Израиле подстрекает своих империалистических покровителей начать военный удар по Ираку в надежде, что развязка войны даст ему предлог вытеснить миллионы палестинцев из оккупированных территорий в Иорданию. В этом случае, сионисты смогут завершить свою аннексацию Западного Берега (Иордана) и осуществить свой план громадного переселения иммигрантов из СССР.

6. Несмотря на персональное объединение империалистов против Ирака, их попытки ограбить ресурсы Ближнего Востока неминуемо приведут к растущей вражде между основными державами. Главная цель американской интервенции, это поставить США в преобладающее положение по сравнению с ее основными соперниками, в первую очередь, с Японией и Германией, в продолжающейся борьбе за рынки и барыши, через основание постоянного военного присутствия в регионе, который производит основную долю мировой нефти. Вторжение на Ближний Восток — лишь первый этап в извержении новой империалистической мировой войны, третьей в этом столетии, которая угрожает поглотить человечество в ядерную катастрофу. Ведущая сила этой войны та же, что и та, которая привела к гибели десятков миллионов в Первой и Второй мировых войнах — частная собственность на средства производства и деление мира на конкурирующие капиталистические национальные государства.

7. Политическая ответственность за войну лежит не только на лидерах мирового империализма но и на их лакеях в сталинских бюрократиях, правящих Советским Союзом и Китаем. Уже давно готовившаяся вооруженная интервенция США не могла бы быть начата в августе 1990 года, если бы не согласие советской бюрократии, выраженное в совместном коммюнике Бэйкера и Шеварнадзе и в открытой поддержке целой серии анти-иракских резолюций Совета Безопасности ООН Советским Союзом и Китаем. Согласно своей политике реставрации капиталистических отношений собственности, обе бюрократии под руководством Горбачева и Дэнг Кзяо Пинь уже даже не играют роль противников империалистического угнетения полуколониальных стран. Санкционируя колониальную войну в Персидском Заливе они открывают настежь дверь для дальнейших актов империалистического бандитизма и, в конечном итоге, для разделения и колониального покорения Советского Союза и Китая. Режим Фиделя Кастро, голосуя "за" или воздерживаясь по всем основным резолюциям Совета Безопасности ООН, давшим Соединенным Штатам видимость легитимности в своей агрессии против Ирака, также примкнул к этому предательству элементарных принципов анти-империалистической солидарности.

8. Роль, которую сыграла ООН в нынешнем кризисе совершенно обнажила сущность этой организации: ООН является лишь расчетной палатой для империалистических интриг и угнетения остальных стран. Нужно лишь сравнить скорость, с которой ООН установила блокаду Ирака с полностью неэффективными и незначительными санкциями, которыми та же организация "наказывала" по настоящему преступный режим Южной Африки, а еще раньше, Родезии. Израиль безмятежно пренебрегает резолюциями ООН и продолжает править Иерусалимом и другими территориями захваченными у своих арабских соседей в 1967 году, но Организация Объединенных Наций никогда не предлагала послать авианосцы и крейсера для блокады Хайфы, Эйлата и Тель Авива.

9. Поддержка вооруженной интервенции США со стороны Египта, Сирии и других арабских буржуазных режимов обнажает банкротство и

исторический тупик буржуазного национализма. После десятилетий пустословий во имя "арабского единства" против сионизма и иностранного империалистического угнетения, эти буржуазные режимы выступают в роли арабских марионеток и подставных лиц на службе американского империализма в его войне колониального грабежа. Троцкова перспектива перманентной революции вновь оправдалась: национальная буржуазия угнетенных стран неспособна достигнуть национальное объединение или настоящее освобождение от империалистической гегемонии. Эти задачи по силам только рабочему классу через борьбу за Соединенные Социалистические Штаты Ближнего Востока с равными правами для арабских, еврейских, иранских, курдских и турецких рабочих.

10. Защита угнетенного Ирака со стороны Рабочей Лиги ни в коем случае не означает политическую поддержку Саддама Хуссейна и Арабской Баатской Социалистической партии. Наоборот, безоговорочная защита Ирака против империализма США означает, что Рабочая Лига защищает Ирак несмотря на нашу долгую оппозицию по отношению к режиму и политике Саддама Хуссейна. Рабочая Лига не поддерживает его решение вторгнуться и захватить Кувейт и не приписывает этому акту какой либо прогрессивный характер. Но наша критика этой аннексации основана на интернационалистской и пролетарской программе, которая приписывает рабочему классу, а не какому то нынешнему буржуазному режиму, задачу объединения угнетенных масс Ближнего Востока и упразднения реакционных государственных границ, основанных старыми колониальными господами. На основе той же социалистической перспективы, Рабочая Лига отвергает все требования о восстановлении государства Кувейт, анклав, основанного великобританским империализмом и сохраненного империализмом США, как часть послевоенного соглашения, разделявшего Ближний Восток и обеспечившего продолжение империалистического преобладания над залежами нефти в Персидском Заливе. Рабочая Лига стоит против вторжения не потому что оно представляет собой "агрессию" против Кувейта, а потому что, даже в случае удачи, оно не может продвинуть вперед демократическое объединение арабских масс и их освобождение от империализма.

11. Жестокый исторический опыт доказал, что предпосылка объединения арабских масс — это установление преобладания рабочего класса в демократической и анти-империалистической борьбе. Проблемы арабского народа, включая требования настоящего самоопределения со стороны палестинских масс, не могут быть разрешены внезапными и оппортунистскими пограничными войнами. Намерения Саддама Хуссейна состоят не в объединении арабского народа и уничтожении империалистической системы на Ближнем Востоке, а всего лишь в усилении положения иракской буржуазии против ее местных соперников и империалистических господ. Уже стало известно, что недавняя "инициатива мира" со стороны Саддама Хуссейна, включала тайный параграф предлагающий признать Израиль, то есть предать палестинцев в обмен за признание Соединенными Штатами аннексации Кувейта.

12. Вспышка военного кризиса на Ближнем Востоке является подтверждением перспектив Интернационального Комитета Четвертого Интернационала и Рабочей Лиги и, прежде всего, оправданием марксистского анализа значения событий 1989 года в Восточной Европе. Интернациональный Комитет настаивал, что крушение сталинских режимов выражало кризис всего послевоенного порядка, с помощью которого в течение почти пол-века сохранялись глобальные интересы империализма. Интернациональный Комитет заявил, что события в Восточной Европе выросли из давления мирового хозяйства на устаревшую систему национальных государств и являются частью общего крушения международного равновесия, которое регулировало дела

империализма. Новое равновесие не может быть установлено вне длительного периода политических и социальных конвульсий. Кроме того, ИК предупредил, что правящий класс Америки, потеряв свое положение экономического превосходства, попытается употребить свою оставшуюся военную силу для защиты своего всемирного преобладания.

13. Интервенция на Ближнем Востоке выражает не силу империализма США, а его отчаянный кризис. Даже во время расцвета своего послевоенного могущества в 60-е годы, Соединенные Штаты не имели достаточно ресурсов для неограниченного продолжения войны во Вьетнаме. Сегодня, когда федеральное правительство обанкрочено и финансовая система США более всего напоминает Трешину Кафтан, решение послать огромное войско в самый политически неустойчивый регион мира является колоссальной авантюрой. Рабочая Лига заявила о вторжении США в Панаму. Эта комбинация хозяйственной слабости и военной силы является горючей смесью. В конечном итоге решает первый фактор: растущее безразудство в употреблении американских вооруженных сил означает, что американский империализм неминуемо идет к громадной катастрофе...

14. Империалистическая война в Персидском Заливе ведет к громадной эскалации атак правящего класса на уровень жизни и демократические права рабочего класса в Соединенных Штатах. Правительство Буша с полной поддержкой руководства Демократической партии в Конгрессе навязывает всю стоимость войны на рабочий класс. В отличие от периода Вьетнамской войны, администрация Буша не способна вести программу «лушек и масла». Тысячи молодых сынов и дочерей рабочих стоят лицом к лицу с угрозой смерти в песках Ближнего Востока в то время, когда их классовые братья и сестры дома подвергаются уничтожению всех социальных программ, чтоб заплатить за войну, когда стачки и другие формы профсоюзной деятельности становятся вне закона и миллионы людей повержены в нищету. Даже до начала военных действий, американский капитализм не мог уплатить за социальные программы смягчающие самые ужасные формы нищеты, такие как массовая бездомность, широко распространенная безграмотность и недоедание и уровни детской смертности, которые уже поравнялись с преобладающими в самых угнетенных и отсталых странах. А теперь, когда оккупация Саудовской Аравии стоит \$72 миллиона в день, администрация Буша и Конгресс согласны с необходимостью еще более резких уменьшений социальных расходов. Итак, миллионы рабочих увидят прямую зависимость между империалистической войной и уничтожением их жизненных условий. Основные устои идеологической и политической гегемонии буржуазии, — профсоюзная бюрократия, Демократическая партия, капиталистическая пресса, — будут полностью связаны вместе с империалистической войной и совершенно дискредитированы.

15. Рабочая Лига предупреждает, что развязка войны будет сопровождаться беспрецедентными в истории Соединенных Штатов нападками на демократические права рабочего класса и на его организации. Рабочие должны серьезно подумать о заговорщической манере, с помощью которой Буш, бывший раньше директором Центрального Разведывательного Управления, подстроил интервенцию США. Как заметила газета *New York Times* за 19 августа:

«В течение лишь 15 дней, в то время когда Конгресс закрыт на летние каникулы и большинство чиновников Вашингтона находятся в отпусках, ведущие лица администрации Буша атаковали США в самую обширную и опасную военную авантюру со времени Вьетнамской войны. Без какого либо протеста со стороны капиталистической прессы, уже навязан уродливый цензуры на репортажи о военных действиях в районе Залива, невиданный даже во время разгара Второй Мировой войны.

16. Правящий класс ничуть не доверяет фальсифицированным про- военным опросам населения публикуемым в капиталистической прессе.

Он сознает, что как ни пассивно и ни дезорганизовано настроение масс в настоящий момент, стоит лишь социальным последствиям войны стать чувствительными, оно взорвется против правительства. Один из важнейших уроков, который буржуазия выучила во Вьетнаме, это что нельзя дать внутреннему политическому сопротивлению подорвать вооруженные действия американского империализма. Как только станет ясно, что социальной базой анти-военных настроений в Соединенных Штатах на этот раз будут десятки миллионов рабочих, а не мелко-буржуазные студенты в университетах, это правило будет жестко применяться. В течение 80-х годов, во время индустриальных схваток в «мирные годы», правительство и предприниматели прибегли к штрейкбрехерству, уничтожению профсоюзов, юридическим подлогам, арестам и даже к убийствам. Эти меры будут расширяться и интенсифицироваться в условиях войны, когда борьба рабочего класса за защиту своих уровней жизни расценивается правительством как «анти-патриотичная» и вредная для «национального единства».

17. Задача Рабочей Лиги — агрессивно вмешаться и раскрыть сущность империалистической войны, мобилизовать массовое недовольство, которое она вызовет и, на основе независимой классовой стратегии, обеспечить революционное руководство и социалистическую программу этой массовой оппозиции. Наша работа будет основываться на принципах революционного поражения, разработанных основоположниками нашего движения. Мы говорим рабочему классу, что его враг не Ирак и его население, а американский правящий класс и его правительство; что он должен всеми силами сопротивляться военному походу американской буржуазии; что если разразится война, то пролетариат должен продолжить свое сопротивление и разработать независимую классовую борьбу против всех призывов к патристическим жертвоприношениям. Мы заявляем:

★ Ни одного человека, ни одной копейки на империалистическую войну!

★ Никаких жертвоприношений во имя военной машины! Защита всех рабочих мест и уровня жизни!

★ Вывод всех вооруженных сил США из Ближнего Востока!

★ Расширение классовой борьбы против капиталистического правящего класса, ответственного за войну!

18. Антивоенная стратегия Рабочей Лиги основана на независимой мобилизации рабочего класса против империализма. Сопротивляясь империалистической войне, мы боремся за международное объединение рабочего класса, построение Рабочей партии основанной на социалистической программе и установлении рабочего правительства. Рабочая Лига отвергает все попытки различных мелко-буржуазных радикальных организаций подчинить массовые антивоенные движения буржуазным политикам и ограничить социальный протест, порожденный войной единственно вопросу о военных действиях США в Персидском Заливе. Причина войны в капитализме, поэтому борьба против войны неотделима от борьбы против капиталистической системы прибыли. Один из величайших политических уроков Вьетнамской войны, это что борьба против империалистической войны требует мобилизации рабочего класса независимо от и в оппозиции к капиталистическим партиям, что она должна быть связана с каждой схваткой рабочего класса за защиту рабочие места, уровень жизни и социальные услуги. Борьба против войны означает борьбу за международное объединение пролетариата, за социализм и конец капитализма.

19. В таких политических рамках, требование основания Рабочей партии на основе революционной программы нацеленной на установление рабочего правительства принимает величайшее практическое значение. В первые же часы этого кризиса все ведущие представители Демократической партии, от Тада Кеннеди и Джессе Джексона до Сима

Нунна, объявив о своей солидарности с правительством Буша. Как и во всех других империалистических войнах начиная с Соединенными Штатами, — от Испано-Американской войны в 1898 году, Первой Мировой войны, Второй Мировой войны, и до Корейской и Вьетнамской войн, — двухпартийное согласие Демократов и Республиканцев всегда означало совместную коллаборацию в защиту интересов Уола Стрит. Для борьбы против империалистической войны рабочий класс должен бороться с обеими милитаристскими партиями большого бизнеса и построить собственную Рабочую партию.

20. Эта политическая борьба предполагает жестокий бой изгнать про-империалистическую бюрократию АФТ-КПП из профсоюзов. Лэйн Керкленд, Оуэн Биббер, Ричард Трумка, они все являются приспешниками военной колесницы большого бизнеса. Они приветствуют войну как средство разжечь шовинизм, провозглашая свою реакционную политику торговой войны, расширяя, во имя патриотизма и национальной обороны, свою корпоративскую коллаборацию с предпринимателями и правительством. Мы призываем рабочих отвергнуть шовинизм бюрократизма всех его злокачественных форм. Рабочее движение должно стойко противиться истерии анти-иммиграции, в частности встать против истерии направленной на выходцев с Ближнего Востока, живущих в Соединенных Штатах. Где целесообразно, профсоюзы должны организовать рабочие пикеты для защиты районов и домов иммигрантов от фашистских вандалов.

21. Выдвигая требование о Рабочей партии, Рабочая Лига ставит определенные требования, направленные на мобилизацию рабочего класса против империалистического милитаризма. Мы призываем к национализации военной промышленности под рабочим контролем и ее трансформацию в производство социально полезных продуктов; национализацию нефтепромышленности; национализацию банков и конфискацию военных барышей. Все эти требования направлены на систематическую политическую мобилизацию рабочего класса для взятия государственной власти.

22. Военный поход США на Ближнем Востоке возложит величайшую политическую и практическую ответственность на каждого члена Рабочей Лиги. Члены Рабочей Лиги должны стойко выдерживать громадные социальные и политические давления, включая прямое государственное преследование. Нужно повторить и осмыслить уроки процесса по поводу Акта Смита в 1941 году, когда 18 руководителей троцкистского движения в Соединенных Штатах были ложно обвинены и осуждены за мятеж накануне Второй Мировой войны. Соответственно с изменениями войной условиями, каждый член и вся партия в целом должны развить высочайшую политическую чувствительность ко всем мерам касающимся безопасности. Остерегайтесь провокаторов и шпионов! Необходимо проверить все формы работы и отбросить мероприятия несовместимые с задачами военного положения.

23. Хотя из-за реакционного Акта Вурхиса мы не состоим членами Четвертого Интернационала, мы разделяем политические задачи наших единомышленников в Интернациональном Комитете и боремся за его принципы в центре мирового империализма. Рабочая Лига строит свою борьбу против империалистической войны на научно основанной уверенности в революционную роль рабочего класса. Наши методы — политическая агитация и воспитание, направленные на развитие классового сознания среди американских рабочих. Мы отвергаем все мелко-буржуазные методы, — отказ от военной службы по причинам морали, сопротивление призыву или анти-военный саботаж, — которые подменяют систематическую политическую мобилизацию рабочего класса на основе социалистической программы действиями изолированных индивидуалов. Рабочий класс может положить конец угрозе войны и всем социальным бедствиям лишь взяв власть в свои руки, разрушив учреждения капиталистического государства и создав свои собственные

демократические формы правления.

24. Борьба против войны требует терпеливой, энергичной и решительной политической деятельности среди рабочего класса и молодежи. Нашей целью должно стать сращивание растущей социальной борьбы рабочих и молодежи против уничтожения их уровней жизни с сознательной оппозицией против империалистической войны. Мы должны неустанно объяснять рабочим, что война и ее ужасы могут быть прекращены лишь через построение Рабочей Лиги в солидарности с Интернациональным Комитетом Четвертого Интернационала и установление социалистической Америки, как одной части соединенных социалистических штатов мира.

Кампания Рабочей Лиги среди американских рабочих за Рабочую Партию и социалистическую политику.

Требуйте референдум о войне в Персидском Заливе!

Заявление Политического Комитета Рабочей Лиги
29 ноября 1990 г.

1. Рабочая Лига призывает всех рабочих и молодежь потребовать национальный референдум о планах администрации Буша начать войну в Персидском Заливе. Это требование должно быть первым шагом в мобилизации всего рабочего класса против надвигающейся угрозы империалистической войны. Десятки миллионов рабочих, молодежи, студентов, домохозяек и людей среднего класса настроены против

военной политики Белого Дома и Пентагона, но их голоса игнорируются. Рабочее движение должно потребовать, чтобы рабочий класс решил этот самый жгучий из вопросов, — вопрос жизни и смерти, вопрос войны, — и вступить в борьбу за всенародный референдум о войне в Заливе, в котором смогли бы принять участие все рабочие и молодежь. Эта кампания должна начаться немедленно. Администрация Буша уже назначила 15 января, как предельный срок для развязки войны против Ирака; мешкать нельзя!

2. Соединенные Штаты неотвратимо идут к войне, в которой погибнут тысячи молодых людей из рабочего класса, и иракцы и американцы. Никто не спросил сотни тысяч молодых американцев, — в большинстве из рабочего класса, 40% которых являются негритянского и латиноамериканского происхождения, — которые были посланы на Ближний Восток служить пушечным мясом для империализма США. Никто не спросил самих солдат, несмотря на то, что недовольство широко распространено, моральное состояние низко и несколько десятков рекрутов уже отказались служить. Эти молодые парни и девушки, в большинстве от 19 до 25 лет от роду, теперь стоят перед серьезной возможностью гибели для сохранности барищевых нефтяных компаний и банков Уолл Стрит. Генералы в Пентагоне ожидают тяжелые потери в размерах до 20.000 трупов даже в случае победы.

3. Американскую молодежь посылают убивать людей, ничего плохого им не сделавших — рабочих и крестьян Ирака, маленькой и отсталой страны, меньше чем штат Техас, которая все еще несет на себе тяжелые следы декад колониального правления. Ввиду огромной огневой мощи американского вооружения, ожидается, что потери Ирака будут в десять и более раз превосходить потери США. Комментаторы прессы и капиталистические политики бесечно говорят о «хирургических ударах» и о «бомбардировочном ковре», но такая тактика приведет к гибели сотен тысяч, даже миллионов мужчин, женщин и детей Ирака (45% населения Ирака моложе 14 лет). Американские люди, не массовые убийцы. Они не намерены присоединяться к Бушу и к его воинственным генералам для осуществления преступлений, невиданных со времени нацистского варварства.

4. Военная пропаганда исходящая от прессы большого бизнеса и от администрации Буша начала злоесть напирать на утверждение США, что Ирак вскоре построит ядерное оружие. Цель этих репортов, как и репортов о химическом вооружении Ирака, и о силе его противовоздушной обороны в защите против нападения сухопутных сил США — подготовить публичное мнение к употреблению ядерного арсенала Америки против Ирака. С совершенным цинизмом, администрация Буша готова оправдать уничтожение миллионов жителей Ирака во имя «спасения американских жизней». Так как вся технология Ирака была куплена у империалистических держав, вроде Соединенных Штатов и Германии, правительство США отлично знает об отсутствии атомной бомбы у Ирака. Находящееся под контролем империалистов, Международное Агентство Ядерной Энергии лишь на прошлой неделе, после детальной местной проверки, удостоверилось, что все ядерные ресурсы Ирака используются на атомных электростанциях.

5. Среди этого потока пропаганды, нельзя терять из виду тот факт, что Соединенные Штаты, это единственная страна, когда либо употребившая ядерное оружие. Сожжение Хиросимы и Нагасаки в конце Второй Мировой войны было осуществлено для испытания нового оружия и для запугивания любого будущего противника американского империализма. «Опасения» администрации Буша по поводу химического оружия Ирака, столь же циничны. Нельзя забывать, что Соединенные Штаты провели самые широкие, в истории всех войн, применения химического оружия во время Вьетнамской войны. Американское опрыскивание ядов для уничтожения листвы, вроде «Оранжевого Агента», велось настолько широко, что вместе с бесчисленными вьетнамцами, заболели и тысячи

американских солдат. Кроме того, если внешняя политика Соединенных Штатов сейчас включает нападение на любую страну обладающую возможностями произвести ядерное или химическое оружие, то кто станет следующим? Этот довод логично ведет к американской бомбежке каждой страны в мире.

6. Эта внезапная вспышка пропаганды о предполагаемой атомной бомбе Ирака, есть лишь последний пример отчаянной попытки администрации Буша найти какие то предлоги для развязки войны. Белый Дом и госдепартамент подготовили целую серию столь же ничтожных предлогов для войны: защита Саудовской Аравии, — реакционного полуфеодалного государства, где все еще практикуется рабство; восстановление границ Кувейта, — территории созданной британским империализмом служить своего рода «полицейской станцией» на Ближнем Востоке; возвращение власти «законному правительству» Кувейта, — наследственному Эмиру, имеющему 50 миллиардов долларов на собственном счету, который четыре года назад распустил чисто символический парламент страны; обеспечение нефтяного снабжения Запада (хотя никто не может объяснить, зачем Ираку прерывать продажу нефти, своего основного продукта экспорта); и наконец, «защита рабочих мест», — наверное, самое циничное объяснение, ведь война в Персидском Заливе сопровождается прямой атакой на рабочие места и жизненные уровни американских рабочих.

7. Эти оправдания объявляются одно за другим, не пытаясь даже связать их в логичную цепь. Как только один опрос населения показывает, что старая ложь теряет свою силу, как тут же администрация Буша вытаскивает новую. Эти лжи настолько грубы, что любой знающий обозреватель сразу же видит их насквозь, но капиталистическая пресса, а особенно телевидение, с нетерпением употребляет каждую, действуя не более, чем подобострастные органы пропаганды в помощь военной машине Пентагона. Военный ажиотаж прессы резко усилился когда Буш объявил о своем «наступательном военном выборе», — попросту говоря, о решении вторгнуться в маленькую страну Ирак, со всеми солдатами, танками, самолетами и бомбами, в распоряжении самой могучей империалистической державы.

8. Администрация Буша вынуждена предлагать такие жалкие объяснения своего поведения в Персидском Заливе так как она не может прямо объяснить своему народу о настоящей причине посылки полумиллиона американских солдат воевать и погибать в арабской пустыне. В Персидском Заливе идет подготовка империалистической войны для защиты стратегических интересов американского империализма, который уже долгое время преобладал в угнетенных странах Ближнего Востока. Это, война для защиты прибылей нефтяных монополий, военных промышленников, громадных банков и корпораций, которые управляют всеми политическими рычагами власти в Вашингтоне. Одна из важнейших причин американской интервенции в Персидском Заливе, это вновь утвердить, — на этот раз военным путем, — то преобладание, которым Уолл Стрит уже экономически не владеет из за исторического упадка американского капитализма и потери им своих позиций на мировом рынке.

9. В то время, когда американский империализм сегодня собирается на войну против иракского режима Саддама Хуссейна, он уже готовится к завтрашней войне против своих основных соперников — германского и японского империализмов. Сущность призыва Буша к «новому мировому порядку» в том, что американский империализм недоволен нынешним разделом мира со своими империалистическими соперниками и поворачивает к политике военного давления и завоеваний для передела земного шара. То же самое фундаментальное противоречие мирового капитализма, которое привело к двум мировым войнам, — конфликт между мировым хозяйством и системой конкурирующих национальных государств, — взрывается сегодня с еще большей силой. Мировой

капитализм раскалывается на огромные торговые блоки, — западное полушарие под гегемонией США, Европа под преобладанием Германии и, регион Азии и Тихого Океана под руководством Японии, — которые воспроизводят военные деления и коалиции Второй Мировой войны. Под поверхностным объединением против Ирака уже можно разглядеть эти интер-империалистические напряжения. В США они выражаются критикой в адрес Германии и Японии за недостаточные вклады, и денежными и военными, в американскую коалицию.

10. Война в Персидском Заливе организуется, как конспирация крошечной группы представителей правящего класса за спиной американского народа. Рабочему классу не дали слова в решении послать величайшую военную армаду со времени Вьетнамской войны. Посылка первых двухсот тысяч солдат была результатом решения клики в Белом Доме, состоящей из горстки советников Буша и чиновников Пентагона. Есть обоснованные подозрения, что эти чиновники намеренно спровоцировали и способствовали иракскому вторжению в Кувейт 2-го августа, чтобы получить предлог для долго подготавливавшихся планов американской оккупации нефтяных залежей Персидского Залива.

11. Политики обеих капиталистических партий, Демократы и Республиканцы, сговорились не выносить вопрос о Заливе на обсуждение голосователей во время выборов, чтобы предотвратить малейшее выражение оппозиции по отношению к военному развёртыванию США. Демократические и республиканские кандидаты или вообще не упоминали о подготовке к войне, или выступали как ярые сторонники военных мер администрации Буша. А два дня после выборов, Буш объявил об увеличении адм. войск США в Саудовской Аравии и о подготовке нападения против Ирака. Чиновники Белого Дома цинично признались, что решение о войне было принято уже в октябре но намеренно скрыто от голосователей.

12. В правящих кругах сейчас идет поддельный «дебат» вокруг вопроса, или решение о войне может быть принято Бушем единолично, или он должен проконсультироваться с 535-ю депутатами в Сенате и в Доме Представителей. Этот спор о необходимости формального объявления войны является пререканием внутри самого правящего класса. Если даже Конгресс и соберется для формального объявления войны, что в этот момент кажется весьма возможным, это так же мало выразит демократическое волеизъявление народа, как и приказ отданный Бушем в его роли главнокомандующего. Один капиталистический политик принимает решение или 535, империалистическая война против Ирака будет нечто единственно в пользу правящего класса. Даже если оно получит апробацию развращенных марионеток большого бизнеса вроде пятых сенаторов вокруг Китинга, массовое уничтожение иракской и американской молодежи останется таким же преступлением!

13. Ни один из этих представителей большого бизнеса не оспаривает основную предпосылку интервенции США в Персидском Заливе. Все согласны, что американский империализм обладает бесспорным правом вторгаться в страны Ближнего Востока, захватывать нефтепромыслы и навязывать свою волю на арабское население. Как заявил Сенатор Сам Нун, ведущий военный представитель Демократов, в начале сенатских слушаний о кризисе в Заливе, «Вопрос стоит не в том или военные действия оправданы; они вполне оправданы. Вопрос заключается в том, или военные действия разумны в этом случае, отвечают ли они нашим национальным интересам». Споря о том или начать вторжение, или понадеясь на международную империалистическую блокаду, правящий класс просто обдумывает какие меры, широкая бомбардировка или систематическое голодание являются лучшим средством уничтожения Ирака.

14. Кто же принимает решение о войне в Персидском Заливе?

Процедура, предписанная Конституцией США, — президент подает заявку о декларации войны, в Конгресс голосует о ней, — ярко показывает фальшивую сущность капиталистической демократии, в которой нет слова рабочему классу. Сам Буш, нефтепромышленник из Техаса и сын банкира с Уолл Стрит, был старательно подобран большим бизнесом служить его интересам в Белом Доме. Бывший директор Центрального Разведывательного Управления, Буш провёл большую часть своей жизни заведая скрытными операциями империализма США, культивируя это своей личной ролью в управлении отрядами смерти в Сальвадоре и полувоенными конспирациями касающимися сети снабжения оружием Иран-Контрас. Демократические и Республиканские политики на Капитолийском холме являются никак не меньшими лакеями правящего класса; как показывает скандал сберегательных касс, они продают свои голоса тем, кто побольше заплатит. Этот Конгресс предпринимателей настолько труслив, что он даже не может осуществить свой собственный закон, Акт о Военной Власти, принятый в 1973 году, якобы для предотвращения будущих необъявленных войн вроде агрессии США во Вьетнаме.

Разжигатели войны: Буш со своими генералами

15. Белый Дом Буша и Конгресс под контролем Демократической партии вовсе не представляют рабочий класс и эксплуатируемые секции среднего класса, которые вместе составляют громадное большинство американского народа. Они представляют корпоративных боссов, банкиров и миллиардеров, в классовых интересах которых разжигается война в Персидском Заливе. Они говорят за генералов в Пентагоне, которые со времени империалистического поражения во Вьетнаме, все еще лежат своим болячками и надеются взять реванш за счет народа другой

маленькой страны. Они выступают за Эксон, Мобиль, Тексако и Шеврон, четыре гигантские нефтяные компании, которые поделили между собой нефтяные промыслы Персидского Залива в 30-е годы и с тех пор стригут миллиардные купоны барышей. Они говорят за Джерард Дейзмикс, Макдоннел Даглас, Локхид, Грумман, и остальных производителей передовых машин смерти, которые видят в предстоящем побоище на Ближнем Востоке беспрецедентного размера прибыльный пир.

16. Далеко не все этой кровавой бани назначается в закулисных переговорах в ООН; Совет Безопасности утвердит военные действия против Ирака, начиная с какой-то даты в январе. Этот империалистический разбойничий притон несет ответственность за неслыханные преступления против международного рабочего класса, начиная с установления на шее палестинского народа, государства Израиль, до Корейской войны, до убийства Патриса Лумумбы отрядами ООН „по поддержанию мира“ в Конго. Прошлые администрации США регулярно обманывали ООН, потому что присутствие в ней сталинских и буржуазно-националистских режимов лишало ее надежности в роли орудия внешней политики США. Но теперь, под руководством Горбачева и Денг Ксяо Пина, трусливый союз сталинцев с империалистами превратил ООН, как всегда мечтали Соединенные Штаты, в штамп-отписку для империалистической агрессии.

17. В то время, когда администрация Буша попирает волю громадного большинства рабочего класса, которое стоит против войны в Персидском Заливе, она не жалеет денег, подкупая, угрожая и задабривая представителей разных империалистических держав, буржуазные правительства в полуколониальных странах и сталинские режимы, чтобы получить их поддержку. Кто проголосует за резолюцию Совета Безопасности ООН в поддержку военного геноцида против народа Ирака? Список включает кровавых диктаторов вроде Мобуту в Заир и Менгисту в Эфиопии, весьма подходящих Бушу в роли „защитников прав человека“ в Кувейте; правые буржуазные режимы Малайзии, Берега Слоновой Кости и Колумбии, всегда готовые продать свой голос за подачку с Уолл Стрит; ведущие сталинские режимы в Советском Союзе и в Китае, а также слегка приукрашенный сталинский режим Иллеску в Румынии; Финляндию, небольшую империалистическую державу под правлением социал-демократов; и конечно, четыре крупные империалистические державы: Соединенные Штаты, Великобританию, Францию и Канаду.

18. Еще более цинично утверждение Буша, что военная коалиция в Персидском Заливе под руководством США представляет „международное общество“ объединившееся против „агрессии Ирака“. Основные союзники Буша, это Великобритания и Франция, бывшие колониальные силы в регионе, которые собрали там почти 50.000 солдат плюс военные корабли с ядерным оружием. Империалистические державы поменьше, как Канада и бывшие колониальные рабовладельцы вроде Голландии, Бельгии и Испании также послали войска. Хозяин Сирии, Ассад, сам оккупирующий Ливан и президент Турции Озал, который надеется на кусок территории Ирака в случае удачной империалистической войны и раздела Ирака, также выступают вместе с ними. Египет, еле замаскировав эту сделку, предоставляет наемников: 20.000 штыков в обмен за прощение семи миллиардов долларов своего военного долга Соединенным Штатам и „покровительство“ по отношению к пересмотру долгов Египта, то есть, прощение почти половины своего пятидесятимиллиардного внешнего долга.

19. Рабочие должны отвергнуть утверждение, что лишь большой бизнес, его политические подставные лица в Конгрессе и представители мировой реакции в ООН имеют право решать о войне. Нужно вырвать это решение из рук капиталистического класса и передать его пролетариату. Рабочее движение должно потребовать созыв общенародного

референдума о войне в Персидском Заливе. Борьба за такой референдум станет фокусом в попытке мобилизовать рабочий класс, возбудить массовое сопротивление политике правительства Буша и остановить поголовное бегство к империалистической войне.

20. Рабочая Лига зовет к референдуму о войне, чтобы предоставить первые средства для освобождения рабочего класса от тисков Демократической партии, чтобы преодолеть теперешний паралич рабочего движения, к которому привело долгое подчинение профсоюзной бюрократии капиталистическому правительству. Требование референдума вовсе не означает обращение к Конгрессу или к Белому Дому сделать американский капитализм более демократичным или „узаконить“ империалистическую войну массовым голосованием. Требование референдума направлено к рабочему движению. Рабочие должны заставить АФТ-КПП, Объединенных Автомобильных Рабочих, Объединенных Горняков и все остальные профсоюзы принять немедленные меры для проведения референдума.

21. Рабочие должны встать во главе уже существующей огромной оппозиции к развязыванию войны. Нужно предлагать резолюции в каждом профсоюзном локале, в профцентрах и в других профсоюзных организациях, в классах и собраниях школ и институтов, требуя такой референдум. Рабочее движение должно организовать агрессивную политическую кампанию, чтоб вынудить к проведению национального голосования о войне в Заливе, включая распространение петиций, массовые демонстрации и подготовку местных, областных и всеобщих забастовок. Мобилизация молодежи, которая будет первая использована в роли пушечного мяса, является особенно решающей. В капиталистической прессе уже появились намеки, что если война затянется дольше, чем несколько дней, нужно будет возобновить призыв в армию, чтоб предоставить военной машине Пентагона десятки тысяч новых жертв.

22. Борьба против войны должна проводиться на классовой основе, связывая вопрос о войне со всеми нападениями капиталистической системы на рабочий класс. Американский капитализм обанкротен, он стоит перед громадными торговыми и бюджетными дефицитами. Правящий класс не может позволить себе проводить политику „лушех и масла“, как во время Вьетнамской войны. Он должен вести войну на два фронта. Каждый доллар затраченный на империалистическую войну на Ближнем Востоке должен быть изъят из жизненного уровня пролетариата внутри страны. Рабочие стоят лицом к лицу перед увеличивающейся инфляцией, растущим спадом, урезанием всех необходимых социальных программ и расширяющимися общественными страданиями. Эта зима будет тяжелее для бедных, бездомных и безработных, чем любая другая со времени 30-х годов и Великой Депрессии. Империалистическая война принесет увеличивающиеся нападки на демократические права. Одна из важнейших целей формального объявления войны, это положить законную основу для преследования всех противников американской интервенции в Персидском Заливе.

23. Оппозиция Рабочей Лиги по отношению к империалистической войне вовсе не основана на пацифизме. Рабочий класс, величайшая социальная сила в Соединенных Штатах и во всем мире, не может позволить себе быть подчиненным протестам организаций среднего класса, пацифистским проповедникам или мелкобуржуазным демагогам вроде Джессе Джексона. Такие элементы используют сопротивление к войне в Заливе, особенно если военная ситуация США затруднится, и попытаются отвлечь массовое движение в сторону давления на Конгресс и на политиков Демократической партии. Война не может быть остановлена протестами, в лишь революционными средствами, через независимую мобилизацию рабочего класса. Пролетариат должен

самостоятельно войти в политическую жизнь Соединенных Штатов, выставив свою собственную политическую повестку дня против всех разжигателей войны в Вашингтоне, объединяя вокруг себя массы эксплуатируемого среднего класса, — профессионалов, фермеров, небольших предпринимателей, — которые также ужасаются от перспектив массовой кровавой бойни в Персидском Заливе.

24. Призывая к референдуму о войне, Рабочая Лига объясняет, что сам по себе, он не может остановить войну. Необходима независимая политическая мобилизация рабочего класса. Несмотря на риторику о «свободе и демократии», Демократические и Республиканские партии будут яростно сопротивляться требованию, что народ должен сам проголосовать, прежде чем начинать войну в Персидском Заливе. Американская капиталистическая демократия настолько прогнила, что ни один демократический или республиканский политик не предложит такую элементарную меру, как консультация рабочих масс, прежде чем начинать военный конфликт, в котором погибнут десятки, если не сотни тысяч. Даже в том случае, если референдум и пройдет, рабочий класс должен будет осуществлять это решение своей собственной независимой силой, против попыток капиталистического правительства проигнорировать этот результат или создать предлог аннулировать его. Правящий класс, использующий демократические формы для распространения иллюзий, что американский народ контролирует правительство, быстро отбросит демократическую маску, когда его жизненные интересы окажутся под угрозой.

25. Кампания за референдум о войне в Заливе является важным, но только первым шагом. Причина войны — капиталистическая система; ее нужно упразднить. Требование референдума открывает новую дорогу для рабочего класса: независимая мобилизация огромной силы рабочего класса в политической борьбе против капиталистического правительства. Повести эту борьбу вперед, рабочий класс должен основать собственную партию, массовую рабочую партию, и бороться за взятие власти новым рабочим правительством, основанным на избранных рабочими советах и ведущим социалистическую программу. Рабочее правительство, основанное путем такого массового подъема пролетариата, ударит по корпоративным разжигателям войны, захватит ценности нефтяных компаний и военных промышленников, которые уже сграбастали огромные барыши на кризисе в Персидском Заливе, конвертирует военную промышленность на производство мирных продуктов, национализировать под рабочим контролем все основные индустрии и банки. Оно демонтирует военную машину Пентагона и заменит капиталистическую «добровольческую армию» рабочей милицией, организованной и контролируемой самим рабочим классом.

26. В настоящее время, массовая оппозиция империалистической войне парализована реакционной бюрократией, сидящей на вершине профсоюзов АФТ-КПП. Эти профсоюзные бюрократы не хотят отвечать за жизни десятков тысяч молодых рабочих, посланных в пустыни Саудовской Аравии, или даже за судьбы тысяч членов профсоюзов, уже призванных на военную службу или в подразделения Национальной Гвардии из запаса. Ни один профсоюз, состоящий в АФТ-КПП все еще не осудил военный поход в Персидском Заливе и никак не оспаривал право кучки капиталистических политиков начинать массовое уничтожение арабских и американских рабочих. В центральном штабе АФТ-КПП в Вашингтоне, гнездо чиновников подготовленных в госдепартаменте под руководством президента АФТ-КПП, Лэйна Керкленда, работает в тесной связи с ЦРУ и администрацией Буша во всем мире.

27. Поэтому политическая борьба против

империалистической войны затрагивает самый решающий вопрос, стоящий перед рабочим классом: необходимость построить новое, революционное руководство в рабочем движении. Кампания за референдум о войне в Заливе потребует борьбу внутри каждого профсоюза против привилегированной бюрократии, которая защищает интересы боссов и капиталистического правительства и предаст рядовых рабочих. Нужно выгнать бюрократов вон из рабочего движения и превратить профсоюзы в орудие борьбы всего рабочего класса против растущей нищеты, безработицы и угрозы войны.

28. Капиталистическая система может предложить рабочему классу лишь рост мирового экономического кризиса и развязку новой мировой войны, на этот раз с использованием ядерного оружия. Единственный выход — объединить международный пролетариат в общей борьбе за упразднение системы прибылей путем мировой социалистической революции. Рабочая Лига и Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала борются за построение интернациональной партии для объединения рабочего класса. В этом единственный залог победоносной борьбы против капиталистической системы. Мы призываем всех рабочих и молодежи вступить в Рабочую Лигу, строить ее как новое революционное руководство и приняться за борьбу против угрозы империалистической войны в Персидском Заливе.

- ★ За референдум о войне в Заливе!
- ★ За отвод всех войск США с Ближнего Востока!
- ★ За снятие империалистической блокады Ирака!
- ★ За недоверие Конгрессу и капиталистическим политикам!
- ★ Стройте Рабочую партию для борьбы за рабочее правительство и социализм!
- ★ За международное объединение рабочего класса!
- Пролетарии всего мира, объединяйтесь!

Верховная конференция о Безопасности и Сотрудничестве в Европе

От войны Холодной к войне Горячей

Бюллетень Рабочей Лиги (США), 23 ноября 1990 г.

В среду в Париже на фоне победных возгласов о «конце Холодной войны» и начинании того, что Президент Буш и другие представители империализма называют «новым мировым порядком», 34 европейские страны закончили собранием на верхах свою трехдневную Конференцию о Безопасности и Сотрудничестве в Европе.

Затемняя обсуждения капиталистических правителей Северной Америки и Западной Европы и сталинских бюрократов вроде Горбачева, — которые пытаются возродить капитализм на востоке, — вокруг этих заседаний витает неукротимый кризис, ввергающий старый порядок в пропасть вместе с ними.

В промежутках между официальными заседаниями, во время которых все подряд прославляли «мир» и «международное объединение», Буш организовывал частные консультации в ходе которых он требовал помощь для развертывания самого кровавого империалистического побоища со времени Второй Мировой войны. Весьма значительно, что немедленный результат договора подписанного странами КБСЕ о сокращении обычного оружия в Европе — это посылка десятков тысяч американских солдат из Германии в Персидский Залив для агрессивной

Парижская конференция — новый дележ Европы

И в то же самое время, за фасадом единства Европы и Вашингтон обмениваются угрозами по поводу несовместимых разногласий в вопросах торговли во время так называемого Уругвайского Круга Общего Соглашения о Тарифах и Торговле (GATT). Европейские и американские капиталисты выступают с предупреждениями, что этот конфликт может быстро превратиться в полнокровную протекционную торговую войну, которая может быстро втянуть мировой капитализм в глобальную депрессию. Но они, по видимому, неспособны остановить это сползание к катастрофе.

Подходящим символом кризиса, охватившим так называемую объединенную Европу, посреди конференции произошли два события: во Франции гостеприимное правительство премьер-министра Рокара было едва ли не сброшено во время голосования о доверии, а Великобритания премьер-министра Маргарет Тэтчер не смогла получить поддержку своей собственной партии Тори, чтобы выдержать историческую попытку сместить ее.

Лишь год спустя после свержения Берлинской Стены и визгливых деклараций о «победе капитализма» и «крушении социализма», Европа, и Восточная и Западная, шатается на грани новой эпохи революций и войн.

Ноты кризиса особенно ясно прозвучали в просительных словах мелко-буржуазных лидеров, пришедших к власти в Восточной Европе, т.е. основных наследников так называемого триумфа капитализма.

Польский премьер-министр Тадеуш Мазовецкий, — правление которого вероятно продлится не дольше недели так как он стоит перед выборами в условиях массовой стачки сорока тысяч польских шахтеров, — заявил конференции: «Если раскол Европы на богатый первый класс и бедный второй класс не будет преодолен, наше общее будущее может

быть омрачено тенью возрожденных конфликтов прошедших дней».

За последний год, согласно польскому правительству, программе капиталистической реставрации привело к снижению промышленного производства на 25% а покупательной способности на 30%. На улицах Варшавы нищие просят милостыню, а рабочий класс все решительней вступает в борьбу против режима и против планов закрыть государственные заводы и шахты и выбросить новые миллионы рабочих на улицу. Те же самые условия превалируют во всех странах Восточной Европы, ранее бывших под командой сталинцев.

Венгерский премьер Джозеф Антал просил капиталистическую Европу взять Восток на поруки. Он предупредил, что иначе «Вместо уже снятого Железного Занавеса поднимется стена богатства». Венгерское правительство признает десятипроцентное снижение в промышленном производстве.

В то же самое время, крушение сталинизма и растущие, из за политики капиталистической реставрации, бедствия вновь раздули пожары жестоких национальных, этнических и религиозных разногласий по всей Восточной и Центральной Европе, т.е. в регионе уже дважды служившем искрой Мировым войнам.

Некоторые буржуазные комментаторы бойко сравнивают Конференцию Европейской Безопасности и Сотрудничества с Конгрессом Вены 1815-го года, который в свое время навязал реакционное правление прусского, австрийского и российского монархов на после-наполеоновскую Европу и которая было впоследствии сброшено лишь революцией 1848-го года.

На самом деле, новый мировой порядок не так уж нов. По существу это попытка вернуться к состоянию мира до Октябрьской революции 1917-го года, нанесшей смертельный удар мировому капитализму и открывшей новую революционную эру огромных схваток рабочего класса и угнетенных колониальных масс во всем мире.

Хотя крушение сталинских режимов в Восточной Европе и открытая коллаборация горбачевской бюрократии открыли дорогу для империалистической подготовки войны на Ближнем Востоке, они не положили начало новой эпохи капиталистической стабилизации ни в Европе, ни в других регионах.

Наоборот, как признался сам Буш в своих замечаниях на собрании КБСЕ, «Европа плывет по неисследованным морям». Он мог бы сказать то же самое и про США и про мировой капитализм.

Крушение сталинских режимов является лишь самым ярким выражением мирового кризиса империализма. Резкое противоречие между глобализацией производства и системой конкурирующих национальных государств выбрало свои первые жертвы среди национально изолированных хозяйств Восточной Европы, находящихся под правлением сталинцев. Беспрецедентная интеграция мирового хозяйства обнажила банкротство сталинской анти-марксистской программы «социализма в одной стране» в этих искаженных и разваленных рабочих государствах.

Крах послевоенного порядка теперь находит свое выражение в растущих конфликтах между самими империалистическими державами. Так как, ранее бесспорное превосходство американского капитализма развалилось, мировое хозяйство находится под все большим влиянием столкновения между противодействующими интересами американского капитализма и интересами его двух основных соперников, Германии и Японии. Все не случайно, что интер-империалистические конфликты воспроизводят линии битвы Второй Мировой войны. Неразрешимое противоречие между этими экономическими соперниками ведет к взрыву третьей империалистической войны.

Все разговоры о новой эре европейского «мира» и «стабильности» не могут скрыть крайнее опасение, с которым империалистические правители плывут по «неисследованным морям». Они хорошо понимают,

что кризис охвативший мировую капиталистическую систему, крушение хозяйства Восточной Европы и Советского Союза, а также поход к империалистической войне в Персидском Заливе, все угрожают спровоцировать новый революционный взрыв пролетариата Европы и всего мира.

Объединение Европы и конец империалистическим войнам никогда не будут осуществлены враждующими бандами капиталистов, правящих каждой страной. Эти исторические задачи по силам лишь рабочему классу, в ходе революционной борьбы положить конец капитализму. А эта цель, в свою очередь, требует построения Интернационального Комитета Четвертого Интернационала, который единственный борется за программу Социалистических Соединенных Штатов Европы, за объединение борьбы рабочих Востока и Запада, как часть мировой социалистической революции.

Семьи ждут раздачи бесплатных пальто.

День Благодарности в Детройте

Семьи стоят в очереди за бесплатными зимними пальто
Кевин Рид, Бюллетень Рабочей Лиги, 23 ноября 1990 г.

Детройт — Сотни рабочих семей открыли этот праздничный сезон в очереди за бесплатными зимними пальто для своих детей. Mother Waddies Relief Mission (Благотворительная Миссия Мамы Уоддлс) в северо-западном районе города распределяла эти, в большинстве, подержанные пальто.

Примерно в 10 ч. утра семьи начали прибывать в торговый центр и их попросили присесть в одном из магазинов на втором этаже. Медленно продвигаясь в небольших группах, родители заполнили заявления о необходимых пальто и их попросили показать свои удостоверения о получении правительственной помощи.

Им дали номерок и попросили вернуться к двум часам дня. В пол-

четвертого раздача пятисот пальто кончилась но многие семьи ничего не получили. Большинство семей остались в центре несколько часов ожидая эту одежду.

Мать пятерых детей, Глория Вильямс объяснила свое положение: «Моя подруга позвонила мне и сказала, что тут раздают бесплатные пальто. Я была узлолена месяц назад. До того я работала на небольшой фабрике, которая производит автомобильные части».

«Я должна была часто уходить с работы потому что мой муж был в аварии и повредил себе шею. Они не понимали и, в конце, уволили меня. Теперь он немного поправился и может передвигаться так что я снова ишу работу».

«Я начала работать там в начале сентября и еще не наработала мои 30 дней. Тяжело свести концы с концами но я стараюсь».

«У меня трое детей постарше, им 18, 20 и 21 год от роду. Они уже ушли из дому и пробуют прожить сами. Они тоже безработные. Они живут с моей мамой».

«Я пришла сюда из за моей дочки Тениш и моего сына Брэндана. Им 13 лет и два с половиной годика».

Мама Уоддлс сказала, что она намерена раздать бесплатные пальто еще раз до Рождества. Говоря о растущем социальном кризисе она сказала: «Это первый раз что у нас не хватило пальто для всех. Я думаю, что правительство совсем людям не сочувствует. Они делают слишком много распоряжений и правил для людей прежде, чем те могут что то получить. А потом они должны ждать слишком долго».

«Они знают только статистику, цифры. Но кто то должен помогать тем, кто не ходит в статистику».

«У нас тут была женщина несколько дней назад, которая недавно вышла из больницы. Она нуждалась в немедленном ночлеге, она не имела постельного белья или денег для лекарств. Нам пришлось собрать \$64 для покупки ее лекарства».

Кэрен Коклов с дочкой Шанел и подругой Розы Рэндалл с ее детьми Куртисом и Детроном.

Глория Вильямс с дочкой Тенишей и сыном Брэнданом.

Из за растущей безработицы, надвигающейся рецессии во всей экономике и резких урезаниях бюджета правительствами всех уровней, миллионы рабочих и молодежи стоят лицом к лицу с холодной, жестокой зимой.

В городах вроде Детройта, социальные толчки экономического спада американского капитализма могут быть описаны одним словом — катастрофа. После декады, закрытия заводов, массовых увольнений и урезаний бюджетов, рабочий класс стоит перед условиями напоминающими Великую Депрессию.

В штате Мичиган, штатское правительство «нашло» бюджетный дефицит на сумму 1,3 миллиарда долларов спустя неделю после выборов губернатора. Уходящий губернатор Демократ Бланчерд ответил на эту «находку» сокращением \$291.000 с расходов на продовольствие для нуждающихся. Это означает, что тысячи семей в Мичигане не получат корзины с едой на День Благодарности или на Рождество.

В округе Уэйн, сокращения в Отделе Социальных Услуг привели к сокращениям на одну треть в тринадцати разных программах поставляющих продовольствие в чрезвычайных случаях в течение этой зимы.

Карен Коклов, которая ждала в очереди за пальто для двоих из своих трех детей высказалась о своих проблемах. «Я ищу работу но не могу ничего найти. У меня рак и я сейчас нахожусь под наблюдением врача. Иногда я говорю предпринимателю о своей болезни, иногда — нет. Это зависит от типа работы. Обычно они мне отказывают в рабочем месте. Они говорят, что мои больничные расходы слишком высоки».

«Я работала на фабрике, где изготавливают электрические кабели для Форда. У нас был профсоюз, Объединенные Автомобильные Рабочие. Когда я узнала о моей болезни, я там уже проработала семь месяцев. Хотя я уже наработала достаточно для того чтобы получать пособия, они мне сказали, что нужно работать целый год пока не получишь право на хорошие программы. Профсоюз сказал, что они ничего не могут сделать».

«Я уже провела два года на общем пособии. Я получаю карточку Медикэйд, расходы на зубного врача, продовольственные карточки, пособия для крова и для одежды. Это не очень плохо. Я выживаю».

«Но моей дочке очень нужно пальто на зиму. Когда я услышала об этой программе по радио, я сказала самой себе: а почему бы и не попробовать?»

Капиталистический спад и рабочий класс

Редакционная статья «Бюллетеня» Рабочей Лиги, США
за 4 января 1990 г.

С началом нового года, американское хозяйство скользит вниз по склонности, и угрожает развалиться финансовым крахом и полнокровной депрессией.

Сразу же после принятия клятвы при вступлении на пост губернатора штата Роуд Айленд, Брюс Сукдун объявил банковский выходной и закрыл, на неопределенное время 45 сберегательных касс и банков, состоящих в системе частного страхования вкладов, которая только что обанкротилась. В общей сложности заморожены 17 миллиардов долларов в 300.000 отдельных счетах. Десятки тысяч мелких вкладчиков могут потерять свои пожизненные сбережения.

Спустя четыре дня, федеральное правительство опубликовало официальную статистику безработицы за декабрь. С весны, процент безработных повысился на 0,9% и дошел до 6,1%. Правительство подтвердило, что в декабре число безработных выросло на 260.000 и насчитывает 7,6 миллионов людей. Согласно официальным подсчетам, число безработных увеличилось на один миллион с июня месяца.

Декабрьская статистика о безработице является лишь одним показателем среди многих, свидетельствующих о растущей волне увольнений, закрытий фабрик и заводов и умножении коммерческих банкротств.

Сберегательные кассы штата Роуд Айленд под замком

- Продажа автомобилей и грузовиков произведенных в Северной Америке понизилась на 19% в середине декабря.
- Заказы на товары длительного пользования понизились на 10,5% в ноябре. Общие фабричные заказы упали на 5,9%, это рекордное месячное уменьшение.
- Заказы на американское машиностроительное оборудование упали на 24,1% за тот же месяц.
- Расходы на строительство упали на 0,6% за месяц.
- В декабре индекс хозяйственной деятельности Национальной ассоциации товароделов упал до уровня в 40,4% с 41,3% в ноябре; это самый низкий показатель со времени самой низкой точки последней рецессии в ноябре 1982 года.
- Уровни занятости на фабриках и заводах США последовательно понизились в течение 22 месяцев.
- Правительственный показатель ведущих хозяйственных показателей упал на 1,2% в ноябре; это пятое очередное месячное снижение.
- Потребительские расходы увеличились на незначительную одну десятую процента. Рождественная торговля была так плоха, что Сирс, ведущая в стране сеть универсамов, объявила второго января об сокращении 21.000 рабочих мест.

Пытаясь остановить волну спада и предотвратить крах кредитной системы, Федеральный Резерв снизил шкалы на ключевые денежные и кредитные ставки процентов, подталкивая ведущие банки к снижению их собственных наиболее благоприятных кредитных ставок с 10% до 9,5% на прошлой неделе.

Но многие корпоративные персонажи и банкиры открыто признают, что эти меры не могут предотвратить глубокий хозяйственный спад.

Вильям МакРейнольдс, директор прогнозов Торговой Палаты Соединенных Штатов заявил: «Ноябрьские показатели не оставляют никаких сомнений, что мы находимся посреди серьезной и длительной рецессии. Единственный вопрос состоит в том, как глубоко упадет хозяйство и сколько времени продлится это падение».

Ричард Б. Хой, главный экономист в компании Иксидфны Яцуеу Цуа Шис, заявил: «Мне кажется что экономика находится в состоянии свободного падения».

Американская буржуазия прежде всего опасается, что резкое сужение хозяйства вызовет цепную реакцию крушений в шаткой структуре американской кредитной и банковской систем. Крушение банков и сберегательных касс в Род Айленд вовсе не является случайным. Те же экономические факторы, которые вызвали этот крах, — упадок в ценностях на недвижимость, накопление неплатежей долгов, — подрывает и самые могучие институты Уолл Стрит.

Американский капитализм ощущает последствия спекулятивной, вращенной на долгах и кредите, оргии 80-х годов. Преувеличенные во много раз цены недвижимости, акций, облигаций и всех других ценных бумаг начинают сползать вниз, порождая дефляционную спираль, подобную той, которая привела к Великой Депрессии 30-х годов.

Газета *Wall Street Journal* с опасением заметила в пятницу: «Внезапно дефляция, а не инфляция управляет товарными рынками». Эта газета подчеркивает, что цены на товары стоят на самых низких уровнях за последние четыре года и направляются еще ниже в результате всемирного хозяйственного замедления.

Дефляция ужесточает кредитный кризис банков, корпораций и правительств так как уменьшающиеся доходы затрудняют платеж процентов на предыдущие долги и получение новых кредитов. Неплатежеспособные должники вынуждены продавать свои ценности, — недвижимость, офисы, оборудование, — ведя к дальнейшему снижению цен.

Большие банки вроде Citicorp и Chase Manhattan, которые сграбастали огромные барыши одолживая деньги для покупки недвижимости и финансировали выкупы в кредит (leveraged buyout — выражение, которое описывает покупку на одолженные деньги одной компании другой, нередко меньшей компанией) в 80-е годы, — сейчас ощущают удары громадных потерь по мере того, как эти спекулятивные капиталовложения крушатся и лопаются. Citicorp и Chase Manhattan обе недавно уволили тысячи служащих и Citicorp уменьшила выплату акционных дивидендов.

Углубляющийся кризис в американском хозяйстве — не только очередной конъюнктурный поворот. Он выражает исторический перелом в послевоенной мировой экономической системе, разгар хозяйственной и торговой войн между США и его основными империалистическими соперниками и поразительное уменьшение мировой роли американского капитализма.

Оргия барышей 80-х годов сопровождалась дальнейшим ослаблением в возможностях американского капитализма конкурировать с Японией и Европой под руководством Германии. Соединенные Штаты сменили роль величайшего мирового кредитора на роль величайшего должника, обремененного огромными бюджетными и торговыми дефицитами. Паразитизм американского капитализма, выраженный серией всплеск и падений таких героев дня, как Айван Боски, Майкл Милкен и Доналд Трамп, достиг беспрецедентных размеров.

Этот спекулятивный бум осуществлялся за счет рабочего класса, который ощутил резкое падение в своих жизненных уровнях, стал свидетелем уничтожения своих профсоюзов или их превращения фактически в организации хозяев, и все это из-за предательства агентов американского капитализма в бюрократии АФТ-КПП.

Но сегодня, когда американский капитализм идет к новому спаду,

он не имеет ни одного из тех ресурсов, которые он употреблял в 30-е года и потом для смягчения ударов массовой безработицы и падения жизненных уровней. В то время, когда Уолл Стрит готовится начать войну массового уничтожения против арабских масс Персидского залива, он должен в то же время усилить свои внутренние нападки на рабочий класс. Капитализм должен вести войну на двух фронтах. Ни одна часть правящего класса или его политические марионетки в республиканской и демократической партиях даже не говорят о политике пушек за границей и масла у себя дома, политике, которую пыталось вести правительство Джонсона во время Вьетнамской войны.

Ведущие представители обеих партий, несмотря на мучения народа, которые причиняет американская система прибылей, требуют режима экономии и бюджетных сокращений. После принятия мер для сселения бандитов в сберегательных кассах, стоимостью в 500 миллиардов долларов, после того как они решили потратить еще десятки миллиардов для оплаты военной агрессии против Ирака, они объявляют о нехватке денег для помощи безработным, бездомным, больным и нищим.

Президент Буш в своем интервью на телевизионной программе Дэвида Фроста признал, что страна вступила в рецессию, но объявил, что он наложит вето на любую программу «больших расходов» направленную на создание рабочих мест и стимуляцию экономики. Он самоуверенно заявил: «Вся страна через несколько месяцев выйдет из рецессии».

Демократический руководитель в Доме Представителей, Ричард Гейфарт, со своей стороны отклонил какие нибудь новые программы для смягчения социальных последствий рецессии и сказал: «Мы сейчас в совершенно ином положении из-за величины бюджетного дефицита».

Рабочий класс должен отвергнуть требования паразитов с Уолл Стрит и их политических наемников в Белом Доме и в Конгрессе, что рабочий народ должен платить за кризис капиталистической системы. Он должен всеми своими силами сопротивляться предательству лакея большого бизнеса среди профсоюзной бюрократии, которые снова присоединяются к своим капиталистическим господам в навешивании всей тяжести этого кризиса на шею рабочему классу.

Рабочие должны ответить на массовые увольнения и закрытия фабрик оккупацией этих предприятий, поддержанных полной мобилизацией рабочего движения в ходе забастовочных акций, и требованиями, чтоб эти предприятия были снова открыты под рабочим контролем. Нужно создать миллионы новых рабочих мест путем сокращения рабочей недели до 30 часов при сохранении 40-часовой зарплаты.

Рабочий класс должен потребовать отмены всех секретов бизнеса. Рабочие имеют право проверять бухгалтерию своих корпораций и банков, раскрывать их аферы, политические связи с Мáfией, преступные действия. Рабочее движение должно потребовать обнародования всех коммерческих книг всех компаний, которые требуют урезания зарплат, концессии, увольнения или заявляют о необходимости закрытия. Если рабочие придут к выводу, что компания и вправду обанкрочена, то платить должны хозяева. Такие фирмы должны быть захвачены рабочим классом.

Банки, сберкассы, кредитные ассоциации закрытые правительством должны быть национализированы под рабочим контролем без какой либо компенсации капиталистов при полной защите мелких вкладчиков.

Хозяйство может быть демократически и научно организовано для обеспечения нужд рабочего класса лишь на основе упразднения частной собственности и производства для прибыли, и их заменой социалистической национализацией финансов и промышленности.

Чтоб осуществить эту трансформацию, рабочий класс должен порвать с двумя партиями большого бизнеса и построить свою собственную Рабочую партию для борьбы за рабочее правительство.

Вот революционные меры за которые борется Рабочая Лига. Они

могут быть выполнены лишь мобилизовав массы рабочих для изгнания профсоюзной бюрократии из профсоюзов и преобразовав Рабочую Лигу в новое революционное руководство рабочего класса.

Бесчинства горбачевской бюрократии в Литве

Ежовые рукавицы Горбачева Остановить сталинистскую репрессию народов СССР! Статья Билла Вана перепечатана из "Бюллетеня" Рабочей Лиги США за 18 января 1990 г.

После своих крутых и кровавых военных мер против литовского народа, режим Горбачева полностью обнажен перед рабочими всего мира как наследник Сталина, следующий по шестидесятилетним стопам сталинских преступлений и репрессии против угнетенных советских народов и всего рабочего класса. Репрессия, начатая в Вильнюсе, сорвала жалкую демократическую маску гласности и обнажила деспотичный жандармский государственный аппарат, служащий базой горбачевского режима.

С поддержкой танков, советские войска вошли в Вильнюс рано утром в прошлое воскресенье и начали согласованную атаку на

телевизионную станцию и трансляционную башню, окруженные безоружными гражданскими демонстраторами. Мужчины, женщины и дети были застрелены и задавлены под гусеницами танков. Последний официальный список насчитывает 15 убитых, 64 пропавших без вести и 237 раненых, более 80 из них — женщины.

В настоящий момент, тысячи литовцев продолжают окружать здание парламента, которое рабочие, употребив подъемные краны окружили огромными цементными глыбами для останова танков.

Есть все признаки полагать, что советская военщина намерена начать подобное кровопролитие в Эстонии и Латвии, а также и в республике Молдове, которые все делают шаги для утверждения своей независимости от Советского Союза. В Латвии, войска МВД напали на латвийскую школу милиции и захватили запасы оружия и боеприпасов. Подобные атаки произошли и в Литве перед нападением на гражданских демонстраторов. Литвийские рабочие и молодежь сооружают баррикады по всей Риге. В Молдове, войска прибывают с юга в район Кишинева; другие подразделения скопятся на границе с Украиной.

Между тем, другое угрожающее эко кровавых литовских событий: местная про-московская сталинистская партия Латвии объявила о создании "Вселатвийского Комитета народного спасения, который возьмет всю государственную власть до новых парламентских выборов." В Таллине, организация Интерфронт угрожает забастовками и потребовала смещения эстонского парламента и прямого кремлевского правления республикой. Тысячные митинги были организованы в столицах обеих республик и призвали армию "восстановить порядок."

В Литве в воскресенье, танки проехали гусеницами по демонстраторам под аккомпанимент грузовиков с громкоговорителями, объявлявшими о взятии всей власти "Национальным комитетом спасения." Этот комитет является маской, созданной военным командованием и сталинским партаппаратом.

Советский и международный рабочий класс должен осудить зверства совершенные кремлевской бюрократией в Литве и потребовать немедленного вывода всех советских войск из Прибалтики, Молдовы и других республик, где московские сталинцы пытаются задушить демократические надежды угнетенных национальностей. Рабочий класс должен безоговорочно защитить право этих народов на самоопределение, включая и национальную независимость от СССР.

Преступления режима Горбачева против литовцев и других угнетенных национальностей осуществляются не в защиту социализма или коммунизма, а в защиту сталинизма. Они направлены на защиту политической монополии паразитической бюрократической касты, которая выступила на дороге капиталистической реставрации в прямом союзе с мировым империализмом.

Попытки сталинцев оправдать репрессию наций своим якобы сопротивлением империализму или защитой социализма насквозь циничны и реакционны. В республиках Прибалтики, местные сталинцы попытались эксплуатировать злость русских и других не коренных рабочих против реакционной политики буржуазных и мелко-буржуазных политиков, которые руководят националистскими республиканскими правительствами. Эти рабочие сопротивляются как требованиям национального сепаратизма, вроде попыток навязать официальные национальные языки, так и последствиям про-капиталистической экономической политики.

Итак, цинично, на митингах организованных сталинцами в Эстонии и Латвии, выступающие осудили республиканские режимы за попытки капиталистической реставрации и установили "буржуазной диктатуры." После прошедшей в воскресенье военной репрессии в Литве, сталинцы утверждают, что КГБ раскрыла секретные заговоры арестовать или убить сталинских чиновников, а также какие то улики о сговоре между правительством Президента Витаутаса Ландсбергиса с ЦРУ и другими

разведочными управлениями Запада.

Маскарад сталинских шарлатанов в роли защитников рабочих Прибалтики — это крайний цинизм. Между местными про-капиталистическими мерами буржуазных и мелко-буржуазных политиков вроде Ландсбергиса и политикой Горбачева и его советников, касающейся всего СССР, нет никаких существенных различий. Во всех этих республиках, значительная часть местных сталинских партий на деле участвует в этих режимах. Единственная цель кремлевской бюрократии состоит в сохранении неограниченного контроля над этим процессом, чтоб обеспечить свою власть и привилегии против советского рабочего класса.

Настолько же абсурдны претензии, что армия действует против империалистических агентов. Именно горбачевская бюрократия открыто отрицает, и на словах и на деле, какой либо конфликт между интересами СССР и мирового империализма. Внешняя политика бюрократии основывается на попытках мобилизовать поддержку своей политики капиталистической реставрации внутри СССР со стороны империалистов.

Горбачев действует против советских народностей в соответствии с широкими конституционными изменениями, проведенными месяц тому назад Съездом Народных Депутатов. Эти изменения закона дают советскому Президенту неограниченную власть править декретами, объявлять военный закон, запрещать стачки и принимать другие жестокие меры. Хотя балтийские народы стали первыми жертвами этих диктаторских сил, их конечная цель — весь советский рабочий класс, который все резче сопротивляется последствиям капиталистической реставрации, навязываемым во имя перестройки.

В ответ на осуждение кровопролития в некоторых независимых газетах, Горбачев попытался в среду надеть новый клеп на прессу, призвав советский парламент приостановить действие пятидесятилетнего Закона о печати, отменившего цензуру. Хотя ему не удалось собрать достаточно голосов для этой меры, Верховный Совет все же учредил комиссию для обеспечения „объективности в прессе“.

Но несмотря на эти обширные диктаторские власти, режим Горбачева остается режимом отчаянного и большого бонапартизма, балансирующего не только между конфликтующими фракциями бюрократии, но также и между бюрократией в целом и все более беспокойным рабочим классом. Чтобы вести свою атаку на национализированные имущественные отношения, он в течение некоторого времени взял сторону так называемых демократических реформистов, вроде Бориса Ельцина, и буржуазных националистов в Прибалтике, и осудил старомодные фракции бюрократии, которые стоят в наиболее тесной связи с администрацией государственных предприятий и планового хозяйства. А теперь, в условиях растущей хозяйственной дезорганизации и социального недовольства, он лавочничает к тому же самому слою аппарата, включая КГБ, армию и даже Русскую православную церковь, чтобы защитить аппарат государственного насилия и подготовить жестокое избиение рабочего класса.

В защиту, по выражению Горбачева, „священного единства“ СССР, эти элементы основываются на идеологии, которая имеет больше общего с национал-социализмом, проповедуемым в фашистской Германии, чем с настоящим социализмом. Их обращения к великорусскому шовинизму и анти-семитизму, их призывы к авторитарной диктатуре, являются насквозь контр-революционными.

В последние несколько месяцев, пока администрация Буша проводила свое развешивание вооруженных сил в Персидском Заливе, руководство Горбачева превратилось в лояльного младшего партнера империализма США. Депутат Верховного Совета из Латвии, Маврикс Вольфсон, аккуратно резюмировал причину, почему бюрократия приурочила свои военные операции в Прибалтике к моменту, когда Буш

начал свою империалистическую атаку на Ирак: „Они надеются, что тысячи смертей в Заливе скроют „несколько“ смертей в Прибалтике.“

Руководители мирового империализма ясно показали, что они не будут препятствовать горбачевскому подавлению народностей. Вождь германского империализма, Канцлер Гельмут Коля, ярко выразил свою поддержку Кремлю. Это и не удивительно: ведь именно германский империализм вышел вперед в попытках проникнуть в советское хозяйство и интегрировать СССР в структуры мирового империализма. Во вторник Коля объяснил свою позицию на собрании своей Христианско-Демократической партии. Он обвинил самих руководителей прибалтийских республик в ответственности за эти репрессии и предостерег своих коллег от осуждения кремлевского руководства. Далее, он поддержал фальшивые извинения Горбачева, что он не отдавал приказа употребить войска в Литве.

Американский империализм в лице администрации Буша опубликовал поверхностную критику литовского кровопролития, но в то же время дал ясно знать, что он ни в коем случае не сделает из этих событий препятствия к своей поддержке бюрократического режима Горбачева в коллаборации последнего с мировым империализмом и в политике капиталистической реставрации в самом СССР. Накануне вильнюсских убийств, Горбачев и Буш провели длительный телефонную беседу во время которой были лишь вскользь затронуты предстоящие военные репрессии. Лондонская газета *Financial Times* писала: „Согласно собственному признанию, Президент США провел больше всего времени обсуждая Персидский Залив и благодаря мистера Горбачева за его поддержку“.

Империалистическая поддержка горбачевской бюрократии против других народов вовсе не новый феномен. Буш открыто поддержал Кремль после резни азербайджанцев в Баку год назад. И кроме того, так же как и в Венгрии в 1956 году и в Китае в июне 1989 года, империализм всегда поддерживал сталинизм, — проливая, конечно, несколько крокодильих слез, — против любого сопротивления со стороны рабочего класса и угнетенных масс.

Бюрократия приняла меры чтоб успокоить американский и мировой империализм по поводу своей продолжающейся коллаборации, назначив Александра Бессмертных, нынешнего посла в США, на смену Эдуарду Шеварнадзе, который подал в отставку в декабре на съезде Народных Депутатов, как протест против, по его выражению „шагов к диктатуре“. Бессмертных являлся одним из ближайших сотрудников Шеварнадзе и разделяет мнение последнего о полном сочетании интересов советской бюрократии и империалистов. Он был одним из ключевых актеров в координации советской внешней политики с политикой Вашингтона в военном походе на Персидский Залив.

Советский рабочий класс должен всемерно противиться жестокой репрессии со стороны бюрократии и обязан поддержать право всех угнетенных народов на самоопределение. Лишь таким путем он сможет сковать нерушимые связи в общей борьбе против паразитической правящей бюрократии.

Надо организовать политическую революцию для низвержения бюрократии, отразить ее программу капиталистической реставрации и создать условия для возрождения прогрессивных потенций национализированной собственности и планового хозяйства, порожденных в Октябре 1917 года. Успех такого восстания требует построения нового революционного руководства, основанного на настоящих марксистских интернационалистских традициях партии большевиков. Необходимо построить советскую секцию Интернационального Комитета Четвертого Интернационала, мирового троцкистского движения.

Лев Троцкий во время Гражданской войны

Лев Троцкий как зеркало русской революции¹

Наша верность Октябрьской Революции была и остается неизменной. Но это верность борцов, а не прихлебателей! (Л.Троцкий, 1929 г.)

1. От лжи через четвертьправду к полуправде

Погибший сад в одночасье не восстановишь.

Изнасилованную, покалеченную историческую науку одним махом не возродишь.

Первая после сталинского ужаса попытка обращения лицом к истине, осязавшая XX-ым съездом, дала жалкие и хилые, но не бесполезные росточки — все, что удалось тогда честным историкам партии (с огромным трудом!) реабилитировать «честных коммунистов» (вернее было бы сказать «честных сталинцев», ибо почти все они в свое время рука об руку с «вождем» карали троцкистов, бухаринцев и прочих «уклонистов», прекрасно сознавая всю лживость и гнусность ими выдвигаемых либо перепеваемых обвинений; да, честных сталинцев на известном (печально известном) — конце тридцатых) этапе пришедшихся не ко двору — может быть как раз этой своей честностью. Постышев, Рудзутек, Чубарь, Блюхер, Тухачевский, некоторые другие, чистые, незапятнанные участием в левой (т. наз. «троцкистской») или правой («бухаринской») оппозиции.

Тогдашняя реабилитация (какая-то косвенная, стыдливая, мелкая, быстренькая, под сурдинку что-ли, очень выборочная и выморочная) не была еще ни правдой, ни даже полуправдой — так ... четвертушкой (если не осьмушкой).

¹ Эта статья молодого советского историка Ш. была отвергнута советской прессой. Редакция «Бюллетеня Четвертого Интернационала», хотя и не разделяя некоторые оценки товарища Ш., приветствует его борьбу за восстановление исторической правды.

Где-то там в шестидесятых утонула и эта правдушка. Захлебнулась, маленькая, в мутной застойной трясине. Погибла ...

Но вот, кажется, новая оттепель, тают снега молчания ... вместе со всякою нечистью, глать — и правдушка всплыла. Реанимировали правдушку, оживили. Ан что-то опять не тянет она на правду: маленькая она, кучая, ошипанная. Вроде бы почти со всех уже сняли собачью кличку «враг народа». «Чего же боле?» — А непредвзятого подхода! Полной правды и честности. И в первую очередь — снятия вины с невинных, грехов с безгрешных.

Нигде, ни на кого, никогда не выливалось столько чудовищной лжи, сколько выпало на долю Л.Д.Троцкого начиная с 20-ых годов и не кончая нашим временем. Вначале ложь требовалась беспринципной сталинской фракции для развенчания наиболее популярного в массах после Ленина вождя революции, для завоевания власти. Позднее, когда власть была уже всецело в их руках, сталинцы раздували миф о троцкизме-антиленинизме, дабы исключить саму возможность появления в партии оппозиции (оппозиция — троцкизм — антиленинизм — преступление). После смерти Сталина отношение ко всякой оппозиционности осталось прежним. И только сейчас, когда понятие «правовое государство» начинает облекаться плотью и кровью, стала возможной смелая и честная статья Владлена Георгиевича Сироткина (В.Г.Сироткин «Кто же они, троцкисты?», «Учительская Газета» № 124, 17.10.89). Но эта, одна из первых, попытка непредвзято подойти к оценке личности Л.Д.Троцкого (фактически Троцкого, а не троцкиста) — не тут то было! — сразу наткнувшись на удивительно оперативный и поразительно обстоятельный ответ Николая Александровича Васецкого, подошедшего к проблеме под совсем иным (более привычным ему, да и что греха таить, всем нам) углом: троцкизм как антиленинизм. (Н.А.Васецкий «Ленин и Троцкий», «Учительская Газета» №№127 — 130, 24 — 31.10.89).

Т. к. свою работу Н.Васецкий называет «продолжением разговора, начатого ... выступлением В.Сироткина» («Учительская Газета» №127), то и данная статья продолжает начатый разговор, представляя из себя по большей части ответ Н.А.Васецкому, опровержение основных положений его работы.

2. Грехи Троцкого в изображении Н.Васецкого

Истоки отрицательного отношения Плеханова к Троцкому Н.Васецкий усматривает в том, что первый де «разглядел в Троцком ... самонадеянность, неуемное честолюбие, стремление взять верх над соратниками по общему делу» («Учительская Газета» №127). Можно было бы лишний раз подивиться пронизательности отца русской социал-демократии, если бы, к примеру, не свидетельство А.В.Луначарского: «Засулич, со свойственной ей обычно экспансивностью, после знакомства с Троцким воскликнул в присутствии Плеханова: «Этот юноша несомненно гений!» и ... Плеханов, уходя с того собрания, сказал кому-то: «Я никогда не прощу этого Троцкому.»» Правда, Анатолий Васильевич называет этот случай анекдотом, «вероятно не верным, но, пожалуй, характерным» (выделено мной — И.Ш.). Действительно, Плеханов не любил Троцкого ... за то, что Троцкий с необыкновенной резкостью («Ленинская дубинка» — выражение Рязанова о Троцком — И.Ш.) ... атаковал его на II-ом съезде, высказываясь о нем довольно непочтительно» (А.В.Луначарский «Революционные силуэты», Харьков, 1924, с.22). Думаю не стоит особенно останавливаться на свидетельствах Ленина ... Мартова ... Аксельрода ... других маститых лидеров российской социал-демократии ... в разные промежутки времени (сиречь в периоды борьбы с Троцким — И.Ш.) сумевших заметить в своем оппоненте вышеозначенные черты. («Учительская Газета» №127). И Мартов, и Аксельрод, и «другие маститые лидеры» те же самые качества приписывали в свое время

Ленину.

Следующим грехом Троцкого Н.Васецкий называет «склонность к смене принципов» («Учительская Газета» №127). Но во-первых, умение «поступаться принципами», как выяснилось не так давно, не самое худшее из человеческих качеств, а, во-вторых, не сам ли Васецкий на протяжении всего своего труда обвиняет Троцкого в приверженности пресловутой и ужасной теории «перманентной революции»?

Одно из самых смешотворных обвинений среди выдвигаемых Н.Васецким, это обвинение Троцкого в том, что в разгар внутрипартийной борьбы Троцкий всячески избегал упоминать о своей особой позиции в партии до 1917-го, об имевшихся некогда разногласиях с Лениным. («Учительская Газета» №127). Очевидно, по мнению уважаемого Н.Васецкого, Троцкий сам еще должен был подбрасывать дровишек в тот костер, который раздували сталинцы, и давать дополнительную пищу для инсинуаций фальсификаторов. В таком случае позволительно будет спросить: Товарищ Васецкий, отчего же Вы не рекламируете свою прежнюю позицию в вопросе о Троцком? Почему не афишируете прежние свои высказывания о контр-революционерах троцкистах? Не потому ли, что они устарели так же, как и бывшие взгляды Троцкого?

Вы обвиняете Троцкого в тщательной датировке и фиксации фактов, выводя отсюда «политический нарциссизм» и «самолюбование», доходившее у него (у Троцкого — И.Ш.) до неприличия. («Учительская Газета» №128). Но — полно! можно ли ставить в вину оклеветанному опровержение лжи? И можно ли опровергать ложь иначе как с фактами в руках?

Вы обличили Троцкого в «пренебрежительном отношении к крестьянству ... до конца его дней», в отношении к крестьянству как к «классовому врагу пролетариата», в том, что это Троцкий, а не Преображенский, были предтечами сталинских преступлений в деревне, забвения, фактического уничтожения крестьянства. («Учительская Газета» №128). Это ложь!

И лучшее тому доказательство — выступления и статьи самого Троцкого: «Нужно, чтобы крестьянин дал не меньше того, что он может дать, но и не больше. Нужно поставить себе условием взять с крестьянина столько, чтобы он в будущем году был богаче, чем в этом году.» (А.Троцкий «Задачи XII съезда РКП» М., 1922, с. 12). (Выделено мной — И.Ш.)

... откой крестьянину выход на мировой хлебный рынок, давая возможность крестьянину реализовать излишки, которые у него будут из года в год возрастать, давая возможность их реализовать для подъема сельского хозяйства. (Там же, стр. 13).

«Не дергай, не раздражай крестьянина ...» (Там же, стр. 14).

«Долго колебавшееся ... крестьянство в решающую минуту ... неизбежно становилось на сторону пролетариата и поддерживало его. Это и решило нашу победу. Таким образом, роль крестьянства в русской революции огромна.» (А.Троцкий «Новая Экономическая Политика Советской России и перспективы мировой революции», М., 1923, с.9).

«Без свободного рынка крестьянин не находит своего места в хозяйстве, теряет стимул к улучшению и расширению производства. ... Но путь к этому (расширению производства — И.Ш.) лежит через улучшение хозяйства нынешнего крестьянина-собственника. Этого рабочее государство может достигнуть только через рынок, пробуждающий личную заинтересованность мелкого хозяина.» (Там же, стр. 19).

... беднота ... может попытаться загнать линию в сторону военного коммунизма, комитетов бедноты, в сторону «раскулачивания» кулака. (какое жуткое предостережение-предупреждение! — И.Ш.) Этого допустить нельзя. Это завтра же ударит по середняку, убьет личную

заинтересованность крестьянина в продуктах его труда и приведет деревню на уровень 20 — 21 гг.» (А.Троцкий «Восемь лет. Итоги и перспективы», М., 1926, с.18).

Я не случайно привел так много цитат из работ Троцкого за разные годы — они в дух и в духе развеивают миф об «антикрестьянстве» троцкистов, искусственно взращенный Сталиным, Зиновьевым, Бухариным, доселе с таким упорством повторяемый, миф, являющийся очередной бюрократической сказочкой для дурачков!

«Ни теоретические, ни практические позиции, занимаемые большевиками-ленинцами, т.е. оппозицией, не вели ни к сплошной коллективизации, ... ни к экспроприации кулачества.» (И.Г.Раковский. Цит. по статье Ем.Ярославского «О новейшей эволюции троцкизма». Журнал «Большевик», №7-8, 1930, с.19).

«Из крестьянских сох и крестьянских клещ, хотя бы и объединенных, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из суммы рыбешек лодку нельзя сделать парохода.» (А.Троцкий «Экономический авантюризм и его опасности». «Бюллетень Оппозиции (большевиков-ленинцев)», №9, 1939, с.3).

«Ликвидировать кулачество — значит ликвидировать крестьянство.» (Там же).

Спешу огорчить уважаемого Н.Васецкого — жуткая теория «первоначального социалистического накопления» была так же далека от теории и практики сталинской коллективизации, как автор критикуемой мной статьи от желания докопаться до истины (а не выискивать фактики, подтверждающие его прежнюю, чуть-чуть, в соответствии со временем, подредактированную концепцию). — «Задача социалистического государства, — писал Е.А.Преображенский в своей главной работе «Новая Экономика» — заключается ... не в том, чтобы брать меньше, чем брал капитализм, а в том чтобы брать больше из еще большего (выделено Преображенским — И.Ш.) дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в т.ч. и мелкого хозяйства страны на основе индустриализации, интенсификации (но не коллективизации!) — И.Ш.) земледелия.» (Е.А.Преображенский «Новая экономика» М., 1926, с.99 — 100).

Вот видите — речь идет не об «огорблении крестьянства», а о том, что, если капитализм брал, допустим, 20 рублей со ста рублей крестьянского дохода, то почему социалистическое государство не может брать 30 рублей с 300 рублей дохода? (Там же, с.280).

Но это еще не последнее из прегрешений Троцкого. Он, оказывается был «примирителем» и «объединителем» (смысл кавычек так и остался «нераскованным» — И.Ш.) всех и вся за спиной большевиков и Ленина. («Учительская Газета» №128). Здесь нет места для хотя бы столь же обстоятельного опровержения этого вымысла, как в предыдущем случае (да этот вопрос и не так злободневен как предыдущий), но любой читатель «Учительской» может найти в стенограммах дореволюционных съездов партии (они, в отличие от фондов Центрального Партерхива, по недосмотру каких-то чинуш, общедоступны) подтверждение тому, что тщетные (к сожалению!) объединительские и примирительские (без всяких кавычек!) попытки Троцкого никогда не велись за спиной у кого бы то ни было!

Беспочвенной выдумкой выглядит заявление Н.Васецкого о том, что Троцкий де «на словах» (выделено мной — И.Ш.) был против мировой войны, а на деле пафос его выступлений свелся к дискредитации ленинских лозунгов поражения своего правительства, превращения мировой войны в войну гражданскую.» («Учительская Газета» №128). Для человека несведущего (каковых, к несчастью, большинство) это означает, что Троцкий был «оборонцем», всячески боравшимся с «пораженцами»-ленинцами. На деле же — разве не Троцкий (просто-напросто отстаивавший свою принципиальную позицию) был избран (вместе с

Лениным и одним из виднейших в будущем «троцкистов» Х.Г.Раковским) в комиссию по составлению знаменитого некогда манифеста Циммервальдской конференции в сентябре 1915-го? И разве этот манифест не осуждал мировую войну и социал-шовинизм? (см. об этом «Ленинский Сборник» №XIV, с.187).

Что же касается «троцкистской концепции „милитаристского социализма“ ... предлагающей все ... задавить исключительно посредством принуждения» («Учительская Газета» №129), то я прошу, я требую от Н.Васецкого указать хотя один-единственный факт приверженности Троцкого «милитаристскому социализму» после 1921 г. (т.е. с того времени как партия отказалась от политики «военного коммунизма», приверженцами которого в свое время были наряду с Троцким, и Ленин, и Бухарин, и все остальные вожди РКП). Таких фактов нет! Как нет и фактов «создания собственного кадрового окружения» Троцким («Учительская Газета» №129), который в отличие от Бухарина имевшего мощную и сплоченную группу сторонников, например в Институте Красной Профессуры или в аппарате московской парторганизации, и Сталина (сидевшего гнездышко в аппарате ЦК и ЦКК, а особенно в Орграспреде ЦК), такого кадрового окружения, к сожалению, не пытался даже создать!

А обвинять Троцкого в том, что он в 1917-1921 гг. проводит политику, одобренную (не сталинско-брежневскими) съездами партии (см. стенограммы VII - X съездов) - т.е. политику «военного коммунизма» - обвинять его в этом - во сто раз ниже, чем обвинять Н.Васецкого в том, что из под его пера выходили книги, отвечающие курсу КПСС в достопамятную эпоху брежневщины!

Далее - где Вы, Николай Александрович, взяли «резкую и справедливую» критику Лениным Троцкого за «увлечение репрессиями, администрирование, бюрократическое дерганье кадров ... на военных постах??? Где?

Такой критики не было и быть не могло!

Ибо, как говорилось в постановлении ЦК РКП «О политике военного ведомства» (декабрь 1918 г.), «политика военного ведомства ... ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета» (цит. по «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза» М., 1981, с.42). Все критические заявления Ленина относились ко времени дискуссии о профсоюзах, когда Троцкий некоторое время (считанные месяцы) отстаивал методы «военного коммунизма», успешно примененные им к восстановлению железнодорожного транспорта.

Н.Васецкий пишет о разногласиях Троцкого во время гражданской войны с ЦК и Лениным. Да, действительно, главными из них были четыре, связанные: 1) с наступлением на Деникина, 2) с обороной Петрограда, 3) с атакой на Польшу, 4) с наступлением на Урал против Колчака. (Порядок перечисления Н.Васецкого). («Учительская Газета» №128).

Но, сказав «А», неплохо произнести бы еще и «Б». Ибо только в одном случае из четырех (о чем умалчивается) Троцкий ошибался (и признал это!) - в вопросе о наступлении на Колчака. Что же касается остальных трех, то в первом случае план С.С.Каменева был приписан сталинской историографией Л.Д.Троцкому и заглажен как преступный (каковым он, конечно же не был, в план И.И.Вацетиса, отстаивавшийся Троцким раскрывается вслестки и приписывается ... Сталину! В вопросе же обороны Петрограда, когда Троцкий, даже вопреки Ленину, отстаивал план обороны города (Ленин склонялся к сдаче Питера) и был фактически непосредственным руководителем обороны города, (несколько непосредственным, что даже сам водил солдат в атаку) и в случае с польским наступлением (когда Троцкий призывал вовремя остановить ничем не обеспеченный наступательный порыв Красной Армии и не был услышан) - в этих случаях правоту Троцкого подтвердила

история!

3. Ленин и Троцкий

Изменяя направление начатого Владленом Георгиевичем разговора, Вы, Николай Александрович, повернули не в сторону обсуждения более чем четырехлетней (с 1923-го по 1927-ой) дискуссии о внутрипартийной демократии и состроительстве, когда «левая оппозиция», возглавлявшаяся Троцким, проповедовала идеи, к которым мы постепенно возвращаемся сегодня - нет, Вы повернули не туда, что было бы логичнее и интереснее. Вместо этого Вы попытались (и безуспешно!) вернуться на старую стезю пресловутого «антиленинизма» Троцкого. Но два имени, противопоставленных в Вашей работе, были со времени революции и до смерти одного из них теснейшим образом связаны.

«Во главе всей работы разрушения России (старой России - И.Ш.) стояли два крупных мерзавца: Владимир Ильич Ульянов-Ленин и Лев Троцкий-Бронштейн». Генерал П.Н.Краснов «От двуглавого Орла и красному знамени». Берлин, 1921, том IV, с.44).

Генерал Краснов свидетельствует, что среди контрреволюционеров «Ленин и Троцкий» - эти два имени не сходили с уст и на их головы сыпались все проклятия. (Там же, том III, с.274).

В ноябре 1917 года барон Будберг пишет в своем дневнике о «новых дуумвирах Ленине и Троцком». (Л.Троцкий «Октябрьская Революция» Берлин, 1933, том II, с.414).

«Когда группа эсеров решила ... «срезать большевистскую голову», им по рассказу Бориса Соколова, одного из заговорщиков, представлялось ясным, что наиболее злобными и важными большевиками являются Ленин и Троцкий. Надо начинать именно с них». Парус (став врагом Октября - И.Ш.) ... писал: Ленин и Троцкий - это собирательное имя для всех тех, которые из идеализма шли по большевистскому пути». Роза Люксембург ... писала: Ленин и Троцкий со своими друзьями были первыми, которые подали пример мировому пролетариату. Участники и наблюдатели, друзья и враги, близкие и дальние, скрепили деятельность Ленина и Троцкого в октябрьском перевороте (и не только с нем - И.Ш.) таким крепким узлом, что ни развязать, ни разрубить его эпигонской историографии не удастся. (Л.Троцкий «Октябрьская Революция», том II, с.414).

Два этих имени тесно связаны не только очевидцами первых семи лет Советской власти, но и теснейшим сотрудничеством, полным взаимным доверием:

«Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов (Ленин)

(Л.Троцкий «Моя Жизнь» Берлин, 1930, т.II, с.204)

Л.Троцкий «Сталинская школа фальсификации» Берлин, 1932, с.61

«Реальная ситуация в России» Лондон, 1927, с.269

«Trotsky Papers, 1917-1922» Париж, 1964, т.I, с.588).

Этот широко известный повсюду (как видно из сносок) документ - повсюду кроме нашей страны - представляет из себя бланк председателя Совнаркома с надписью на обороте красными чернилами. Чистый бланк, куда Троцкий мог вписать все что угодно.

Можно ли представить большее доверие главы окруженного со всех сторон врагами государства (документ относится к июлю 1919-го) к военному министру, и так сосредоточивавшему в своих руках огромную власть в такой обстановке?

Может ли быть большим доверие одного революционера к другому, который, спустя десять лет, будучи выслан из России, живя в крайней бедности, гонимый, уплаченный газетными агентствами за шесть статей

под общим названием „Что и как произошло?“. Целиком внес в особый фонд, предназначенный для издания статей, речей и писем Ленина, запрещенных Сталиным в СССР — [Выделено мной — И.Ш.] („Что и как произошло?“ Париж, 1929, с.51)

Как и к другому Льву (Полстому), к Троцкому применимо знаменитое определение Ленина о „зеркале русской революции“.

Вся жизнь и борьба Льва Троцкого отражала течение Революции со всеми тенденциями, поворотами и противоречиями, отражала как зеркало.

Когда сталинские падахи выносили революция ногами вперед, это зеркало торопливо завесили черным крепом.

Но теперь, когда революция как-бы рождается вновь, пришла, наконец, пора содрать с него гадкие, черные, липкие и грязные тряпицы лжи.

И. Ш.

Л. Д. Троцкий за письменным столом

Из архива Четвертого Интернационала: Статьи Л. Д. Троцкого о классовой сущности СССР.

Классовая природа советского государства²

Постановка вопроса

Разрыв с Коминтерном и ориентация на новый Интернационал поставили снова вопрос о социальном характере СССР. Не означает ли крушение Коминтерна одновременно и крушение государства, вышедшего из Октябрьской революции? В обоих случаях дело идет ведь об одной и той же правящей организации: о сталинском аппарате. Он применял одни и те же методы внутри СССР, как и на международной

арене. Мы, марксисты, никогда не покровительствовали двойной бухгалтерии брадлеровцев, согласно которой политика сталинцев в СССР безупречна, а за пределами СССР гибельна. По нашему убеждению, она одинаково гибельна в обоих случаях.³ Не приходится ли в таком случае признать одновременное крушение Коминтерна и ликвидацию пролетарской диктатуры в СССР?

Это рассуждение кажется на первый взгляд неутраченным. Но оно ошибочно. Если методы сталинской бюрократии однородны во всех областях, то объективные результаты этих методов зависят от внешних условий или, говоря языком механики, от сопротивления материала. Коминтерн представлял орудие предназначенное для ниспровержения капиталистического строя и установления диктатуры пролетариата. Советское государство представляет орудие для сохранения завоеваний уже совершенного переворота. У коммунистических партий Запада нет никакого унаследованного капитала. Сила их (на самом деле их слабости) — в них самих и только в них. Сила сталинского аппарата на девять десятых не в нем, а в произведенных победоносной революцией социальных изменениях. Одно это соображение еще, конечно, не разрешает вопроса: но оно имеет большое методологическое значение. Оно показывает нам, как и почему сталинский аппарат мог окончательно утратить свое значение, в качестве международного революционного фактора, и сохранить часть своего прогрессивного значения, в качестве сторожа при социальных завоеваниях пролетарской революции. Такое двойственное положение представляет собой, к слову сказать, одно из проявлений неравномерности исторического развития.

Правильная политика рабочего государства не может сводиться только к национальному экономическому строительству. Если революция не будет расширяться по системе пролетарской спирали на международной арене, она неизменно начнет сужаться по системе бюрократической спирали в национальных рамках. Если диктатура пролетариата не становится европейской и мировой, она идет навстречу собственному крушению. В большой исторической перспективе все это совершенно бесспорно. Но все дело в конкретных исторических сроках. Можно ли сказать, что политика сталинской бюрократии уже привела к ликвидации рабочего государства? В этом сейчас вопрос.

Против утверждения, будто рабочее государство уже ликвидировано, выступает прежде всего важное методологическое положение максимизма. Диктатура пролетариата была установлена при помощи политического переворота и трех лет гражданской войны. Классовая теория общества, как и исторический опыт, одинаково свидетельствуют о невозможности победы пролетариата мирным путем, т.е. без грандиозных классовых боев с оружием в руках. Мыслима ли в таком случае мирная, незаметная, „постепенная“ буржуазная контр-революция? До сих пор, во всяком случае, феодальные, как и буржуазные контр-революции никогда не происходили „органически“, а непременно требовали вмешательства военной хирургии. Теории реформизма, поскольку реформизм вообще возмущался до теорий, всегда в последнем счете основаны на непонимании глубины и непримиримости классовых противоречий: отсюда перспектива мирного перерастания капитализма в социализм. Марксистский тезис о катастрофическом характере перехода власти из рук одного класса в руки другого, относится не только к революционным периодам, когда история бешено мчится вперед, но и к периодам контр-революции, когда общество откатывается назад. Кто

³Мудрые американские брадлеровцы (группа Ловстона) усложняют вопрос: экономическая политика сталинцев, мол, безупречна, но политический режим СССР плох: нет демократии. Этим теоретикам не приходит в голову спросить себя: почему же Сталин ликвидирует демократию при правильной и успешной экономической политике? Не из опасения ли, что партия и рабочий класс, при наличии пролетарской демократии слишком бурно и беспокойно будут выражать свой восторг по поводу экономической политики?

утверждает, что советское государство постепенно превратилось из пролетарского в буржуазное, тот как бы разворачивает фильм реформизма в обратном направлении.

Противники могут возразить, что это общее методологическое рассуждение, как оно ни важно само по себе, все же слишком абстрактно, чтоб разрешить вопрос. Истина всегда конкретна. Тезис о непримиримости классовых противоречий может и должен направлять наше исследование, но не может заменить его результатов. Надо углубиться в материальное содержание самого исторического процесса.

Мы отвечаем: верно, что методологический довод не исчерпывает проблемы. Но он, во всяком случае, перекладывает тяжесть доказательства на противную сторону. Критики, считающие себя марксистами, должны показать, каким образом буржуазия, сдавшая власть в трехлетних боях, смогла вернуть себе эту власть без всяких боев. Так как, однако, наши противники почти не пытаются придать своей оценке советского государства сколько нибудь серьезное теоретическое выражение, то мы попытаемся здесь проделать эту работу за них.

«Диктатура над пролетариатом»

Самым распространенным, популярным и на первый взгляд неотразимым доводом в пользу непереломного характера нынешнего советского государства является ссылка на удушение свободы пролетарских организаций и на всемогущество бюрократии. Можно ли, в самом деле, отождествлять диктатуру аппарата, приводящую к диктатуре одного лица, с диктатурой пролетариата, как класса? Не ясно ли, что диктатура пролетариата исключается диктатурой над пролетариатом?

Это заманчивое рассуждение построено не на материалистическом анализе процесса, как он развертывается в действительности, а на чисто-идеалистических схемах, на кантовских нормах. Некоторые благородные «друзья» революции составили себе весьма лучезарное представление о диктатуре пролетариата и впадают в полную прострацию при виде того, что реальная диктатура, со всем наследием классового варварства, со всеми своими внутренними противоречиями, с ошибками и преступлениями руководства, совершенно не похожа на тот прилизанный образ, который они себе составили. Разочарованные в своих лучших чувствах, они поворачивают к Советскому Союзу спиной.

Где и в каких книжках можно найти безошибочный рецепт пролетарской диктатуры? Диктатура класса далеко не всегда означает прямое участие всей его массы в управлении государством. Мы это видели прежде всего на примере имущих классов. Дворянство господствовало через монархию, перед которой стояло на коленях. Диктатура буржуазии принимала сравнительно развернутые демократические формы только в условиях подъема капитализма, когда господствующему классу нечего было бояться. На наших глазах демократия заменилась в Германии самодержавием Гитлера, причем все традиционные буржуазные партии были разбиты в щепы. Германская буржуазия не управляет ныне непосредственно: политически она находится в полном подчинении у Гитлера и его банд. Тем не менее, диктатура буржуазии остается в Германии ненарушенной, ибо все условия ее социального господства сохранены и укреплены. Экспроприировав буржуазию политически, Гитлер спас ее, хотя бы только на время, от экономической экспроприации. Тот факт, что буржуазия оказалась вынуждена прибегнуть к фашистскому режиму, свидетельствует о том, что ее господство под угрозой, но никак не о том, что оно пало.

Предвсхливая наши дальнейшие выводы, противники поторопятся возразить: если буржуазия, как эксплуататорское меньшинство может сохранять свое господство и при помощи фашистской диктатуры, то пролетариат, строящий социалистическое общество, должен руководить

своим государством сам, непосредственно, возлекая все более широкие массы народа в дело управления. В таком общем виде этот довод бесспорен, но для данного случая он означает лишь то, что нынешняя советская диктатура есть большая диктатура. Страшные трудности социалистического строительства в изолированной и отсталой стране, в сочетании с ложной политикой руководства, которая тоже отражает в последнем счете давление отсталости и изолированности, привели к тому, что бюрократия экспроприровала пролетариат политически, чтоб своими методами охранять его социальные завоевания. Анатомия общества определяется его экономическими отношениями. Пока созданные октябрьской революцией формы собственности не опрокинуты, господствующим классом остается пролетариат.

Рассуждения насчет «диктатуры бюрократии над пролетариатом», без более глубокого анализа, т.е. без выяснения социальных корней и классовых границ бюрократического командования, сводятся просто напросто к хлестким демократическим фразам, чрезвычайно популярным у меньшевиков. Можно не сомневаться, что огромное большинство советских рабочих недовольно бюрократией, значительная часть, и не худшая, ненавидит ее. Если, однако, это недовольство не принимает бурных массовых форм, то не только из-за репрессий: рабочие боятся, что, опрокинув бюрократию, они расчистят поле классовому врагу. Взаимоотношение между бюрократией и классом в действительности гораздо сложнее, чем представляется легковесным «демократам». Советские рабочие справились бы с самовластием аппарата, если бы перед ними открылась другая перспектива, если бы небо на Западе окрасилось не в коричневую краску фашизма, а в красный цвет революции. Пока этого нет, пролетариат со скрежетом зубным терпит (толерировать?) бюрократию, и в этом смысле признает ее носителем пролетарской диктатуры. Каждый советский рабочий, если с ним поговорить по-души, не пощадит крепких слов по адресу сталинской бюрократии. Но ни один из них не признает, что контр-революция уже совершилась. Пролетариат составляет стеновой хребет советского государства. Но поскольку функция господства сосредоточена в руках безответственной бюрократии, постольку мы имеем перед собой заведомо больное государство. Излечимо ли оно? Не означают ли дальнейшие попытки лечения бесплодную трату драгоценного времени? Вопрос плохо поставлен. Под лечением мы понимаем не какие-либо искусственные меры, а сторону от мирового революционного движения, а дальнейшую борьбу под знаменем марксизма. Беспощадная критика сталинской бюрократии, воспитание кадров нового Интернационала, возрождение боеспособности мирового пролетарского авангарда, — такова суть «лечения». Оно совпадает с основным направлением исторического прогресса.

За последние годы — отметим к слову — противники не раз говорили нам, что мы «тереем напрасно время», занимаясь лечением Коминтерна. Мы никогда и никому не обещали, что вылечим Коминтерн. Мы лишь отказывались, до решающей проверки, объявить больного мертвым или безнадежно-больным. Во всяком случае, не «лечение» мы не потеряли ни одного дня. Мы формировали революционные кадры и, что не менее важно, подготавливали основные теоретические и программные положения нового Интернационала.

Диктатура пролетариата, как идеалистическая норма

Господа «кантовские» социологи (извиняемся перед тенью Канта) приходят нередко к тому выводу, что «настоящая» диктатура, т.е. такая, которая отвечает их идеальным нормам, существовала только в дни Парижской коммуны или в первый период Октябрьской революции, до Брест-литовского мира, в лучшем случае, до напа. Вот, что называется попасть пальцем в небо! Если Маркс и Энгельс называли Парижскую

коммуны „диктатурой пролетариата“, то лишь в силу заложенных в ней возможностей. Сама же по себе коммуна еще не была диктатурой пролетариата. Захватив власть, она плохо знала, что с ней делать; не наступала, а выжидала; оставалась замкнутой в кольце Парижа; не смела прикоснуться к государственному банку; не произвела, да и не могла произвести переворота в отношениях собственности, ибо не располагала властью в национальном масштабе. К этому надо прибавить бланкистскую односторонность и прудонистские предрассудки, которые не позволяли даже вождям движения полностью осознать коммуны, как диктатуру пролетариата.

Не более счастливый характер имеет ссылка на первый период Октябрьской революции. Не только до Брест-литовского мира, но и до осени 1918 года социальное содержание революции ограничивалось мелко-буржуазным аграрным переворотом и рабочим контролем над производством. Это значит, что революция не выходила еще, по своим действиям, за пределы буржуазного общества. В этот первый период наряду с рабочими советами, и не редко отесняя их, господствовали солдатские советы. И только к осени 1918 года мелко-буржуазная солдатско-аграрная стихия входит понемногу в берега, а рабочие приступают к национализации производства. Только с этого времени можно говорить о наступлении действительной диктатуры пролетариата. Но и здесь еще требуется большая оговорка. Диктатура географически ограничивалась в те первые годы старым московским княжеством и вынуждена была вести трехлетнюю войну по всем радиусам от Москвы к периферии. Это значит, что до 1921 года, т.е. как раз до изла, шла только еще борьба за установление диктатуры пролетариата в масштабе всего государства. А так как, начиная с изла, диктатура, по мнению лже-марксистских филистеров, исчезла, то значит ее и вообще никогда не существовало. Для этих господ диктатура пролетариата есть просто невесомое понятие, идеальная норма, неосуществимая на нашей грешной земле. Немудрено, если „теоретики“ этого типа, поскольку они не отказываются начисто от самого имени диктатуры, стремятся смазать непримиримое противоречие между нею и мелкобуржуазной демократией.

Крайне характерна, под лабораторным, а не политическим углом зрения, парижская секта „коммунистов-демократов“ (Суварин и К-о). В самом их названии уже заключается разрыв с марксизмом. В критике Готской программы Маркс отвергал название социал-демократии в виду того, что оно ставит революционную социалистическую борьбу под формальный контроль демократии. Совершенно очевидно, что „коммунисты-демократы“ принципиально не отличаются от „социалистов-демократов“, т.е. социал-демократов. Между социализмом и коммунизмом нет устойчивой перегородки. Грехопадение начинается с того момента, когда социализм и коммунизм, как движение или как государство, подчиняется не реальному ходу классовой борьбы, не материальным условиям исторического процесса, а над-социальной и над-исторической абстракции „демократии“, которая на деле является орудием самозащиты буржуазии против пролетарской диктатуры. Если в эпоху Готской программы еще можно было в слове социал-демократия видеть лишь неправильное, ненаучное название для здоровой по духу пролетарской партии, то вся дальнейшая история буржуазной и „социальной“ демократии превращает знамя „демократического коммунизма (?)“ в знамя прямой классовой измены.⁴

⁴Интересующиеся, если таковые найдутся, могут ознакомиться с „платформой“ самих коммунистов-демократов. С точки зрения основ марксизма, трудно себе представить более шарлатанский документ.

Бонапартизм

Противник типа Урбанса скажет: реставрации буржуазного режима действительно еще нет, но нет уже и рабочего государства; нынешний советский режим есть над-классовое или между-классовое бонапартистское государство. С этой теорией мы уже свели в свое время счеты. Исторически бонапартизм был и остается правительством буржуазии в периоды кризисов буржуазного общества. Можно и должно различать „прогрессивный“ бонапартизм, закрепляющий чисто капиталистические завоевания буржуазной революции, и бонапартизм упадка капиталистического общества, конвульсивный бонапартизм нашей эпохи (Пален — Шлейхер, Дольфус, кандидат в голландские бонапарты Колейн и проч.). Бонапартизм всегда означает политическое лавирование между классами; но под бонапартизмом, во всех его исторических перипетиях, сохраняется одна и та же социальная база: буржуазная собственность. Нет ничего абсурднее, как из бонапартистского виляния между классами или из „надклассового“ положения бонапартистской шайки делать вывод о бесклассовом характере бонапартистского государства. Чудовищный вздор! Бонапартизм есть лишь одна из разновидностей капиталистического господства.

Если Урбанс хочет расширить понятие бонапартизма, распространяя его также и на нынешний советский режим, то мы готовы принять и такое расширенное толкование — при одном условии: если социальное содержание советского „бонапартизма“ будет определено с необходимой ясностью. Совершенно верно, что самозастание советской бюрократии сложилось на почве лавирования между классовыми силами, как внутренними, так и внешними. Поскольку бюрократическое лавирование увенчалось личным плебисцитарным режимом Сталина, можно говорить о советском бонапартизме. Но если бонапартизм обоих Бонапартов, как и нынешних жалких последышей, развирывался и развирывается на основе буржуазного режима, то бонапартизм советской бюрократии имеет под собой почву пролетарского режима. Терминологические новшества или исторические аналогии могут представлять те или иные удобства для анализа, но не могут изменить социальной природы советского государства.

„Государственный капитализм“

За последний период Урбанс создал, впрочем, новую теорию: экономический строй советов оказывается разновидностью „государственного капитализма“. „Прогресс“ состоит в том, что от терминологических упражнении в области политической надстройки, Урбанс спускается к экономическому фундаменту. Но этот спуск, увы, не принес ему добра.

Государственный капитализм есть, по Урбансу, новейшая форма самозащиты буржуазного режима: достаточно взглянуть на корпоративно-„планирующее“ государство в Италии, Германии и Соединенных Штатах. Привыкший к широкому размаху, Урбанс прибавляет сюда и СССР. Об этом скажем ниже. Поскольку дело касается капиталистических государств, Урбанс подходит к очень важному явлению нашей эпохи. Монополизм капитализма давно перерос и частную собственность на средства производства и границы национального государства. Однако, рабочий класс, парализованный своими собственными организациями, не сумел вовремя освободить производительные силы общества из капиталистических оков. Отсюда затяжная эпоха экономических и политических конвульсий. Производительные силы бьются о перегородки частной собственности и о национальные границы. Буржуазные государства вынуждены усмирять бунт собственных производительных сил при помощи полицейского

кулака. Это и есть так называемая «плановая экономика». Можно условно назвать ее «государственным капитализмом», поскольку государство пытается обуздать и дисциплинировать капиталистическую анархию.

Напомним, однако, что первоначально марксисты под государственным капитализмом понимали лишь самостоятельные хозяйственные предприятия государства. Когда реформисты мечтали преодолеть капитализм при помощи муниципализации и огосударствления все большего числа транспортных и промышленных предприятий, марксисты возражали: это не социализм и государственный капитализм. В дальнейшем это понятие получило, однако, расширительный смысл и стало применяться ко всем видам государственного вмешательства в хозяйство; французы употребляют в этом смысле слово «этатизм».

Урбанс, однако, не только констатирует потуги «государственного капитализма», — он их по своему оценивает. Насколько вообще можно понять его, он объясняет режим «государственного капитализма» необходимой и притом прогрессивной стадией в развитии общества, в том же смысле, в каком трест является прогрессом по сравнению с разрозненными предприятиями. Одной этой фундаментальной ошибки в оценке капиталистического планирования достаточно, чтоб похоронить любое направление.

Если в эпоху капиталистического восхождения, конец которой положила война, различные формы огосударствления можно было рассматривать — при известных политических предпосылках, — как прогрессивное явление, т.е. считать, что государственный капитализм ведет общество вперед, облегчая будущую экономическую работу пролетарской диктатуры, то нынешнюю «плановую экономику» приходится рассматривать, как навсего реакционную стадию: государственный капитализм стремится вырвать хозяйство из мирового разделения труда, приспособить производительные силы к Прокрустову ложу национального государства, искусственно сократить производство в одних отраслях и искусственно же создать другие отрасли при помощи громадных накладных расходов. Экономическая политика нынешнего государства, начиная с таможен старо-китайского образца и кончая эпизодами запрещения машин в «плановом хозяйстве» Гитлера, достигает неустойчивого регулирования ценою снижения национального хозяйства, внесения хаоса в мировые отношения и полного расстройств денежной системы, которая весьма и весьма понадобится для социалистического планирования. Нынешний государственный капитализм не подготавливает и не облегчает будущую работу социалистического государства, наоборот, создает для нее колоссальные дополнительные трудности. Пролетариат упустил ряд сроков для захвата власти. Этим он создал условия: в политике — для фашистского варварства, в экономике — для разрушительной работы «государственного капитализма». После завоевания власти пролетариату придется экономически расплачиваться за политические упущения.

Хозяйство СССР

В рамках данной работы нас, однако, больше всего интересует то обстоятельство, что Урбанс пытается под понятием «государственного капитализма» подвести и хозяйство СССР. При этом — трудно поверить — он ссылается на Ленина. Объяснить эту ссылку можно только одним: в качестве вечного изобретателя, создающего ежемесячно по новой теории, Урбанс не имеет времени читать книги, на которые ссылается. Термин «государственный капитализм» Ленин действительно применял, но не к советскому хозяйству в целом, а лишь к определенной его части: иностранным концессиям, смешанным промышленным и торговым обществам и, отчасти, к контролируемой государством

крестьянской, в значительной мере кулацкой, кооперации. Все это — бесспорные элементы капитализма; а так как они контролируются государством и даже функционируют при прямом его участии, как смешанные общества, то Ленин условно, «в кавычках» по его собственному выражению назвал эти хозяйственные формы «государственным капитализмом». Условность термина определялась тем, что дело шло не о буржуазном, а о пролетарском государстве: кавычки и должны были подчеркнуть эту немаловажную разницу. Поскольку, однако, пролетарское государство допускало частный капитал и позволяло ему, в известных рамках, эксплуатировать рабочих, постольку оно одним своим крылом прикрывало буржуазные отношения. В этом, строго ограниченном, смысле можно было говорить о «государственном капитализме».

В. И. Ленин в своем кабинете

Самый термин Ленин выдвинул во время перехода к напу, когда он предполагал, что концессии и «смешанные общества», т.е. предприятия, основанные на сочетании государственного и частного капитала, займут крупнейшее место в советском хозяйстве, наряду с чисто государственными трестами и синдикатами. В отличие от государственно-капиталистических предприятий, т.е. концессий и проч., Ленин определял советские тресты и синдикаты, как «предприятия последовательно социалистического типа». Дальнейшее развитие советской экономики особенно промышленности, Ленин представлял себе в виде конкуренции государственно-капиталистических и чисто государственных предприятий.

Теперь, надеемся, ясно, в каких пределах Ленин употреблял термин, введенный в соблазн Урбанса. Чтоб довершить теоретическую катастрофу вождя «Ленин-бунда», надо еще напомнить, что ни концессии, ни смешанные общества, вопреки первоначальным ожиданиям Ленина, не играли в развитии советского хозяйства почти никакой роли. Сейчас от этих «государственно-капиталистических» предприятий вообще ничего не осталось. Наоборот, советские тресты, судьба которых казалась еще очень смутной на заре напу, получили в ближайшие годы после Ленина гигантское развитие. Таким образом, если пользоваться ленинской терминологией добросовестно и с пониманием дела, то

придется сказать, что советское хозяйственное развитие совершенно обошло стадию „государственного капитализма“ и развернулось по каналу предприятий „последовательно социалистического типа“.

Однако, и здесь нужно устранить возможные недоразумения, на этот раз прямо противоположного характера. Ленин выбирал свои термины точно. Он называл тресты не социалистическими предприятиями, как именуют их теперь сталинцы, а предприятиями „социалистического типа“. Это тонкое терминологическое различие означало под пером Ленина, что тресты получат право называться социалистическими, не по типу, т.е. не по тенденции, а по своему подлинному содержанию, когда революционизируют сельское хозяйство, когда уничтожат противоположность между городом и деревней, когда научатся удовлетворять полностью все человеческие потребности; другими словами, лишь в меру того, как на основе национализированной промышленности и коллективизированного сельского хозяйства, сложится действительно социалистическое общество. Достижение этой цели Ленин мыслил, как преемственную работу двух-трех поколений, притом в неразрывной связи с развитием международной революции.

Резюмируем. Под государственным капитализмом, в строгом смысле слова, надлежит понимать ведение буржуазным государством промышленных и иных предприятий за собственный счет или „регулирующее“ вмешательство буржуазного государства в работу частных капиталистических предприятий. Под государственным капитализмом „в кавычках“ Ленин понимал контроль пролетарского государства над частно-капиталистическими предприятиями и отношениями. Ни одно из этих определений к нынешнему советскому хозяйству ни с какой стороны не подходит. Какое собственно конкретное экономическое содержание вкладывает Урбанс в понятие советского „государственного капитализма“, остается совершенной тайной. Попросту сказать, вся его новейшая теория построена на плохо прочитанной цитате.

Бюрократия и правящий класс

Есть, однако, и другая теория „пролетарского“ характера советского государства, более замысловатая, более осторожная, но не более серьезная. Французский социал-демократ Л. Лора (Lucien Laurat), сподвижник Блюма и учитель Суварина, написал книжку в защиту того взгляда, что советское общество, не являясь ни пролетарским ни буржуазным, представляет собой совершенно новый тип классовой организации, так как бюрократия не только господствует над пролетариатом политически, но и эксплуатирует его экономически, поглощая ту прибавочную стоимость, которая раньше приходилась на долю буржуазии. Лора облекает свои откровения в тяжеловесные формулы „Капитала“ и придает, таким образом, своей поверхностной, чисто описательной „социологии“ видимость глубины. Компилятор, позидимому, не знает, что вся его теория, только с гораздо большим огнем и блеском, формулирована была свыше тридцати лет тому назад русско-польским революционером Махайским, который имел то преимущество над своим французским вульгаризатором, что не дожидаясь ни Октябрьской революции ни сталинской бюрократии, чтобы заранее определить „диктатуру пролетариата“ как подмостки для командующих постов эксплуататорской бюрократии. Но и Махайский не создал свою теорию из ничего: он лишь социологически и экономически „углубил“ анархические предрассудки против государственного социализма. Махайский, кстати сказать, тоже пользовался формулами Маркса, но более последовательно, чем Лора: по Махайскому, автор „Капитала“ злонамеренно скрыл в формулах воспроизводства (2-ой том) ту долю прибавочной стоимости, которую будет поглощать социалистическая интеллигенция (бюрократия).

В наше время подобного рода „теории“, но без обличения

эксплуататора—Маркса, защищал Мясников, который объявил, что диктатура пролетариата в Советском Союзе сменилась господством нового класса: социал-бюрократии. Весьма вероятно, что прямо или косвенно Лора почерпнул свою теорию именно у Мясникова и лишь придал ей педантично-ученое выражение. Для полноты надо еще добавить, что Лора усвоил себе все ошибки (только ошибки) Розы Люксембург, в том числе и те, от которых она сама успела отказаться.

Однако, подойдем ближе к самой „теории“. Класс, для марксистов, представляет исключительно важное и притом научно-очерченное понятие. Класс определяется не одним лишь участием в распределении национального дохода, а самостоятельной ролью в общей структуре хозяйства, самостоятельными корнями в экономическом фундаменте общества. Каждый класс (феодалы, крестьянство, мелкая буржуазия, капиталистическая буржуазия, пролетариат) вырабатывает свои особые формы собственности. Все эти социальные черт бюрократия лишена. Она не имеет самостоятельного места в производственно-распределительном процессе. Она не имеет самостоятельных имущественных корней. Ее функции относятся, в основе своей, к политической технике классового господства. Наличие бюрократии, при всем различии ее форм и удельного веса, характеризует всякий классовый режим. Ее сила имеет отраженный характер. Бюрократия неразрывно связана с экономически господствующим классом, питается его социальными корнями, держится и падает вместе с ним.

Классовая эксплуатация и социальный паразитизм

Лора скажет, что он „не возражает“ против оплаты труда бюрократии, поскольку она выполняет необходимые политические, хозяйственные и культурные функции, но дело идет о бесконтрольном присвоении ею совершенно непомерной части национального дохода; именно в этом смысле она является „эксплуататорским классом“. Довод этот, опирающийся на бесспорные факты, не меняет, однако, социальной физиономии бюрократии.

Всегда и при всяком режиме бюрократия поглощает немалую часть прибавочной стоимости. Было бы небезинтересно подсчитать, например, какую долю национального дохода поглощает в Италии или в Германии фашистская саранча! Но этот факт, немаловажный сам по себе, совершенно недостаточен для превращения фашистской бюрократии в самостоятельный правящий класс. Она является приказчиком буржуазии. Правда, этот приказчик сидит на спине у хозяина, вырывает у него подчас изо рта жирные куски и в добавление плюет ему на лысину. Приказчик, что и говорить, крайне неудобный! Но все же не более как приказчик. Буржуазия мирится с ним, ибо без него ей и ее режиму пришлось бы совсем плохо.

Mutatis Mutandis (изменяя то, что подлежит изменению) сказанное только что можно применить и к сталинской бюрократии. Она пожирает, растеривает и расхищает значительную часть народного достояния. Ее управление крайне дорого обходится пролетариату. Она занимает чрезвычайно привилегированное положение в советском обществе, не только в смысле политических и административных прав, но и в смысле огромных материальных преимуществ. Но самые большие квартиры, самые красивые бифтексы и даже Ролс-Ройсы еще не превращают бюрократию в самостоятельный господствующий класс.

В социалистическом обществе неравенство, тем более столь вопиющее, было бы, конечно, совершенно невозможным. Но вопреки официальной и официозной лжи, нынешний советский режим является не социалистическим, а переходным. Он несет в себе еще чудовищное наследие капитализма, в частности социальное неравенство, притом не только между бюрократией и пролетариатом, но и внутри бюрократии и внутри пролетариата. В известных пределах неравенство остается еще

на данной стадии буржуазным орудием социалистического прогресса: дифференциальная заработная плата, премии и проч., как стимул соревнования.

Объясняя неравенство, переходный характер нынешнего строя нисколько не оправдывает тех чудовищных, явных и тайных привилегий, которые присваивают себе бесконтрольные верхи бюрократии. Левая оппозиция не дожидаясь откровений Урбанса, Лора, Суварина, Симон Вейль⁵ и проч., чтобы заявить, что бюрократизм, во всех своих проявлениях, раскалывает моральные скрепы советского общества, порождает острое и законное недовольство масс и подготавливает великие опасности. Тем не менее, привилегии бюрократии, сами по себе, еще не меняют основ советского общества, ибо бюрократия почерпает свои привилегии не из каких-либо особых отношений собственности, свойственных ей, как „классу“, а из тех самых имущественных отношений, которые созданы Октябрьской революцией и, в основном, адекватны диктатуре пролетариата.

Поскольку бюрократия, говоря попросту, обворовывает народ (а это в разных формах делает всякая бюрократия), постольку мы имеем дело не с классовой эксплуатацией, в научном смысле слова, а с социальным паразитизмом, хотя бы и очень большого масштаба. Духовенство в средние века было классом, или сословием, поскольку его господство опиралось на определенную систему земельной собственности и подневольного труда. Нынешняя церковь является не эксплуататорским классом, а паразитической корпорацией. Нелепо было бы, в самом деле, говорить об американском духовенстве, как об особом господствующем классе; между тем, несомненно, что полные разных мастей поглощают в Соединенных Штатах крупную часть прибавочной стоимости. Чертами паразитизма бюрократия, как и духовенство, приближается к лумпен-пролетариату, который тоже не представляет, как известно, самостоятельного „класса“.

Две перспективы

Вопрос предстанет перед нами рельефнее, если мы возьмем его не в статическом, а в динамическом разрезе. Непроизводительно расточая огромную долю национального дохода, советская бюрократия в то же время, по самой своей функции, заинтересована в экономическом и культурном росте страны: чем выше национальный доход, тем обильнее фонд ее привилегий. Между тем, на социальных основах советского государства, экономический и культурный подъем трудящихся масс должен подорвать самые основы бюрократического господства. Ясно, что в этом счастливым историческим варианте бюрократия оказывается, только орудием — плохим и дорогим орудием — социалистического государства.

Но расточая все большую часть национального дохода и нарушая основные пропорции хозяйства, — так возразят нам, — бюрократия замедляет экономический и культурный рост страны. Совершенно верно! Дальнейшее беспрепятственное развитие бюрократизма должно было бы неизбежно привести к приостановке экономического и

культурного роста, к грозному социальному кризису, к откату всего общества назад. Но это означало бы не только крушение пролетарской диктатуры, но одновременно и конец бюрократического господства. На смену рабочему государству пришли бы не „социал-бюрократические“, а капиталистические отношения.

Мы надеемся, что перспективная постановка вопроса окончательно помогает нам разобраться в споре о классовой природе СССР: берем ли мы вариант дальнейших преувеличений советского режима или, наоборот, вариант его крушения, бюрократия одинаково оказывается не самостоятельным классом, а наростом на пролетариате. Опухоль может достигнуть огромных размеров и даже задушить живой организм, но опухоль никогда не может превратиться в самостоятельный организм.

Прибавим, наконец, для полной ясности: если бы сегодня в СССР у власти оказалась марксистская партия, она обновила бы весь политический режим, перетасовала бы, очистила и обуздала бюрократию контролем масс, преобразовала бы всю административную практику, внесла бы ряд капитальных реформ в руководство хозяйством, но ей ни в каком случае не пришлось бы совершать переворот в имущественных отношениях, т.е. новую социальную революцию.

Возможные пути контр-революции

Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контр-революцию. Именно поэтому мы и называем сталинский аппарат **центристским**, что он выполняет двойственную роль: сегодня когда уже нет и еще нет марксистского руководства, он защищает своими методами пролетарскую диктатуру; но методы эти таковы, что облегчают **заатрашнюю** победу врага. Кто не понял этой двойственной роли сталинизма в СССР, тот не понял ничего.

Социалистическое общество будет жить без партии, как и без власти. В условиях переходной эпохи политическая надстройка играет **решающую** роль. Резервнутая и устойчивая диктатура пролетариата предполагает руководящую роль партии, как самостоятельного авангарда; сплоченность пролетариата при помощи системы профессиональных союзов; неразрывную связь трудящихся с государством через систему советов, наконец, боевое единство рабочего государства с мировым пролетариатом через Интернационал. Между тем, бюрократия задушила партию, профсоюзы, советы и Коминтерн. Незачем здесь развешивать, какая гигантская доля вины за перерождение пролетарского режима лежит на покрытой преступлениями и изменами международной социал-демократии, к которой принадлежит между прочим и г-н Лора.⁶

Но каково бы ни было действительное распределение исторической ответственности, результат один: удушение партии, советов и профсоюзов означает политическую атомизацию пролетариата. Социальные антагонизмы не преодолеваются политически, а подавляются административно. Они накапливаются под прессом в такой же мере, в какой исчезают политические ресурсы для их нормального разрешения.

⁵Придя в отчаяние от „неудачных“ опытов диктатуры пролетариата, Симон Вейль нашла утешение в новом призвании: защищать свою личность от общества. Формула старого либерализма, освещенная дешевой анархической экзальтацией! И подумать только, что Симон Вейль величественно говорит о явном „иллюзиях“. Ей и ей подобным нужно было бы много лет упорного труда, чтобы освободиться от самых реакционных мелко-буржуазных предрассудков. Разумеется, ее новые взгляды нашли себе приют в органе, который носит явно ироническое название „Пролетарская революция“. Издание Лузена, как нельзя лучше приспособлено для революционных меланхоликов, политических рефлексив, живущих на проценты с капитала воспоминаний, и претенциозных рецензентов, которые, может быть, применят к революции... после того, как она будет совершена.

⁶Этот ярлык обвиняет русских большевиков-ленинцев в недостатке революционной решимости. Смешно, в авторитарно-марксистском стиле, революция и контр-революция, возвращение к буржуазной демократии и сохранение пролетарской диктатуры, Лора преподает Раковскому уроки революционных действий. Этот же самый джентльмен объявляет мимолетом Ленина „посредственным теоретиком“. Не мудрено! Ленин, который сложнейшими теоретическими выводами придавал простейшее выражение, не может имитировать претенциозному филистеру, который скудным и плоским обобщением придает кабулистический вид. Проект визитной карточки: „Людвиг Лора резервный теоретик и стратег пролетарской революции... для России; по постоянной профессии — подручный Леона Блюма“. Надпись несколько длинна, но верна. А говорят, у этого теоретика есть сторонники в среде молодежи. Бедная молодежь!

Первая большая социальная встряска, внешняя или внутренняя, может привести атомизированное советское общество в состояние гражданской войны. Рабочие, потерявшие контроль над государством и хозяйством, могут прибегнуть к массовым стачкам, как орудию самообороны. Дисциплина диктатуры окажется нарушенной. Под напором рабочих, как и под давлением экономических трудностей, тресты окажутся вынуждены прорвать плановое начало и вступить в конкуренцию друг с другом. Расшатка режима найдет, конечно, бурный и хаотический отголосок в деревне и неизбежно перекинется в армию. Социалистическое государство рухнет, уступив место капиталистическому режиму, вернее капиталистическому хаосу.

Сталинская пресса воспроизведет, конечно, наш предостерегающий анализ, как контр-революционное пророчество или даже, как „пожелание“ троцкистов. По адресу газетной челяди аппарата мы давно не знаем иного чувства, кроме спокойного презрения. Мы считаем положение опасным, но совсем не безнадежным. Во всяком случае было бы позорным мелодушием и прямым предательством объявлять величайшую революционную позицию потерянной — до боя и без боя.

Возможно ли „мирное“ снятие бюрократии?

Если верно, что бюрократия сосредоточивает в своих руках всю власть и все подступы к ней, — а это верно, — то возникает немаловажный вопрос: как подойти к реорганизации советского государства? и можно ли разрешить эту задачу мирными способами?

Прежде всего установим, в виде непреложной аксиомы, что разрешить задачу может только революционная партия. Создание революционной партии в СССР из здоровых элементов старой партии и из молодежи есть основная историческая задача. Ниже будет сказано, при каких условиях она может быть разрешена. Предположим, однако, что такая партия уже существует. Какими путями могла бы она овладеть властью? Еще в 1927 году Сталин сказал по адресу оппозиции: „нынешняя правящая группировка может быть устранена только гражданской войной“. Это был бюрократический, по духу, вызов — не по адресу левой оппозиции, а по адресу партии. Сосредоточив в своих руках все рычаги, бюрократия открыто провозгласила, что не позволит больше пролетариату поднять голову. Дальнейший ход событий придал этому вызову большой вес. После опыта последних лет было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. В сущности 12-й съезд (начало 1923 года) был последним съездом большевистской партии. Следующие съезды были бюрократическими парадами. Сейчас и такие съезды отменены. Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных „конституционных“ путей. Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой.

Челядь сейчас же подхватит: „троцкисты“, подобно Каутскому, проповедуют вооруженное восстание против диктатуры пролетариата. Пройдем мимо. Для новой пролетарской партии вопрос о завоевании власти может практически встать лишь в тот момент, когда она сплотит вокруг себя большинство рабочего класса. На пути к такому радикальному изменению в соотношении сил бюрократия будет оказываться все более изолированной и все более расколотой. Социальные корни бюрократии лежат, как мы знаем, в пролетариате: если не в его активной поддержке, то, по крайней мере в его „толерировании“. При переходе пролетариата в активность, сталинский аппарат повиснет в воздухе. Если он все же попытается сопротивляться, придется применить меры гражданской войны, а скорее меры полицейского порядка. Дело будет идти, во всяком случае, не о восстании против диктатуры пролетариата, а об устранении злокачественного нароста на ней.

Настоящая гражданская война могла бы развернуться не между сталинской бюрократией и поднявшимся пролетариатом, а между пролетариатом и активными силами контр-революции. О самостоятельной роли бюрократии, в случае открытого столкновения двух массовых лагерей, не могло бы быть и речи. Ее поларные фланги распределились бы по разные стороны баррикады. Судьбу дальнейшего развития предопределил бы, конечно, исход борьбы. Во всяком случае, победа революционного лагеря мыслима была бы только под руководством пролетарской партии, которая победой над контр-революцией было бы естественно поднята к власти.

Новая партия в СССР

Что ближе: опасность крушения советской власти, подточенной бюрократизмом, или час объединения пролетариата вокруг новой партии, способной спасти Октябрьское наследство? На такой вопрос нет априорного ответа: решит борьба. Соотношение сил определится на большой исторической проверке, которой может явиться и война. Ясно, во всяком случае, что одними внутренними силами, в обстановке дальнейшего распада мирового пролетарского движения и расширения фашистского господства, удержать советскую власть долго нельзя. Основным условием, при котором только и возможна коренная реформа советского государства, является победоносное развитие мировой революции.

Возродиться революционное движение на Западе может и без партии, победить оно может только под руководством партии. На всю эпоху социальной революции, т.е. на ряд десятилетий, интернациональная революционная партия остается основным орудием исторического прогресса. Урбанс, кричащий о том, что „старые формы“ отжили, что необходимо нечто „новое“ — что именно? — обнаруживает только путаницу... в довольно старых формах. Профессиональная работа в условиях „планового“ капитализма, борьба с фашизмом и надвигающейся войной, несомненно, выдвинут те или другие новые методы и типы боевых организаций. Нужно только не фантазировать, как брандлеровцы, насчет нелегальных профессиональных союзов, а внимательно присматриваться к действительному ходу борьбы, подхватывать инициативу самих рабочих, развивать и обобщать ее. Но как раз для того, чтоб выполнять эту работу, нужна прежде всего партия, т.е. политически сплоченное ядро пролетарского авангарда. Позиция Урбанса субъективна: он разочаровался в партии после того, как с успехом пустил собственную „партию“ ко дну.

Некоторые из новаторов заявляют: мы „давно“ говорили, что нужны новые партии, теперь это признали, наконец и „троцкисты“; когданибудь они поймут и то, что Советский Союз не рабочее государство. Эти люди делают астрономические „открытия“, вместо того, чтобы исследовать реальный исторический процесс. Секта Гортера и германская „Рабочая Компартия“ еще в 1921 году решили, что Коминтерн погиб. Таких заявлений с того времени было не мало (Лорно, Корш, Суварин и проч.). Однако, из этих „диагнозов“ решительно ничего не выходило, ибо они отражали лишь субъективное разочарование кружков и лиц в не объективные потребности исторического процесса. Именно поэтому крикливые новаторы и остаются сейчас в стороне.⁷

Ход событий не следует заранее данному маршруту. В глазах масс,

⁷ По самому существу своему сказанное не может относиться к тем организациям, которые сравнительно недавно откололись от социал-демократии или имели вообще свой особый тип развития (как голландская Революционная Социалистическая Партия и которые естественно отказывались связывать свою судьбу с судьбой Коминтерна в период его упадка. Лучшие из этих организаций становятся сейчас под знамя нового Интернационала. Другие станут завтра.

а не одинок. Коминтерн погубил себя капитуляцией перед фашизмом. А советское государство, правда, с крайне пониженным революционным авторитетом, существует и после крушения Коминтерна. Нужно брать факты, как они даны действительным развитием, не капризничать, не надуть губы как Симон Вейль, не обижаться на историю и не поворачиваться к ней спиной.

Чтобы строить новые партии и новый Интернационал, нужны прежде всего надежные принципиальные основы, стоящие на уровне нашей эпохи. Мы не делаем себе никаких иллюзий относительно недочетов и пробелов в теоретическом инвентаре большевиков-ленинцев. Однако, их десятилетняя работа подготовила основные теоретические и стратегические предпосылки для построения нового Интернационала. Рука об руку с новыми союзниками мы разовьем эти предпосылки и конкретизируем их на основе боевой критики.

Четвертый Интернационал и СССР

Ядром новой партии в СССР — по существу, возрожденной в новых условиях большевистской партии — явится группировка большевиков-ленинцев. Даже официальная советская пресса последних месяцев свидетельствует о том, что наши единомышленники мужественно и не без успеха ведут свою работу. Но иллюзии были бы, неуместны: партия революционного интернационализма сможет освободить рабочих из под разлагающего влияния национальной бюрократии только в том случае, если интернациональный пролетарский авангард снова появится на арене, как боевая сила.

С начала империалистской войны, а в развернутом виде — с Октябрьской революции, партия большевиков играла ведущую роль в мировой революционной борьбе. Сейчас это положение полностью утрачено. Это относится не только к официальной карикатуре на партию. Совершенно исключительные по трудности условия работы русских большевиков-ленинцев исключают для них возможность руководящей роли в международном масштабе. Более того: группировка «левой оппозиции» в СССР сможет развернуться в новую партию только в результате успешного формирования и роста нового Интернационала. Революционный центр тяжести окончательно передвинулся на Запад, где ближайшие возможности партийного строительства неизмеримо шире.

Под влиянием трагического опыта последних лет в пролетариате всех стран накопилось огромное количество революционных элементов, которые ждут ясного слова и незапятнанного знамени. Правда, консулсии Коминтерна почти всюду толкнули новые слои рабочих в сторону социал-демократии. Но именно этот приток взбудораженных масс становится страшной опасностью для реформизма: он трещит по всем швам и распадется на фракции, выделяя из себя везде революционное крыло. Таковы непосредственные политические предпосылки нового Интернационала. Первый камень уже заложен: это принципиальная декларация четырех организаций.

Условием дальнейших успехов является правильная оценка мировой обстановки, и в том числе классовой природы Советского Союза. По этой линии новый Интернационал подвергнется испытанию уже с первых дней своего существования. Прежде чем он сможет реформировать советское государство, он должен будет взять на себя его защиту.

Всякое политическое течение, которое под предлогом «пролетарского» характера Союза, махнет на него безнадежно рукой, рискует оказаться пассивным орудием империализма. И с нашей точки зрения, не исключено, разумеется трагическая возможность того, что первое рабочее государство, ослабленное своей бюрократией, падет под соединенными ударами внутренних и внешних врагов. Но даже и в этом, худшем варианте, огромное значение для дальнейшего хода революционной борьбы будет иметь вопрос о том, где виновники

катастрофы. На революционных интернационалистов не должно пасть ни малейшей частицы вины. В час смертельной опасности они должны оставаться на последней баррикаде. Сегодня потрясение бюрократического равновесия в СССР послужило бы почти наверняка на пользу контр-революционных сил. При наличии же действительно революционного Интернационала неизбежный кризис сталинского режима откроет возможность возрождения СССР. Таков наш основной курс.

Внешняя политика Кремля наносит каждый день удары мировому пролетариату. Оторвавшись от масс, дипломатические чиновники под руководством Сталина, попирают самые элементарные революционные чувства рабочих всех стран, к величайшему ущербу прежде всего для самого Советского Союза. Внешняя политика бюрократии дополняет внутреннюю. Мы боремся против той, как и против другой. Но мы боремся под углом зрения защиты рабочего государства.

Чиновники распадающегося Коминтерна в разных странах продолжают клаться в верности Советскому Союзу. Было бы непростительной глупостью строить что либо на этих клятвах. Крикливая защита СССР составляет для большинства этих людей не убеждение, а профессию. Они не борются за диктатуру пролетариата, а подтверждают следы сталинской бюрократии (см., например, «Юманите»). В критический час, барбюссированный Коминтерн способен будет оказать Советскому Союзу не большую поддержку, чем то сопротивление, которое он оказал Гитлеру. Иное дело революционные интернационалисты. Бесчестно травимые бюрократией в течение десятилетия, они неутомимо призывают рабочих к защите Советского Союза.

В тот день, когда новый Интернационал покажет русским рабочим, не на словах, а на деле, что он, и только он, стоит на защите рабочего государства, положение большевиков-ленинцев внутри Союза переменится в 24 часа. Новый Интернационал предложит сталинской бюрократии единый фронт против общих врагов. И если наш Интернационал будет представлять из себя силу, бюрократия не сможет в минуту опасности уклониться от единого фронта. Что останется тогда от многолетних наслоений лжи и клеветы?

Единый фронт со сталинской бюрократией не будет и в случае войны означать «священное единение», по примеру буржуазных и социал-демократических партий, которые на время империалистской свалки прекращают взаимную критику, чтоб тем вернее обманывать народ. Нет, и в случае войны мы сохраним критическую непримиримость по отношению к бюрократическому центризму, который не сможет не обнаружить свою неспособность вести подлинно революционную войну.

Проблема мировой революции, как и проблема Советского Союза резюмируются в одной и той же короткой формуле: Четвертый Интернационал!

1 октября 1932 г. Л. Троцкий.

Рабочее государство, термидор и бонапартизм⁸ Историко-теоретическая справка

Внешняя политика сталинской бюрократии — по обоим своим каналам: главному, дипломатическому и вспомогательному, коминтерновскому — совершила резкий поворот в сторону Лиги Наций, status quo, союза с реформистами и буржуазной демократией.

Внутренняя политика повернула одновременно к рынку и «зажиточному колхознику». Новый разгром оппозиционных, полупозиционных групп и отдельных сколько-нибудь критических элементов, новая массовая чистка партии имеют своей задачей развязать Сталину руки для правого курса. По существу дело идет о возвращении к старому, органическому курсу (ставка на кулака, союз с Гоминданом, Англо-русский комитет и пр.), но в более широком масштабе и в неизмеримо более трудных условиях. Куда ведет этот курс? Слово «термидор» снова на многих устах. К сожалению, это слово стерлось от употребления, утратило конкретное содержание и явно недостаточно для характеристики ни того этапа, через который проходит сталинская бюрократия, ни той катастрофы, которую она подготавливает. Прежде всего нужно условиться о терминах.

Вожди двух великих революций во время подъема:

Дантон, Робеспьер и Марат

Троцкий, Ленин и Каменев

Споры о «термидоре» в прошлом

Вопрос о «термидоре» тесно связан с историей левой оппозиции в СССР. Сейчас было бы не легко установить, кто первый прибег к исторической аналогии с термидором. Во всяком случае в 1926 г. позиции распределились примерно так, группа «демократического централизма» (замученный Сталиным в ссылке в М. Смирнов, Сапронов и др.) утверждала: «термидор — совершившийся факт!». Странники платформы левой оппозиции, большевики-ленинцы, категорически опровергали это утверждение. По этой линии и произошел раскол. Кто оказался прав? Чтоб ответить на этот вопрос, надо точно определить, что собственно обе группы понимали под «термидором»; исторические аналогии допускают разные толкования, а тем самым и злоупотребления.

Покойный В. М. Смирнов — один из наиболее благородных представителей старого большевистского типа — считал, что отставание индустриализации, рост кулака и напмана (нового буржуа), смычка между ними и бюрократией, наконец перерождение партии зашли настолько далеко, что без новой революции возврата на социалистические рельсы быть не может, пролетариат уже утратил власть. После разгрома левой оппозиции бюрократия выражает интересы возрождающегося буржуазного режима. Основные завоевания Октябрьской революции ликвидированы. Такова была в основе своей позиция группы «Д. Ц.»

«Левая оппозиция» возражала на это: элементы двоевластия несомненно возникли в стране; но переход от этих элементов к господству буржуазии мог бы совершиться не иначе, как посредством контр-революционного переворота. Бюрократия уже связана с напманом и кулаком; но главные корни бюрократии еще уходят в рабочий класс. В борьбе с левой оппозицией бюрократия несомненно тащит за собой тяжелый хвост, а виде напмана и кулаков. Но завтра этот хвост ударит по голове, т.е. по правящей бюрократии. Новые расколы в ее среде неизбежны. Перед опасностью прямого контр-революционного переворота основное ядро центристской бюрократии обречется на рабочих против нарождающейся сельской буржуазии. Исход конфликта еще далеко не предрешен. Раню еще хоронить Октябрьскую революцию. Разгром левой оппозиции облегчает дело термидора, но термидор еще не произошел.

Достаточно воспроизвести точно содержание споров 1926-27 годов, чтоб правота позиции большевиков-ленинцев предстала, в свете дальнейшего развития, во всей своей очевидности. Кулак уже в 1927 г. ударил по бюрократии, отказав ей в хлебе, который он успел сосредоточить в своих руках. В 1928 году бюрократия открыто раскалывается. Правые — за дальнейшие уступки кулаку. Центр вооружается идеями разгромленной им совместно с правыми левой оппозиции, находит опору в рабочих, разбивает правых, становится на путь индустриализации, а затем коллективизации. Ценою неисчислимых лишней жертв основные социальные завоевания Октябрьской революции оказались все же спасены. Прогноз большевиков-ленинцев (точнее: «лучший вариант» их прогноза) подтвердился полностью. Сейчас на этот счет споров быть не может. Развитие производительных сил пошло не по пути восстановления частной собственности, а на базе социализации, путем планового руководства. Мировое историческое значение этого факта может быть скрыто только от политических слепцов.

Действительный смысл термидора

Тем не менее можно и должно сейчас признать, что аналогия с Термидором служила скорее к затемнению, чем к выяснению вопроса. 83

Термидор 1794 г. произвел сдвиг власти от одних групп Конвента к другим группам, от одних слоев победоносного „народа“ — к другим слоям. Был ли термидор контр-революцией? Ответ на этот вопрос зависит от того объема, который мы придаем, в данном случае, понятию „контр-революция“. Социальный переворот 1789-1793 г.г. имел буржуазный характер. Суть его сводилась к замене связанной феодальной собственности „свободной“ буржуазной собственностью. Контр-революция, эквивалентная этой революции, должна была бы произвести восстановление феодальной собственности. Но термидор и не покушался на это. Робеспьер хотел опираться на ремесленников, Директория — на среднюю буржуазию. Бонапарт объединился с банками. Все эти сдвиги, имевшие, конечно, не только политическое, но и социальное значение, совершались, однако, на основе нового буржуазного общества и государства.

Термидор был актом реакции на социальном фундаменте революции. Тот же смысл имело и 18 брюмера Бонапарта, следующий важный этап на пути реакции. Дело шло в обоих случаях не о восстановлении старых форм собственности или власти старых господствующих сословий, а о распределении выгод нового социального режима между разными частями победившего „третьего сословия“. Буржуазия все больше прибирала к рукам собственность и власть (прямо и непосредственно или же через особых агентов, как Бонапарт), отныне не покушаясь на социальные завоевания революции, наоборот, забливно упрочивая, упорядочивая, стабилизируя их. Наполеон охранял буржуазную, а том числе и крестьянскую собственность как от „черни“, так и от притязаний экспроприированных собственников. Феодальная Европа ненавидела Наполеона, как живое воплощение революции, и по своему она была права.

Марксистская оценка СССР

Нынешний СССР, несомненно, очень мало похож на тот тип советской республики, который Ленин рисовал в 1917 году (отсутствие постоянной бюрократии и постоянной армии, сменяемость всех выборных лиц в любое время, активный контроль масс „не взирая на лица“ и т.д.). Господство бюрократии над страной, как и господство Сталина над бюрократией достигли почти абсолютного завершения. Но какие отсюда следуют выводы? Один скажет: так как реальное государство, вышедшее из пролетарской революции, не отвечает идеальным априорным нормам, то я поворачиваюсь к нему спиной. Это политический снобизм, обычный в пацифистски-демократических, либо анархо-синдикалистских, вообще ультра-левых кругах мелкобуржуазной интеллигенции. Другой скажет: так как это государство вышло из пролетарской революции, то всякая критика его есть святотатство и контр-революция. Это голос ханжества, за которым чаще всего скрывается прямая материальная заинтересованность определенных групп той же мелкобуржуазной интеллигенции или рабочей бюрократии. Эти два типа — политического сноба и политического ханжи — очень легко переходят один в другой, в зависимости от личных обстоятельств. Пройдем мимо обоих.

Марксист скажет: нынешний СССР явно не отвечает априорным нормам советского государства; исследуем, чего мы не предвидели, когда выработывались программные нормы; исследуем далее, какие социальные факторы исказили рабочее государство; проверим еще раз, распространились ли эти искажения на экономический фундамент государства, т.е. сохранились ли основные социальные завоевания пролетарской революции; если сохранились, то в какую сторону изменяются; имеются ли в СССР и на мировой арене такие факторы, которые могут облегчить и ускорить перевес прогрессивных тенденций развития над реакционными. Такой подход сложен. Он не дает

готовой отмычки, которую так любят ленивые умы. Зато он не только спасает от двух язв: снобизма и ханжества, но и открывает возможность активного воздействия на судьбы СССР.

Когда группа „Д. Ц.“ объявляла в 1926 году рабочее государство ликвидированным, она явно хоронила еще живую революцию. В противовес этому левая оппозиция выработала платформу реформ советского режима. Сталинская бюрократия громила левую оппозицию, чтоб отстоять и упрочить себя в качестве привилегированной касты. Но борясь за свои позиции, она оказалась вынуждена извлечь из платформы левой оппозиции все те меры, которые только и дали ей возможность спасти социальные основы советского государства. Это неоценимый политический урок! Он показывает, как определенные исторические условия: отсталость крестьянства, усталость пролетариата, отсутствие решающей поддержки с Запада, подготавливают в революции „вторую главу“, которая характеризуется подавлением пролетарского авангарда и разгромом революционных интернационалистов консервативной национальной бюрократией. Но этот же пример показывает, как правильная политическая линия позволяет марксистской группировке оплодотворять развитие, даже когда победители „второй главы“ громят революционеров „первой главы“.

Поверхностное, идеалистическое мышление которое оперирует с готовыми нормами, механически примеривая к ним живое развитие, легко переходит от энтузиазма к прострации. Только диалектический материализм, который учит рассматривать все существующее в его развитии, в борьбе внутренних сил, сообщает необходимую устойчивость мышления и деятельности.

Диктатура пролетариата и диктатура бюрократии

В ряде предшествующих работ мы установили, что, несмотря на экономические успехи, обусловленные национализацией средств производства, советское общество сохраняет полностью противоречивый, переходный характер и, по положению трудящихся, по неравенству условий существования, по привилегиям бюрократии стоит все еще гораздо ближе к капиталистическому режиму, чем к будущему коммунизму.

В то же время мы установили, что, несмотря на чудовищное бюрократическое перерождение, советское государство все еще остается историческим орудием рабочего класса, поскольку обеспечивает развитие хозяйства и культуры на основе национализированных средств производства и тем самым подготавливает условия для действительной эманципации трудящихся путем ликвидации бюрократии и социального неравенства.

Кто не продумал и не воспринял серьезно эти два основных положения, кто вообще не изучил литературу большевиков-ленинцев по вопросу об СССР, начиная с 1923 года, тот рискует при каждом новом событии терять руководящую нить и заменять марксистский анализ жалобными причитаниями.

Советский (вернее было бы сказать: антисоветский) бюрократизм является продуктом социальных противоречий: между городом и деревней; между пролетариатом и крестьянством (эти два рода противоречий не совпадают); между национальными республиками и областями; между разными группами крестьянства; между разными слоями пролетариата; между разными группами потребителей; наконец, между советским государством в целом и его капиталистическим окружением. Ныне, с переводом всех отношений на денежный расчет, экономические противоречия особенно остро выступают наружу. Бюрократия регулирует эти противоречия, поднимаясь над трудящимися массами. Она пользуется этой своей функцией для упрочения своего господства. Осуществляя свое руководство бесконтрольно, произвольно

и безапелляционно, она накапливает новые противоречия. Эксплуатируя их, она создает режим бюрократического абсолютизма.

Противоречия внутри самой бюрократии привели к отбору командующего ордена; необходимость дисциплины внутри ордена привела к единоначалию, к культуре непогрешимого вождя. Один и тот же порядок царит на заводе, в колхозе, в университете, в государстве: вождь с дружиной верных; остальные следуют за вождем. Сталин никогда не был и по природе своей не мог быть вождем масс: он вождь бюрократических «вождей», их увещание, их персонализация.

Чем сложнее становятся хозяйственные задачи, чем выше требования и интересы населения, тем острее противоречие между бюрократическим режимом и потребностями социалистического развития; тем грубее бюрократия борется за сохранение своих позиций; тем циничнее она прибегает к насилию, обману, подкупу.

Факт непрерывного ухудшения политического режима при росте хозяйства и культуры, этот вопиющий факт объясняется тем и только тем, что гнет, преследования, репрессии служат теперь не добрую половину не для охраны государства, а для охраны власти и привилегий бюрократии. Отсюда также и возрастающая необходимость маскировать репрессии при помощи подлогов и амальгам.

— Можно ли, однако, такое государство назвать рабочим? слышится возмущенный голос моралистов, идеалистов и «революционных» снобов. Более осторожные возражают так: «Может быть в последнем счете это и рабочее государство, но от диктатуры пролетариата в нем не осталось и следа: это выродившееся рабочее государство под диктатурой бюрократии».

Возвращаться к этой аргументации в полном ее объеме нет никакого основания. Все необходимое на этот счет сказано в литературе нашего течения и в его официальных документах. Никто и не попытается опровергнуть, исправить или дополнить позицию большевиков-ленинцев в этом важнейшем вопросе.

Мы ограничимся здесь только одним вопросом: можно ли фактическую диктатуру бюрократии называть диктатурой пролетариата.

Терминологическое затруднение вырастает из того, что слово **диктатура** употребляется то в узко-политическом, то в более глубоком, социологическом смысле. Мы говорим о «диктатуре Муссолини» и в то же время заявляем, что фашизм есть лишь орудие финансового капитала. Что верно? И то и другое, но в разных плоскостях. Неоспоримо, что вся распорядительная власть сосредоточена в руках Муссолини. Но не менее верно, что все реальное содержание правительственной деятельности диктуется интересами финансового капитала. Социальное господство класса («диктатура») может находить крайне различные политические формы. Об этом свидетельствует вся история буржуазии, со средних веков до сего дня.

Опыт Советского Союза уже достаточен, чтобы распространить тот же социологический закон — со всеми необходимыми изменениями и на диктатуру пролетариата. Между завоеванием власти и растворением рабочего государства в социалистическом обществе формы и методы пролетарского господства могут резко меняться, в зависимости от хода внутренней и внешней классовой борьбы.

Так, нынешнее командование Сталина ничем не напоминает власти советов первых лет революции. Смена одного режима другим произошла не сразу, а в несколько приемов, посредством ряда малых гражданских войн бюрократии против пролетарского авангарда. В последнем историческом счете советская демократия оказалась взорвана напором социальных противоречий. Эксплуатируя их, бюрократия вырвала власть из рук массовых организаций. В этом смысле можно говорить о диктатуре бюрократии и даже о личной диктатуре Сталина. Но эта узурпация оказалась возможна и может держаться только потому, что социальное содержание диктатуры

бюрократии определялось теми производственными отношениями, которые заложила пролетарская революция. В этом смысле можно с полным правом сказать, что диктатура пролетариата нашла свое искаженное, но несомненное выражение в диктатуре бюрократии.

Необходимо пересмотреть и исправить историческую аналогию

Во внутренних спорах русской и международной оппозиции Термидор условно понимался, как первый этап буржуазной контр-революции, направленной против социальной базы рабочего государства.⁹ Хотя существо спора от этого в прошлом, как мы видели, не страдало, но историческая аналогия получила все же чисто-условный, не реалистический характер, и эта условность чем дальше тем больше приходит в противоречие с интересами анализа новейшей эволюции советского государства. Достаточно сослаться на тот факт, что мы часто — с достаточным основанием — говорим о плебисцитарном, или бонапартистском режиме Сталина. Но бонапартизм во Франции пришел после термидора, оставаясь в рамках исторической аналогии, приходится спросить: если советского «термидора» еще не было, то откуда же было заться бонапартизму? Не меняя наших старых оценок по существу, — для этого нет никакого основания, — надо радикально пересмотреть историческую аналогию. Это поможет нам ближе подойти к некоторым старым фактам и лучше понять некоторые новые явления.

Переворот 9-го термидора не ликвидировал основных завоеваний буржуазной революции: но он передал власть в руки более умеренных и консервативных якобинцев, более зажиточных элементов буржуазного общества. Сейчас нельзя уже не видеть, что и в советской революции давно уже произошел сдвиг власти вправо, вполне аналогичный термидору, хотя и в более медленных темпах и замаскированных формах. Заговору советской бюрократии против левого крыла удалось сохранить на первых порах сравнительно «сухой» характер только потому, что самый заговор был проведен гораздо систематичнее и полнее, чем импровизация 9-го термидора.

Пролетариат социально однороднее буржуазии, но заключает в себе все же целый ряд слоев, которые особенно отчетливо обнаруживаются после завоевания власти, когда формируется бюрократия и связанная с ней рабочая аристократия. Разгром левой оппозиции в самом прямом и непосредственном смысле означал переход власти из рук революционного авангарда в руки более консервативных элементов бюрократии и верхов рабочего класса. 1924 год — это и есть начало советского термидора.

Дело идет не о тождестве, разумеется, а об исторической аналогии, которая всегда находит свои пределы в различиях социальных структур и эпох. Но данная аналогия не поверхностна и не случайна: она определяется крайним напряжением классовой борьбы во время революции и контр-революции. Бюрократия в обоих случаях поднималась на спине плебейской демократии, обеспечившей победу нового режима. Якобинские клубы постепенно удушались. Революционеры 1793 года погибали в боях, становились дипломатами и генералами, падали под ударами репрессий или... уходили в подполье. Иные якобинцы с успехом презирались позже в наполеоновских

⁹ О термидорианском перерождении говорят и меньшевики. Что они под этим понимают, понять нельзя. Меньшевики были против завоевания власти пролетариатом. Советское государство они и сейчас считают не-пролетарским (каким собственно — неизвестно). В прошлом они требовали возвращения капитализму, теперь — к «демократии». Если сами они не являются представителями термидорианских тенденций, то что же такое вообще «термидор»? Очевидно, простой литературный оборот.

префектов. К ним присоединялись все в большем числе перебежчики из старых партий, бывшие аристократы, вульгарные карьеристы. А в России? Постепенный переход от кипящих жизнью советов и партийных клубов к командованию секретарей, зависящих единственно от „горячо любимого вождя“, воспроизводит через 130-140 лет ту же картину перерождения, но на более гигантской арене и в более зрелой обстановке.

Два термидора — победы умеренного крыла бывших революционеров:

Первый Консул Франции, Наполеон Бонапарт

Советские термидорианцы празднуют свою победу.

Длительная стабилизация термидорианско-бонапартистского режима стала возможной во Франции только благодаря развитию производительных сил, освобожденных от феодальных пут. Удачники, хищники, родственники и союзники бюрократии обогащались. Разочарованные массы впадали в протестацию.

Начавшийся в 1923 г. подъем национализированных производительных сил, неожиданный для самой советской бюрократии, создал необходимые экономические предпосылки для ее стабилизации. Хозяйственное строительство открыло выход энергии активных и умелых организаторов, администраторов, техников. Их материальное положение быстро улучшалось. Создался широкий привилегированный слой, тесно связанный с правящей верхушкой. Трудящиеся массы жили надеждами или впадали в безнадёжность.

Было бы нелепым педантизмом пытаться приурочить отдельные этапы русской революции к сходным событиям в конце XVIII века во Франции. Но прямо-таки бросается в глаза, что нынешний политический режим советов чрезвычайно напоминает режим первого консула, притом к концу консульства, когда оно приближалось к империи. Если Сталину не хватает блеска побед, то режимом организованного пресмыкательства он во всяком случае превосходит первого Бонапарта. Такая власть могла быть достигнута лишь путем удушения партии, советов, рабочего класса в целом. Те бюрократия, на которую опирается Сталин, связана материально с результатами завершенной национальной революции, но не имеет с развивающейся интернациональной революцией никаких точек соприкосновения. По образу жизни, интересам, психологии нынешние советские чиновники отличаются от революционных большевиков не менее, чем генералы и префекты Наполеона отличались от революционных якобинцев.

Термидорианцы и бонапартисты

Советский посол в Лондоне Майский разъяснял недавно делегации британских труд-юнионеров необходимость и справедливость сталинской расправы над „контр-революционерами“—зиновьевцами. Этот яркий эпизод — один из тысячи — сразу вводит нас в самое сердце вопроса, ю такие зловещесть, мы знаем. Каковы бы ни были их ошибки и шатания, одно несомненно: они представляют тип „профессионального революционера“. Вопросы мирового рабочего движения — это их крошечные вопросы. Кто такой Майский? Правый меньшевик, оторвавшийся в 1918 г. от собственной партии вправо, чтоб иметь возможность войти министром в белое правительство за Уралом, под покровительством Колчака. Лишь после разгрома Колчака Майский счел своевременным повернуться лицом к советам. Ленин — и мы вместе с ним — с величайшим недоверием, чтоб не сказать презрением, относились к таким типам. Сейчас Майский, в сане посла, обвиняет „зиновьевцев“ и „троцкистов“ в стремлении вызвать военную интервенцию для реставрации капитализма... того самого, который Майский защищал от нас посредством гражданской войны. Нынешний посол в Соединенных штатах А. Трояновский принадлежал в молодости к большевикам, затем покинул партию, во время войны был патриотом, в 1917 г. меньшевиком. Октябрьская революция заставила его членом ЦК меньшевиков, причем в течение ближайших лет Трояновский вел нелегальную борьбу против диктатуры пролетариата; в сталинскую партию, вернее, в дипломатию вступил после разгрома левой оппозиции.

Парижский посол Потемкин был во время Октябрьской революции буржуазным профессором истории; присоединился к большевикам после победы. Бывший берлинский посол Хинчук, в качестве меньшевика, входил в дни октябрьского переворота в контр-революционный московский комитет Спасаения родины и революции, вместе с правым эсером Гринько, нынешним народным комиссаром финансов. Сменивший Хинчука в Берлине Суриц был политическим секретарем первого председателя советов, меньшевика Чхеидзе и примкнул к большевикам после победы. Почти все другие дипломаты — того же типа; а между тем за границу назначаются — особенно после историй с Беседовским, Дмитриевским, Агабековым и др. — особо надежные

люди.

Недавно мировая печать, в связи с крупными успехами советской золото-промышленности, сообщала сведения об ее организаторе, инженере Серебровском. Московский корреспондент „Temps“, успешно конкурирующий ныне с Дуранти и Фишером в качестве официоза бюрократических верхов, с особой тщательностью подчеркивал то обстоятельство, что Серебровский, большевик с 1903 г., принадлежит к „старой гвардии“. Так действительно значится в партийном билете Серебровского. На самом деле он, в качестве молодого студента-меньшевика, участвовал в революции 1905 г., чтобы на долгие годы перейти затем в лагерь буржуазии. Февральская революция заставила его правительственным директором двух работающих на оборону заводов, членом союза предпринимателей, активным участником борьбы против союза металлистов. В мае 1917 г. Серебровский объявлял Ленина „немецким шпионом“. После победы большевиков Серебровский был мною, наряду с другими спецами, привлечен на техническую работу. Ленин относился к нему с недоверием, я — без большого доверия. Сейчас Серебровский — член ЦК партии!

В теоретическом журнале ЦК „Большевик“ (31 декабря 1934 г.) напечатана статья Серебровского „О золотой промышленности СССР“. Открываем первую страницу: „...под руководством любимого вождя рабочего класса товарища Сталина...“; через три строки: „товарищ Сталин в беседе с американским корреспондентом г. Дуранти...“; еще через пять строк: „сжатый и точный ответ товарища Сталина...“; в конце страницы: „вот что значит по-сталински бороться за золото“. Вторая страница: „учит нас великий вождь товарищ Сталин“; через четыре строки: „а ответ на их (большевиков) рапорт III товарищ Сталин писал: Поздравляю с успехом...“. Ниже на той же странице: „воодушевленные указаниями товарища Сталина“, через одну строку: „главы в главе с товарищем Сталиным“, через две строки: „указания нашей партии и III товарища Сталина“. Возьмем конец статьи. На протяжении полустраницы читаем: „указания гениального вождя партии и рабочего класса товарища Сталина...“ и через три строки: „слова любимого вождя товарища Сталина...“.

Самая сатира стоит безоружной перед этим потоком раболепия „любимые вожди“ не нуждаются, казалось бы, в том, чтоб им объяснялись в любви пять раз на каждой странице, притом в статье, посвященной не юбилею вождя, а... добытию золота. С другой стороны, автор статьи, способный на такое пресмыкательство, не может, очевидно, иметь в себе ничего от революционера. Таков этот бывший царский директор крупнейших заводов, ведший борьбу с рабочими, буржуа и патриот, ныне опора режима, член ЦК и стопроцентный сталинец!

Еще пример. Один из столбов нынешней „Правды“, Заславский, доказывал в январе этого года недопустимость издавать реакционные романы Достоевского, так же, как и „контрреволюционные сочинения Троцкого, Зиновьева и Каменева“. Кто такой Заславский? В далеком прошлом — правый бундист (меньшевик из еврейского Бунда), затем буржуазный журналист, ведший в 1917 г. самую отравительную травлю против Ленина и Троцкого, как агентов Германии. В статьях Ленина за 1917 г. встречается, в виде припева, фраза: „Заславский и ему подобные негодяи“. Таким образом Заславский вошел в литературу партии, как законченный тип наемного буржуазного клеветника. Во время гражданской войны он скрывался в Киеве, в качестве журналиста белых изданий. Только в 1923 г. он перешел на сторону советской власти. Сейчас он защищает сталинизм от контр-революционеров Троцкого, Зиновьева и Каменева! Такими субъектами полна пресса Сталина в СССР как и за границей.

Старые кадры большевизма разгромлены. Революционеры заменены чиновниками с гибкой спиной. Марксистская мысль вытеснена страхом,

лестью и интригой. Из ленинского Политбюро остался один Сталин: два члена Политбюро политически сломлены и затравлены (Рыков и Томский); два члена — в тюрьме (Зиновьев и Каменев), один — выслан за границу с лишением гражданства (Процкий). Ленина от репрессий бюрократии, по выражению Крупской, спасла только смерть: не успев посадить его в тюрьму, эпигоны заперли его в мавзолее. Вся ткань правящего слоя переродилась. Якобинцев отнесли термидорианцы и бонапартисты: большевиков заменили сталинцы.

Для широкого слоя консервативных и отнюдь не бескорыстных Мейских, Серебровских и Заславских, больших, средних и малых, Сталин является верховным третейским судьей, даятелем благ и защитником от возможных оппозиций. В соответствии с этим бюрократия доставляет Сталину время от времени санкцию народного плебисцита. Съезды партии, как и съезды советов организуются по одному единственному критерию: за или против Сталина? Против могут быть только „контр-революционеры“ и с ними поступают, как надлежит. Такова нынешняя механика власти. Это бонапартистская механика, другого определения для нее в политическом словаре пока еще найти нельзя.

Различие ролей буржуазного и рабочего государства.

Без исторических аналогий нельзя учиться у истории. Но аналогия должна быть конкретна: за чертами сходства нужно не забывать черт различия. Обе революции покончили с феодализмом и крепостничеством. Но одна, в лице самого крайнего своего фланга, лишь внешне порывалась выйти за пределы буржуазного общества; другая действительно опрокинула буржуазию и создала рабочее государство. Это основное классовое различие, вводящее аналогию в необходимые материальные пределы, имеет решающее значение для прогноза.

После глубокой демократической революции, освобождающей крестьян от крепостного права и наделяющей их землею, феодальная контр-революция вообще невозможна. Низвергнутая монархия может вернуть себе власть и окружить себя призраками средневековья. Но восстановить экономику феодализма она уже не в силах. Буржуазные отношения, раз освободившись от феодальных пут, развиваются автоматически. Остановить их не может уже никакая внешняя сила: они сами должны вырыть себе могилу, создав предварительно своего могильщика.

Совершенно иначе обстоит дело с развитием социалистических отношений. Пролетарская революция не только освобождает производительные силы из пут частной собственности, но и передает их в непосредственное распоряжение порожденному ею же государству. В то время, как буржуазное государство после революции ограничивается полицейской ролью, предоставляя рынок своим собственным законам, рабочее государство выступает в прямой роли хозяина-организатора. Смена одного политического режима другим оказывает на рыночное хозяйство лишь косвенное и поверхностное воздействие. Наоборот, замена рабочего правительства буржуазным или мелко-буржуазным неминуемо повеле бы к ликвидации планового начала, а в дальнейшем и к восстановлению частной собственности. В отличие от капитализма социализм строится не автоматически, а сознательно. Продвижение к социализму неотделимо от государственной власти, которая хочет социализма или вынуждена его хотеть. Получить неизбежный характер социализм может только на очень высокой стадии развития, когда его производительные силы далеко преизойдут капиталистические, когда человеческие потребности всех и каждого будут получать обильное удовлетворение, и когда государство окончательно отомрет, растворившись в обществе. Но все это пока дело отдаленного будущего. На данном этапе развития

социалистическое строительство стоит и падает вместе с рабочим государством. Только до конца продумав глубокое различие законов формирования буржуазного (анархического) и социалистического (планового) хозяйства, можно понять те пределы, дальше которых аналогия с Великой французской революцией не должна заходить.

Октябрь 1917 г. завершил демократическую революцию и открыл социалистическую. Аграрно-демократический переворот в России не повернет назад уже никакая сила в мире: здесь полная аналогия с якобинской революцией, но колхозный переворот еще полностью остается под ударом, а с ним вместе и национализация средств производства. Политическая контр-революция, даже если бы она достигла до династии Романовых, не могла бы восстановить помещичье землевладение. Но достаточно было бы реставрации блока меньшевиков и эсеров у власти, чтоб социалистическое строительство пошло на смарку.

Перерастание бюрократического централизма в бонапартизм

Основное различие двух революций, а следовательно и «соответствующих» им контр-революций чрезвычайно важно для понимания значения тех реакционных политических сдвигов, которые составляют сущность режима Сталина. Крестьянская революция, как и опиравшаяся на нее буржуазия, отлично мирилась с режимом Наполеона и даже устояли под Людовиком XVIII. Пролетарская революция подвергается смертельной опасности уже при нынешнем режиме Сталина: дальнейшего сдвига вперед она не выдержит.

«Большевистская» по своим традициям, но по существу давно отрешившаяся от традиций, мелкобуржуазная по составу и духу советская бюрократия призвана регулировать антагонизм между пролетариатом и крестьянством, между рабочим государством и мировым империализмом: такова социальная основа бюрократического централизма, его выживающих, его силы, его слабости и его столь гибельного влияния на мировое пролетарское движение.¹⁰ Чем независимее становится бюрократия, чем более власть концентрируется в руках одного лица, тем более бюрократический централизм превращается в бонапартизм.

Понятие бонапартизма, как слишком широкое, требует конкретизации. Мы называем в последние годы этим именем те капиталистические правительства, которые, эксплуатируя антагонизм пролетарского и фашистского лагерей и опираясь непосредственно на военно-полицейский аппарат, поднимаются над парламентом и демократией, в качестве спасителей «национального единства». Этот бонапартизм упадка мы всегда строго отличали от молодого, наступательного бонапартизма, который был не только могильщиком политических принципов буржуазной революции, но и охранителем ее социальных завоеваний. Мы называем эти два явления общим именем, так как у них есть общие черты: в старце можно узнать юношу, несмотря на беспощадную работу времени.

Нынешний кремлевский бонапартизм мы сопоставляем, разумеется, с бонапартизмом буржуазного восхождения, а не упадка: с консульством и первой империей, а не с Наполеоном III и, тем более, не со

Шлейхером или Думергом. Для такой аналогии нет надобности приписывать Сталину черты Наполеона. Когда того требуют социальные условия, бонапартизм может сложиться вокруг осей самого различного калибра.

Гораздо важнее, с интересующей нас точки зрения, различие социальной базы двух бонапартизмов, якобинского и советского происхождения. В одном случае дело шло о консолидации буржуазной революции путем ликвидации ее принципов и политических учреждений. В другом случае дело идет о консолидации рабоче-крестьянской революции путем разгрома ее интернациональной программы, ее руководящей партии, ее советов. Развивая политику термидора, Наполеон вел борьбу не только с феодальным миром, но и с «чернью» и с демократическими кругами мелкой и средней буржуазии; он сосредоточивал таким путем выгоды порожденного революцией режима в руках новой буржуазной аристократии. Сталин охраняет завоевания октябрьской революции не только от феодально-буржуазной контрреволюции, но и от притязаний трудящихся, от их нетерпения, от их недоверия; он громит левое крыло, которое выражает исторически законные и прогрессивные тенденции непривилегированных рабочих масс; он создает новую аристократию, при помощи чрезвычайной дифференциации в оплате труда, привилегий, орденов и пр. Опираясь на высший слой новой социальной иерархии против низшего — иногда наоборот — Сталин достиг полного сосредоточения власти в своих руках. Как иначе назвать этот режим, если не советским бонапартизмом?

По самой своей сути бонапартизм не может держаться долго: шар, поставленный на вершину пирамиды должен непременно скатиться в ту или другую сторону. Но именно здесь, как мы уже видели, историческая аналогия упирается в свои пределы. Низвержение Наполеона не прошло, конечно, бесследно для отношений между классами; но в основном социальная пирамида Франции сохранила свой буржуазный характер. Неизбежное крушение сталинского бонапартизма сейчас не поставит под знак вопроса характер СССР, как рабочего государства. Социалистическое хозяйство не может строиться без социалистической власти. Судьба СССР, как социалистического государства, зависит от того политического режима, какой придет на смену сталинскому бонапартизму. Возродить советскую систему может только революционный авангард пролетариата, если ему снова удастся собрать вокруг себя трудящихся города и деревни.

Выводы

Из нашего анализа вытекает ряд выводов, которые мы изложим здесь с краткостью.

1. Термидор Великой российской революции не впереди, а уже давно позади. Термидорианцы могут праздновать, примерно, десятую годовщину своей победы.
2. Нынешний политический режим СССР есть режим «советского» или анти-советского бонапартизма, по тилу своему ближе к империи, чем к консульству.
3. По своим социальным основам и хозяйственным тенденциям СССР продолжает оставаться рабочим государством.
4. Противоречие между политическим режимом бонапартизма и потребностями социалистического развития представляет важнейший источник внутренних кризисов и непосредственную опасность самому существованию СССР, как рабочего государства.
5. В виду все еще очень низкого уровня производительных сил и капиталистического окружения классы и классовые противоречия, то ослабевая, то обостряясь, будут еще существовать в СССР в течение

¹⁰Брандлеровцы, в том числе и вожди S.A.P., теоретически оставшиеся и сегодня учениками Тальгеймера, видели в политике Коминтерна только «ультра-левицу» и отрицали (продолжают отрицать) самое понятие бюрократического централизма. Нынешний «четвертый период», когда Сталин, на крике Коминтерна, твистит европейское рабочее движение вправо от официального реформизма, показывает, как поверхностна и оппортунистична политическая философия Тальгеймера-Вальтера и Ко. Ни одного вопроса эти люди не умеют додумать до конца. Именно поэтому они и относятся с таким отвращением к принципу говорить то, что есть, т.е. к высшему принципу всякого научного анализа и всякой революционной политике.

неопределенно долгого времени, во всяком случае до полной победы пролетариата в важнейших капиталистических нациях мира.

6. Существование пролетарской диктатуры является и в дальнейшем необходимым условием социалистического развития хозяйства и культуры СССР. Бонапартистское вырождение диктатуры представляет поэтому прямую и непосредственную угрозу всем социальным завоеваниям пролетариата.

7. Террористические тенденции в рядах коммунистической молодежи являются одним из наиболее болезненных симптомов того, что бонапартизм исчерпал свои политические возможности и вступил в период самой ожесточенной борьбы за существование.

8. Неизбежное крушение сталинского политического режима лишь в том случае приведет к установлению советской демократии, если устранение бонапартизма явится сознательным актом пролетарского авангарда. Во всех других случаях на смену сталинизму могла бы прийти только фашистско-капиталистическая контрреволюция.

9. Тактика индивидуального террора, под каким бы знаменем она ни проводилась, может в данных условиях лишь сыграть на руку худшим врагам пролетариата.

10. Политическая и моральная ответственность за самое возникновение терроризма в рядах коммунистической молодежи лежит на могильщике партии, Сталине.

11. Главной причиной, ослабляющей пролетарский авангард СССР в борьбе против бонапартизма, являются непрерывные поражения мирового пролетариата.

12. Главной причиной поражений мирового пролетариата является преступная политика Коминтерна, слепое прислужничество сталинского бонапартизма и, в то же время, лучшего союзника и защитника реформистской бюрократии.

13. Первым условием успехов на международной арене является освобождение международного пролетарского авангарда от деморализующего влияния советского бонапартизма, т.е. от наемной бюрократии так называемого Коминтерна.

14. Борьба за спасение СССР, как социалистического государства, полностью совпадает с борьбой за Четвертый Интернационал.

Послесловие

Противники, пожалуй, ухватятся за нашу «самокритику». Итак, воскликнут они, вы меняете позицию по основному вопросу о термидоре: раньше вы говорили лишь об опасности термидора; теперь вы утверждаете неожиданно, что термидор остался уже позади. Так скажут, вероятно, сталинцы и прибавят на всякий случай, что мы переменили позицию, дабы легче вызвать военную интервенцию. В том же духе могут высказаться брандлеровцы и левостонисты, с одной стороны, кое-какие «ультралевые» мудрецы, с другой. Эти люди никогда не были способны указать нам, что было ошибочно в аналогии с термидором; тем громче будут они кричать теперь, когда ошибку вскрыли мы сами.

Место этой ошибки в нашей общей оценке СССР указано выше. Дело идет ни в каком случае не о перемене нашей принципиальной позиции, как она сформулирована в ряде официальных документов, а лишь об ее уточнении. Наша «самокритика» распространяется не на анализ классового характера СССР или причин и условий его перерождения, а лишь на историческое освещение этих процессов путем установления аналогий с известными этапами Великой французской революции. Исправление частной, хотя и важной ошибки, не только не потрясло основную установку большевиков-ленинцев, но, наоборот, позволило точнее и конкретнее обосновать ее при помощи более правильных, более реалистических аналогий. Надо еще прибавить, что

вскрытие ошибки сильно облегчено тем обстоятельством, что самые процессы политического перерождения, о которых идет речь, успели тем временем принять более отчетливые очертания.

Наше течение никогда не претендовало на непогрешимость. Мы не получаем готовых истин в порядке откровения, как невежественные пересовещенники сталинизма. Мы изучаем, спорим, проверяем выводы в свете опыта, открыто исправляем допущенные ошибки, и — идем дальше. Научная добросовестность и строгость к самим себе составляет лучшую традицию марксизма и ленинизма. Мы и в этом отношении хотим быть верны нашим учителям.

1 февраля 1935 г. Л. Троцкий.

Еще к вопросу о бонапартизме¹⁾ Справка из области марксистской терминологии

Некоторые критики обвиняют нас в том, что мы придем термину бонапартизм слишком широкое и разнообразное применение. Критики не замечают, что таково же применение и других политических терминов, как «демократия», «диктатура», не говоря уж о «государстве», «обществе», «правительстве» и пр. Мы говорим об античной демократии (основанной на рабстве), о демократии средневековых цехов, о буржуазной демократии, о пролетарской демократии (в смысле государства), но также о партийной, синдикальной, кооперативной демократии и пр. и пр. Марксизм не может отказаться от таких устойчивых, консервативных понятий и от перенесения их на новые явления: без этого была бы вообще невозможна преемственность человеческой мысли. Но марксизм обязан, для избежания ошибок, каждый раз определять социальное содержание понятий и тенденцию его развития. Напомним, что Маркс и Энгельс называли бонапартистским не только режим Наполеона III, но и режим Бисмарка. 12 апреля 1890 г. Энгельс писал Зорге: «каждое нынешнее правительство *volens volens* становится бонапартистским». Это было более или менее верно в отношении тогдашнего многолетнего периода аграрного кризиса и промышленной депрессии. Новый подъем капитализма со второй половины 90-х годов ослабил бонапартистские тенденции, послевоенный упадок капитализма чрезвычайно усилил их.

Чернов в своей «Великой русской революции» приводит отзывы Ленина и Троцкого о режиме Керенского, как зародыше бонапартизма, и, отвергая это определение, нравоучительно замечает: «бонапартизм совершает свои взлеты на крыльях славы». Этот теоретический «взлет» вполне в духе Чернова. Но Маркс, Энгельс, Ленин определяли бонапартизм не по крыльям, а по специфическому соотношению классов.

Под бонапартизмом мы понимаем такой режим, когда экономически господствующий класс, способный к демократическим методам правления, оказывается вынужден в интересах сохранения своей собственности, терпеть над собой бесконтрольное командование военно-полицейского аппарата, узурпированного «спасителем». Подобное положение создается в периоды особого обострения классовых противоречий: бонапартизм имеет целью удержать их от взрыва. Буржуазное общество не раз проходило через такие периоды, но это были так сказать лишь репетиции. Нынешний упадок капитализма не только окончательно подкапал демократию, но и обнаружил полную недостаточность бонапартизма старого типа: его место занял фашизм. Однако мостом между демократией и фашизмом (в России 1917 г. —

1) «Бюллетень Оппозиции», №43, апрель 1935 г., стр. 14-15.

«мостом» между демократией и большевизмом! оказывается «личный режим», поднимающийся над демократией, лавирующий меж двух лагерей и охраняющий в то же время интересы господствующего класса: достаточно дать это определение, чтоб термин **бонапартизм** оказался полностью обоснован.

Во всяком случае мы констатируем, что: 1) ни один из наших критиков не дал себе труда вскрыть специфический характер предфашистских правительств: в Италии — Джиолитти и Факта; в Германии — Брюнинга, Папена, Шлейхера; в Австрии — Дольфуса; во Франции — Думерга, Фландена; 2) никто до сих пор не предложил другого термина. Что касается нас, то мы в другом термине не видим никакой нужды: термин Маркса, Энгельса, Ленина нас удовлетворяет вполне.

Почему мы настаиваем на этом вопросе? Потому что он имеет колоссальное значение, как теоретическое, так и политическое. Можно сказать: с того момента, как натиск двух враждебных классовых лагерей поднимает ось власти над парламентом, в стране официально открывается предреволюционный (или... предфашистский) период. Бонапартизм характеризует собою, таким образом, последний период, в течение которого пролетарский авангард может взять разбег для завоевания власти. Непонимание сталинцами природы бонапартистского режима приводит к тому, что они ставят диагноз: «революционной ситуации нет», и проходят мимо предреволюционной ситуации.

Дело осложняется, когда мы применяем термин **бонапартизм** к режиму Сталина и говорим о «советском бонапартизме». — «Нет, — восклицают наши критики, — у вас оказывается слишком много «бонапартизмов»: термин подразумевает недопустимо растяжимый характер...» и пр. Такого рода абстрактные, формальные, словесные возражения делаются обыкновенно тогда, когда нечего сказать по существу.

Несомненно, ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не применяли термина **бонапартизм** к рабочему государству; не мудрено: у них не было для этого случая (что Ленин вообще не боялся переносить с необходимыми ограничениями, термины буржуазного режима на рабочее государство, свидетельствует, например, его термин «советский гос-капитализм»). Но что делать в тех случаях, когда хорошие старые книги не дают необходимых указаний? Надо попытаться жить своим умом.

Что означает «личный режим» Сталина и откуда он взялся? Он есть, в последнем счете, продукт острой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. При помощи бюрократически-полицейского аппарата, власть «спасителя» народа и третьей силы судьи бюрократии, как правящего слоя, поднялась над советской демократией, превратив ее в собственную тень. Объективная функция «спасителя» — охранять новые формы собственности, узурпируя политическую функцию господствующего класса. Разве эта точная характеристика сталинского режима не есть в то же время научно-социологическое определение бонапартизма?

Несравненная ценность термина в том и состоит, что он позволяет сразу открыть крайне поучительные исторические сближения и определить их социальные корни. Оказывается: натиск плебейских или пролетарских сил на правящую буржуазию, как и натиск буржуазных и мелкобуржуазных сил на правящий пролетариат могут привести к чрезвычайно аналогичным (симметричным) политическим режимам. Такой неоспоримый факт, осветить который термин **бонапартизм** помогает как нельзя лучше.

Когда Энгельс писал, что «каждое нынешнее правительство *volens* становится бонапартистским», он имел в виду, конечно, лишь тенденцию. В этой области, как и в других, количество переходит в качество. В каждой буржуазной демократии заложены черты бонапартизма. Точно также можно открыть элементы бонапартизма в советском режиме до Сталина. Но искусство научного мышления в том и состоит, чтоб определить, где именно количество переходит в новое

качество. В эпоху Ленина советский бонапартизм был возможностью; в эпоху Сталина он стал действительностью.

Термин **бонапартизм** сбивает неважное мышление (à la Чернов) тем, что вызывает в памяти исторический образ Наполеона, как термин **цезаризм** — образ Юлия Цезаря. На самом деле оба эти термина давно отделились от исторических фигур, которые дали им свое имя. Когда мы говорим **бонапартизм**, без дальнейших определений, мы имеем в виду не историческую аналогию, а социологическое определение. Так термин **шовинизм** имеет столь же общий характер, как и **национализм**, хотя первое слово происходит от французского буржуа Шовена, а второе — от нации.

Однако, в известных случаях, говоря о бонапартизме, мы имеем в виду более конкретное историческое сближение. Так, режим Сталина, представляя собою перевод бонапартизма на язык советского государства, обнаруживает в то же время ряд дополнительных сходств с режимом консульства (империя, но еще без короны), и не случайно: оба они выступают, как наследники и узурпаторы великих революций.

Мы видим, что правильное, т.е. диалектическое применение термина **бонапартизм** не только не ведет к шаблонизированию, к этой язве мысли, а наоборот, позволяет характеризовать интересующее нас явление со всей необходимой конкретностью, притом не изолированно взятое, как «уникум», а в исторической связи со многими другими родственными явлениями. Чего же большего можно требовать от научного термина?

А. Троцкий.

Нерабочее и небуржуазное государство?¹²

Политическая форма и социальное содержание

Товарищи Б. и К. снова поставили под знак вопроса классовый характер советского государства. Ответ, который они предлагают, по моему мнению, совершенно неправилен. Но так как названные товарищи не пытаются, подобно некоторым ультра-левым, заменить научный анализ произвольным взглядом, то с ними можно и должно снова обсудить этот исключительно важный вопрос.

Б. и К. не забывают, что главное отличие СССР от современного буржуазного государства в мощном развитии производительных сил. Они признают далее, что «экономическая структура, как она была установлена Октябрьской революцией, остается еще в основном неизменной». Они делают из этого тот вывод, что обязанностью советского и мирового пролетариата является защита СССР от империализма. В этих рамках у нас с Б. и К. — полное согласие. Но как ни важны эти рамки, они не охватывают вопроса в целом. Не солидаризуясь с ультра-левыми, Б. и К. считают, однако, что СССР перестал быть рабочим государством «в традиционном (?) смысле, данном этому термину марксизмом». А так как «экономическая структура остается еще в основном неизменной», то СССР не стал и буржуазным государством. Б. и К. отказываются в то же время — и с этим их можно только поздравить — считать бюрократию самостоятельным классом. В результате этих несогласованных положений получается, как и у сталинцев, что советское государство вообще не является организацией классового господства. Чем же оно является, в таком случае?

Перед нами, таким образом, новая попытка ревизии классовой теории государства. Мы, разумеется, не фетишисты: если новые исторические факты потребуют ревизии теории мы перед этим не

остановимся. Но плачевный опыт старых резий должен, во всяком случае, внушать нам спасительную осторожность. Мы десять раз обдумываем старую теорию и новые факты, прежде чем строить новую доктрину.

Б. и К. сами отмечают мимоходом, что, в зависимости от объективных и субъективных условий, господство пролетариата „способно находить свое выражение в значительном числе различных правительственных форм“. Прибавим для ясности: и через свободную борьбу разных партий внутри советов, и через монополию одной партии, даже через фактическое сосредоточение власти в руках одного лица. Разумеется, личная диктатура является симптомом крайней опасности для режима. Но в то же время она оказывается иногда единственным средством спасти этот режим. Классовая природа государства определяется, следовательно, не его политическими формами, а социальным содержанием, т.е. характером тех форм собственности и отношений производства, которые данное государство охраняет и защищает. Б. и К. в принципе не отрицают этого. Если они отказываются, тем не менее, видеть в СССР рабочее государство, то по двум причинам, из которых одна имеет экономический, другая — политический характер. „В течение последнего года — пишут они — бюрократия окончательно вступила на путь разрушения планового и национализованного хозяйства“. (Только еще „вступила на путь?“). Дальше мы слышим, что ход развития „приводит бюрократию во все возрастающее и углубляющееся столкновение с потребностями и интересами национального хозяйства“. (Только еще „приводит?“). Противоречие между бюрократией и хозяйством наблюдалось и раньше, но за последний год „действия бюрократии активно саботируют план и разрушают государственную монополию“. (Только „разрушают?“). Следовательно еще не разрушили?!

Второй вывод, как сказано, имеет политический характер. „Понятие диктатуры пролетариата не является, прежде всего, экономической, но преимущественно политической категорией... Все формы, органы, учреждения классового господства пролетариата ныне разрушены, а это означает, что классовое господство пролетариата разрушено“. Этот второй довод, взятый изолированно, кажется неожиданным после того, что мы слышали о „различных формах“ пролетарского режима. Разумеется, диктатура пролетариата есть не только „преимущественно“, но полностью и целиком „политическая категория“. Однако, сама политика есть лишь концентрированная экономика. Господство социал-демократии в государстве и в советах [Германия 1918-1919 г.г.] не имело ничего общего с диктатурой пролетариата, поскольку оставляло неприкосновенной буржуазную собственность. Наоборот, режим, который охраняет экспроприированную и национализованную собственность от империализма, есть, независимо от политических форм, диктатура пролетариата.

Б. и К. „в общем“ как бы признают это. Поэтому они и прибегают к сочетанию экономического довода с политическим. Бюрократия, говорят они, не только окончательно лишила пролетариат политической власти, но и загнала хозяйство в тупик. Если в предшествующий период бюрократия, при всех своих реакционных чертах, играла относительно прогрессивную роль, то за последний период она окончательно превратилась в реакционный фактор. В этом рассуждении заключено здоровое ядро, которое находится в полном соответствии со всеми прежними оценками и прогнозами Четвертого Интернационала. Мы не раз напоминали о том, как „просвещенный абсолютизм“ играл прогрессивную роль в развитии буржуазии, чтобы затем превратиться в тормоз этого развития; конфликт закончился, как известно, революцией. В подготовке социалистического хозяйства, писали мы, „просвещенный абсолютизм“ может играть прогрессивную роль в течение неизмеримо более короткого времени. Этот прогноз явно подтверждается на наших

глазах. Обманутая собственными успехами, бюрократия рассчитывала достигнуть все больших и больших коэффициентов хозяйственного роста. Между тем она наскочила на острый кризис хозяйства, который явился одним из источников ее нынешней паники и бешеных репрессий. Значит ли это, что развитие производительных сил в СССР уже приостановилось? Мы не решились бы на такое утверждение. Творческие возможности национализованного хозяйства так велики, что производительные силы, несмотря на бюрократический тормоз, способны еще развиваться в течение ряда лет, хотя бы и в гораздо более умеренной прогрессии, чем до сих пор. Сделать на этот счет уже ныне точное предсказание вряд ли возможно. Во всяком случае тот политический кризис, который раздирает бюрократию, гораздо опаснее для нее сегодня, чем перспектива приостановки развития производительных сил. Для упрощения вопроса мы можем, однако, допустить, что бюрократия уже ныне стала абсолютным тормозом экономического развития. Означает ли, однако, сам по себе этот факт, что классовая природа СССР изменилась, или же, что СССР лишился какой бы то ни было классовой природы? Здесь, мне кажется, главная ошибка наших товарищей.

Буржуазное общество развивало производительные силы до мировой войны. Только за последнюю четверть столетия буржуазия стала абсолютным тормозом развития. Значит ли это, однако, что буржуазное общество перестало быть буржуазным? Нет, это значит лишь, что оно стало загнивающим буржуазным обществом. В ряде стран сохранение буржуазной собственности оказалось возможным лишь посредством установления фашистского режима. Другими словами: буржуазия лишилась всех форм и способов непосредственного политического господства. Значит ли это, однако, что государство перестало быть буржуазным? Нет, поскольку фашизм ограждает своими варварскими методами частную собственность на средства производства, постольку государство и при фашизме остается буржуазным.

Мы вовсе не собираемся придавать нашей аналогии исчерпывающее значение. Но она все же показывает, что концентрация власти в руках бюрократии и даже задержка развития производительных сил сами по себе еще не меняют классовой природы общества и его государства. Изменить эту природу может только вмешательство революционного или контр-революционного насилия в отношения собственности.

Но разве история не знает случаев классовой противоположности между государством и хозяйством? Знает! Когда третье сословие овладело властью, общество еще в течение нескольких лет оставалось феодальным. В течении первых месяцев советского режима пролетариат господствовал над буржуазной экономикой. В области сельского хозяйства диктатура пролетариата опиралась в течение ряда лет на мелкобуржуазную экономику (в значительной мере опирается и сейчас). В случае успеха буржуазной контр-революции в СССР, новому правительству пришлось бы, в течение длительного периода, опираться на национализованное хозяйство. Но, что означает такого рода временное противоречие между государством и хозяйством? Оно означает революцию или контр-революцию. Победа одного класса над другим и одерживается ведь для того, чтобы перестроить хозяйство в интересах победителя. Но такое состояние раздвоения, являющееся необходимым моментом всякого социального переворота, не имеет ничего общего с теорией бесклассового государства, которое, за отсутствием настоящего хозяина, эксплуатируется приказчиком, т.е. бюрократией.

Норма и факт

То, что многим товарищам затрудняет правильную социологическую оценку СССР, это подмена объективного, диалектического подхода к

вопросу субъективному и нормативному. Недаром Б. и К. говорят, что Советский Союз нельзя считать рабочим государством «в традиционном смысле, приданном этому термину марксизмом». Это значит, попросту, что СССР не отвечает тем нормам рабочего государства, какие выдвинуты в нашей программе. На этот счет спора быть не может. Наша программа рассчитана на прогрессивное развитие рабочего государства и тем самым — на его постепенное исчезновение. История же, которая не всегда действует «по программе», преподнесла нам процесс вырождения рабочего государства. Значит ли это, однако, что рабочее государство, которое пришло в противоречие с требованиями нашей программы, перестало, тем самым, быть рабочим государством? Печень, отравленная малярией, не отвечает нормальному типу печени. Но от этого она не перестает быть печенью. Для понимания ее природы уже недостаточно анатомии и физиологии. Нужна еще патология. Гораздо легче, конечно, при виде больной печени сказать: «этот предмет мне не нравится», и повернуться к ней спиной. Однако, врач не может позволить себе такой роскоши. Он должен в условиях самой болезни и вызванной ею деформации органа открыть способы терапевтического лечения («реформы») или хирургического вмешательства («революция»). А для этого он должен прежде всего ясно понять, что изуродованный орган — это печень, а не что-нибудь другое.

Возьмем, однако, более близкое сравнение: между рабочим государством и профессиональным союзом. С точки зрения нашей программы, профессиональный союз должен быть организацией классовой борьбы. Как быть, однако, с Американской Федерацией Труда? Во главе ее стоят заведомые агенты буржуазии. По всем существенным вопросам г-л. Грин, Волл и Компания проводят политику, прямо противоположную интересам пролетариата. Можно продолжить аналогию и сказать, что, если до возникновения С.И.О., А.Ф.Т. выполняла еще до некоторой степени прогрессивную работу, то теперь, когда главное содержание деятельности А.Ф.Т. состоит в борьбе против прогрессивных (или менее реакционных) тенденций С.И.О., аппарат Грина окончательно стал реакционным фактором. Это будет совершенно правильно. Но от этого А.Ф.Т. не перестает быть организацией профессиональных союзов.

Классовый характер государства определяется его отношением к формам собственности на средства производства. Характер рабочей организации, как профессионального союза, определяется ее отношением к распределению национального дохода. То обстоятельство, что Грин и Компания защищают частную собственность на средства производства, характеризует их, как буржуа. Если бы эти господа защищали сверх того доходы буржуазии от всяких покушений со стороны рабочих, т.е. вели борьбу против помощи безработным, то мы имели бы организацию скэбов, а не профессиональный союз. Между тем, Грин и Компания, чтоб не оторваться от своей базы, вынуждены, в известных пределах, руководить борьбой рабочих за увеличение их доли или, по крайней мере, против уменьшения их доли в национальном доходе. Этого объективного признака достаточно, чтоб мы во всех важных случаях могли провести разграничительную черту между самым реакционным союзом и организацией скэбов. Мы обязаны, тем самым, не только вести работу в А.Ф.Т., но и защищать ее от скэбов, Ку-Клукс-Клана и прочее.

Функция Сталина, как и функция Грина, имеет двойственный характер. Сталин служит бюрократии и тем самым мировой буржуазии; но он не может служить бюрократии, не охраняя того социального фундамента, который бюрократия эксплуатирует в своих интересах. Постольку Сталин защищает национализированную собственность от империализма и от слишком нетерпеливых и жадных слоев самой бюрократии. Эту защиту он осуществляет, однако, такими методами, которые подготавливают общее крушение советского общества. Именно поэтому

Сталинскую клику надо свергнуть. Но свергнуть ее должен революционный пролетариат. Передоверять эту работу империалистам он не может. Против империализма пролетариат защищает СССР, несмотря на Сталина.

Историческое развитие приучило нас к самым различным профессиональным союзам: боевым, реформистским, революционным, реакционным, либеральным и католическим. Иначе обстоит дело с рабочим государством. Такой опыт мы видим в первый раз. Отсюда склонность подходить к СССР исключительно под углом зрения норм революционной программы. Между тем рабочее государство есть объективный исторический факт, который подвергается воздействию различных исторических сил и может, как видим, прийти в полное противоречие с «традиционными» нормами.

Товарищи Б. и К. совершенно правильно говорят, что Сталин и Компания служат своей политикой международной буржуазии. Но эту правильную мысль нужно ввести в определенные условия времени и места. Гитлер тоже служит буржуазии. Однако, между функциями Сталина и Гитлера есть разница. Гитлер защищает буржуазные формы собственности. Сталин приспосабливает интересы бюрократии к пролетарским формам собственности. Тот же Сталин в Испании, т.е. на почве буржуазного режима, выполняет функцию Гитлера (по политическим методам они вообще мало отличаются друг от друга). Сопоставление различных социальных ролей одного и того же Сталина в СССР и в Испании одинаково хорошо показывает и то, что бюрократия является не самостоятельным классом, а орудием классов; и то, что нельзя социальную природу государства определять добродетелью или подлостью бюрократии.

Буржуазная бюрократия рабочего государства?

Утверждение, что бюрократия рабочего государства имеет буржуазный характер, должно показаться не только непонятным, но и прямо бессмысленным людям формального склада мысли. Однако, химически-чистых типов государства не существовало и не существует вообще. Полу-феодалная прусская монархия выполняла важнейшие политические задачи буржуазии, но выполняла их по своему, т.е. в феодальном, а не в яковинском стиле. В Японии мы наблюдаем и сегодня еще аналогичное соотношение между буржуазным характером государства и полу-феодалным характером правящей касты. Все это не мешает тому, что мы достаточно хорошо различаем между феодальным и буржуазным обществом. Можно возразить, правда, что сотрудничество феодальных и буржуазных сил осуществимо неизмеримо легче, чем сотрудничество буржуазных и пролетарских сил, ибо в первом случае дело идет о двух формах классовой эксплуатации. Это совершенно верно. Но рабочее государство не создает в один день нового общества. Маркс писал, что в рабочем государстве сохраняются еще в первый период буржуазные нормы распределения. [См. об этом «Преданная Революция», глава «Социализм и государство»]. Надо хорошо и до конца продумать эту мысль. Само рабочее государство, как государство, нужно именно потому, что еще остаются в силе буржуазные нормы распределения. Бюрократия является органом этого распределения. Это значит: даже самая революционная бюрократия является в известной степени, буржуазным органом в рабочем государстве. Разумеется, решающее значение имеют: степень этой буржуазности и общая тенденция развития. Если рабочее государство разбюрократизируется и постепенно сходит на нет, значит развитие идет в сторону социализма. Наоборот, если бюрократия становится все более могущественной, властной, привилегированной и консервативной, значит в рабочем государстве буржуазные тенденции растут за счет социалистических; другими словами, то внутреннее противоречие, которое

в известной степени заложено в рабочем государстве с первых дней его возникновения, не уменьшается, как требует „норма“, в возрастает. До тех пор, однако, пока это противоречие не перешло из области распределения в область производства и не взорвало национализированной собственности и планового хозяйства, государство остается рабочим.

Ленин говорил еще 15 лет тому назад: „Наше государство рабочее, но с бюрократическим извращением“. Бюрократическое извращение представляло в тот период прямое наследие буржуазного режима и, в этом смысле, казалось простым пережитком. Под влиянием неблагоприятных исторических условий бюрократический „пережиток“ получил, однако, новые источники питания и стал огромным историческим фактором. Именно поэтому мы говорим ныне о перерождении рабочего государства. Это перерождение, как показывает нынешняя вакханалия бонапартистского террора, приближалось к критическому пункту. То, что было лишь „бюрократическим извращением“, готовится ныне пожрать рабочее государство без остатка и на развалинах национализированной собственности выделить новый имущий класс. Такая возможность чрезвычайно приближалась. Но это все же только возможность, и мы не собираемся заранее склоняться перед ней.

За диалектику!

СССР, как рабочее государство, не отвечает „традиционной“ норме. Это еще не значит, что оно — не рабочее государство. Но это не значит также, что норма оказалась ложной. „Норма“ рассчитана на полную победу международной пролетарской революции. СССР есть только частичное и изуродованное выражение рабочего государства, отсталого и изолированного.

„Чисто“ нормативное, идеалистическое, ультиматистское мышление хочет строить мир по своему образу и просто отворачиваться от явлений, которые ему не нравятся. Голыми идеальными нормами руководствуются сектанты, т.е. люди, которые являются революционерами только в собственном воображении. Они говорят: эти профессиональные союзы нам не нравятся, мы в них не входим; это рабочее государство нам не нравится, мы его не защищаем. Они каждый раз обещают начать историю сначала. Они, видите ли, построят идеальное рабочее государство, когда господь бог даст им в руки идеальную партию и идеальные профессиональные союзы. А до того счастливого момента, они как можно больше надуют губы против действительности. Сильно надутые губы и есть высшее выражение сектантской „революционности“.

„Чисто историческое“ мышление, реформистское, меньшевистское, пассивное, консервативное, занимается тем, что оправдывает, по выражению Маркса, сегодняшнее свинство вчерашним свинством. Представители этого типа ходят в массовые организации, чтобы растрепаться в них. Презренные „друзья“ СССР приспосабливаются к подлостям бюрократии, ссылаясь на исторические условия.

В противоположность этим обоим типам диалектическое мышление — марксистское, большевистское — берет явления и их объективное развитие, и в то же время находит во внутренних противоречиях этого развития опору для осуществления своих „норм“. Нельзя, разумеется, забывать при этом, что программные нормы только в том случае могут рассчитывать на осуществление, если являются обобщенным выражением прогрессивных тенденций самого объективного процесса.

Программное определение профессионального союза будет звучать приблизительно так: организация рабочих одной профессии или индустрии с целью 1) борьбы против капитала за улучшение положения трудящихся; 2) участия в революционной борьбе за низвержение

буржуазии; 3) участия в организации хозяйства на социалистических началах. Если мы это „нормативное“ определение сопоставим с реальной действительностью, то мы окажемся вынуждены сказать: на свете не существует ни одного профессионального союза. Но такое противопоставление нормы и факта, т.е. обобщенного выражения развития и частного проявления того же развития, — такое формальное, ультиматистское, недиалектическое противопоставление программы и действительности совершенно безжизненно и не открывает никаких путей для вмешательства революционной партии. Между тем, нынешние оппортунистические профессиональные союзы под влиянием капиталистического распада могут, а при условии нашей правильной политики внутри союза, должны приблизиться к нашим программным нормам и сыграть прогрессивную историческую роль. Это предполагает, разумеется, полную смену руководства. Нужно, чтобы рабочие Соединенных Штатов, Англии, Франции сумели прогнать Грина, Ситрина, Жуо и Компанию. Нужно, чтобы рабочие СССР сумели прогнать Сталина и Компанию. Если пролетариат одновременно прогонит советскую бюрократию, то он застанет еще после своей победы национализированные средства производства и основные элементы планового хозяйства. Это значит, что ему не придется начинать сначала. Огромная выгода! Легкомысленно пренебрегать такой возможностью могут только радикальные шегали, привыкшие беззаботно прыгать с ветки на ветку. Социалистическая революция — слишком грандиозная и трудная задача, чтоб можно было с легкой душой махнуть рукой на ее неоценимые материальные достижения и начинать все сначала.

Очень хорошо, что т.т. Б. и К., в отличие от нашего французского товарища К. и ряда других, не забывают о факторе производительных сил и не отказывают Советскому Союзу в защите. Но это все же совершенно недостаточно. А что, если преступное руководство бюрократии приостановит рост хозяйства? Неужели же т.т. Б. и К. пассивно предоставят в этом случае империализму разрушать социальные основы СССР? Мы уверены, что нет. Однако, их немарксистское определение СССР, как не-рабочего и не-буржуазного государства, открывает двери для всяких выводов. Вот почему это определение должно быть категорически отвергнуто.

Господствующий и вместе угнетенный класс

„Как может наша политическая совесть не возмущаться, — говорят ультра-левые, — когда нас хотят заставить поверить будто в СССР, при режиме Сталина, „господствующим“ классом является пролетариат...?“. В такой абстрактной форме это утверждение действительно способно „возмутить“. Но дело в том, что абстрактные категории, необходимые в процессе анализа, совершенно не годятся для синтеза, который требует как можно более полной конкретности. Пролетариат СССР является господствующим классом в отсталой стране, где не хватает еще самых необходимых жизненных благ. Пролетариат СССР господствует в стране, составляющей лишь 1/12 часть человечества; над остальными 11/12 господствует империализм. Господство пролетариата, изуродованное уже отсталостью и бедностью страны, уродуется вдвойне и втройне давлением мирового империализма. Орган господства пролетариата — государство — становится органом давления империализма (дипломатия, армия, внешняя торговля, идеи и нравы). В историческом масштабе борьба за господство идет не между пролетариатом и бюрократией, а между пролетариатом и мировой буржуазией. Бюрократия только передаточный механизм этой борьбы. Борьба не закончена. Несмотря на все усилия московской клики доказать свою консервативную надежность контр-революционная политика Сталина в Испании, мировой империализм не доверяет Сталину, не жалеет для него унижительных щелчков и готов, при первом благоприятном случае свергнуть его. 103

Гитлер, — и в этом его сила, — только более последовательно и откровенно выражает отношение мировой буржуазии к советской бюрократии. Буржуазии, фашистской, как и демократической, мало отдельных контр-революционных подвигов Сталина, ей нужна законченная контр-революция в отношении собственности и открытие русского рынка. Пока этого нет, она считает советское государство враждебным ей. И она права.

Внутренний режим в колониальных и полу-колониальных странах имеет преимущественно буржуазный характер. Но давление иностранного империализма настолько изменяет и искажает экономическую и политическую структуру этих стран, что национальная буржуазия (даже в политически независимых странах Южной Америки) лишь отчасти достигает положения господствующего класса. Давление империализма на остальные страны не меняет, правда, их основного социального характера, ибо субъект и объект давления представляют лишь разные уровни развития одного и того же буржуазного общества. Тем не менее разница между Англией и Индией, Японией и Китаем, Соединенными Штатами и Мексикой так велика, что мы строго различаем между угнетающими и угнетаемыми буржуазными странами и считаем своим долгом поддерживать вторые против первых. Буржуазия колониальных и полу-колониальных стран является полу-господствующим полу-угнетенным классом.

Давление империализма на Советский Союз имеет задачей изменить самую природу советского общества. Борьба — сегодня мирная, завтра военная — идет из-за форм собственности. В качестве передаточного механизма этой борьбы, бюрократия опирается то на пролетариат против империализма, то на империализм против пролетариата, чтоб увеличить свою собственную власть. В то же время она нещадно эксплуатирует свою роль распределителя скудных жизненных благ для обеспечения своего благополучия и могущества. Тем самым господство пролетариата принимает урезанный, согнутый, исковерканный характер. Можно с полным основанием сказать, что пролетариат, господствующий в одной, отсталой и изолированной стране, все еще остается угнетенным классом. Источником угнетения является мировой империализм; передаточным механизмом угнетения — бюрократия. Если в этих словах: „господствующий и в то же время угнетенный класс“, есть противоречие, то оно вытекает не из ошибок мысли, а из противоречия в самом положении СССР. Именно поэтому мы и отрицаем теорию социализма в отдельной стране.

Признание СССР рабочим государством — не типом, а искажением типа — вовсе не означает теоретической или политической амнистии по отношению к советской бюрократии. Наоборот, ее реакционный характер полностью раскрывается в свете противоречия между ее антипролетарской политикой и потребностями рабочего государства. Только при такой постановке вопроса наше разоблачение преступлений сталинской клики приобретает движущую силу. Защита СССР включает в себя не только беззаветную борьбу против империализма, но и подготовку низвержения бонапартистской бюрократии. Опыт СССР показывает, как велики возможности, заложенные в рабочем государстве, и как велика его сила сопротивления. Но этот же опыт показывает, как могущественно давление капитала и его бюрократической агентуры, как трудно пролетариату добиться полного освобождения, и как важно воспитывать и закалять новый Интернационал в духе непримиримой революционной борьбы.

Л. Троцкий. Койован, 25 ноября 1937 г.

1939 год: Германия вторгается в Польшу

СССР в войне

Германо-советский пакт и характер СССР.¹³

Возможно ли после заключения германо-советского пакта признавать СССР рабочим государством? Природа советского государства снова и снова вызывает в нашей среде дискуссии. Не мудрено: мы имеем первый в истории опыт рабочего государства. Нигде и никогда этот феномен не был изучен. В вопросе о социальном характере СССР ошибки обычно вытекают, как мы уже писали, из подмены исторического факта программной нормой. Конкретный факт разошелся с нормой. Это не значит, однако, что он опрокинул норму; наоборот, с другого конца он подтвердил ее. Врождение первого рабочего государства, которое мы установили и объяснили, только ярче показывает, каким должно быть рабочее государство, и каким оно может быть и будет при известных исторических условиях. Противоречие между конкретным фактом и нормой заставляет нас не отказаться от нормы, а наоборот бороться за нее революционным путем. Программа предстоящей в СССР революции определяется с одной стороны нашей оценкой СССР, как объективного исторического факта, с другой стороны, нормой рабочего государства. Мы не говорим: все пропало, надо начинать сначала. Мы ясно указываем те элементы рабочего государства, которые могут на данной стадии быть спасены, сохранены и развиты.

Кто пытается ныне доказать, что советско-германский пакт меняет нашу оценку советского государства, тот в сущности становится на позицию Коминтерна — вернее на вчерашнюю позицию Коминтерна. Исторической миссией рабочего государства оказывается, согласно этой логике, борьба за империалистскую демократию. „Измена“ демократиям в пользу фашизма лишает СССР звания рабочего государства. На самом деле подписание договора с Гитлером только

лишний раз измеряет степень разложения советской бюрократии, и ее презрения к международному рабочему классу, включая и Коминтерн, но не дает никакого основания пересматривать социологическую оценку СССР.

Политические или терминологические разногласия?

Начнем с того, что поставим вопрос о природе советского государства не в абстрактно-социологической плоскости, а в плоскости конкретно-политических задач. Признаем для начала, что бюрократия есть новый «класс», и что нынешний режим СССР есть особая система классовой эксплуатации. Какие новые политические выводы вытекают для нас из этих определений? Четвертый Интернационал давно признал необходимость низвержения бюрократии революционным восстанием трудящихся. Ничего другого не предлагают и не могут предложить те, которые объявляют бюрократию эксплуататорским «классом». Целью низвержения бюрократии является восстановление власти советов, с изгнанием из них нынешней бюрократии. Ничего другого не могут предложить и не предлагают левые критики.¹⁴ Задачей возрожденных советов является содействие международной революции и построение социалистического общества. Низвержение бюрократии предполагает, следовательно, сохранение государственной собственности и планового хозяйства. Здесь ядро всей проблемы.

Разумеется, распределение производительных сил между разными отраслями хозяйства и все вообще содержание плана резко изменится, когда план будет определяться интересами не бюрократии, а самих производителей. Но так как дело идет все же о низвержении паразитической олигархии при сохранении национализированной (государственной) собственности, то мы назвали будущую революцию политической. Некоторые из наших критиков (Шилига, Бруно и пр.) во что бы то ни стало хотят назвать будущую революцию социальной. Примем это определение. Что оно меняет по существу? К тем задачам революции, которые мы перечислили, оно ничего решительно не прибавляет.

Наши критики, по общему правилу, берут факты такими, какими мы их давно установили. Они решительно ничего не прибавили по существу к оценке положения бюрократии в советском обществе, взаимоотношений между ней и трудящимися, или роли Кремля на международной арене. Во всех этих областях они не только не оспаривают наш анализ, наоборот, целиком опираются на него, и даже полностью ограничиваются им. Они обвиняют нас лишь в том, что мы не делаем необходимых «выводов». При рассмотрении оказывается, однако, что эти выводы имеют чисто терминологический характер. Наши критики отказываются называть вырождающееся рабочее государство — рабочим государством. Они требуют назвать тоталитарную бюрократию правящим классом. Революцию против этой бюрократии они предлагают считать не политической, а социальной. Если бы мы сделали им эти терминологические уступки, мы поставили бы наших критиков в крайне затруднительное положение, так как они сами не знали бы, что им делать со своей чисто словесной победой.

Проверим себя еще раз.

Было бы, поэтому, чудовищной бессмыслицей раскалываться с товарищами, которые по вопросу о социологической природе СССР держатся другого мнения, поскольку в отношении политических задач

они солидарны с нами. Но было бы, с другой стороны, слепотой игнорировать чисто теоретические, даже терминологические разногласия, ибо в дальнейшем развитии они могут наполниться плотью и кровью и привести к совершенно различным политическим выводам. Как опятная хозяйка не допускает накапливаться паузине и мусору, так революционная партия не может терпеть неясности, путаницы, двусмысленности. Надо держать свой дом в чистоте!

Напомним, для иллюстрации мысли, вопрос о термидоре. Долго мы утверждали, что термидор в СССР только готовится, но еще не совершился. Затем, придая аналогии с термидором более точный и продуманный характер, мы пришли к выводу, что термидор уже остался позади. Это открытое исправление нашей собственной ошибки не вызвало в наших рядах ни малейшего замешательства. Почему? Потому, что существо процессов в Советском Союзе мы все оценивали одинаково, следя совместно за нарастанием реакции изо дня в день. Дело шло для нас лишь об уточнении исторической аналогии, не более. Я надеюсь, что и сейчас, несмотря на попытку некоторых товарищей нагнать разногласия в вопросе о защите СССР, — об этом речь впереди, — нам удастся путем простого уточнения наших собственных идей, сохранить единодушие на почве программы Четвертого Интернационала.

Опухоль или новый орган?

Наши критики не раз ссылались на то, что нынешняя советская бюрократия очень мало похожа на рабочую или на буржуазную бюрократию в капиталистическом обществе; что она, еще в большей мере, чем фашистская бюрократия, представляет собою новое, крайне могущественное социальное образование. Это совершенно верно, и мы никогда не закрывали на это глаз. Но если признать советскую бюрократию «классом», то придется сейчас же сказать, что этот класс совершенно не похож на все те имущие классы, которые мы знали в прошлом: выгода, следовательно, не велика. Мы называем нередко советскую бюрократию кастой, подчеркивая этим замкнутость, произвол и высокомерие правящего слоя, который считает, что он один ведет свое происхождение из божественных уст Брахмы, тогда как народные массы происходят из гораздо более низменных частей его тела. Но и это определение не имеет, конечно, строго научного характера. Его относительное преимущество состоит в том, что переносный характер названия ясен всем, так что никому не придет в голову отождествлять московскую олигархию с индийской кастой брахманов. Старая социологическая терминология не подготовила и не могла подготовить названия для нового социального явления, находящегося в процессе развития (перерождения) и не принявшего устойчивых форм. Все мы, однако, продолжем называть советскую бюрократию бюкратией, не забывая при этом ее исторических особенностей. Пока этого, на наш взгляд, достаточно.

Научно и политически, — а не чисто терминологически — вопрос стоит так: представляет ли бюрократия временный напорст на социальном организме или же этот напорст превратился уже в исторически-необходимый орган? Социальное уродство может быть результатом «случайного» (т. е. временного и исключительного) сочетания исторических обстоятельств. Социальный орган (а таким является каждый класс, в том числе и эксплуататорский) может сложиться лишь в результате глубоких внутренних потребностей самого производства. Если мы не ответим себе на этот вопрос, то весь спор превратится в бесплодную игру словами.

¹⁴Напомним, что некоторые из товарищей, склонных считать бюрократию новым классом, восставали в то же время против исключения бюрократии из советов.

Раннее загнивание бюрократии.

Историческое оправдание всякого господствующего класса состояло в том, что им возглавляемая система эксплуатации поднимала на новую ступень развитие производительных сил. Несомненно, что советский режим дал могущественный толчок хозяйству. Но источником этого толчка явились национализация средств производства и плановое начало, а вовсе не тот факт, что бюрократия узурпировала командование хозяйством. Наоборот, бюрократизм, как система, стал худшим тормозом технического и культурного развития страны. Этот факт маскировался до известного времени тем, что советское хозяйство занималось в течение двух десятилетий перенесением и усвоением техники и организации производства передовых капиталистических стран. Период заимствований и подражаний так или иначе ужился еще с бюрократическим автоматизмом, т.е. удумением инициативы и творчества. Но чем выше поднималось хозяйство, тем сложнее становились его требования, тем более невыносимым препятствием становился бюрократический режим. Постоянно обостряющееся противоречие между ними приводит к непрерывным политическим конвульсиям, к систематическому истреблению наиболее выдающихся творческих элементов во всех областях деятельности. Таким образом, прежде чем бюрократия могла успеть выделить из себя господствующий класс, она пришла в непримиримое противоречие с потребностями развития. Объясняется это именно тем, что бюрократия является не носителем новой, ей свойственной, без нее невозможной системы хозяйства, а паразитическим наростом на рабочем государстве.

Условия могущества и падения бюрократии.

Советская олигархия имеет все пороки старых господствующих классов, но не имеет их исторической миссии. В бюрократическом перерождении советского государства находят свое выражение не общие законы современного общества от капитализма к социализму, а особое, исключительное и временное преломление этих законов в условиях отсталости революционной страны и капиталистического окружения. Недостаток предметов потребления и всеобщая борьба за обладание ими порождают жандарма, который берет на себя функции распределения. Враждебное давление извне возлагает на жандарма роль «защитника» страны, придает ему национальный авторитет и позволяет ему грабить страну всласто.

Оба условия могущества бюрократии — отсталость страны и империалистское окружение — имеют, однако, временный, переходный характер и должны исчезнуть с победой интернациональной революции. Даже буржуазные экономисты подсчитали, что, при плановом хозяйстве, можно было бы быстро поднять национальный доход Соединенных Штатов до двухсот миллиардов долларов в год и таким образом обеспечить всему населению не только удовлетворение основных потребностей, но и настоящий комфорт. С другой стороны, международная революция покончила бы с опасностью извне, как дополнительной причиной бюрократизации. Устранение необходимости расходовать огромную долю национального дохода на вооружение подняло бы еще выше жизненный и культурный уровень масс. При этих условиях сама собою отпала бы надобность в жандарме-распределителе. Государственную власть очень скоро заменила бы администрация гигантского кооператива. Для нового господствующего класса и для нового эксплуататорского режима, расположенного между капитализмом и социализмом, не оказалось бы места.

А если социалистическая революция не совершится?

Распад капитализма достиг крайних пределов, как и распад старого господствующего класса. Дальше эта система существовать не может. Производительные силы должны быть организованы в плановом порядке. Но кто выполнит эту работу: пролетариат или новый господствующий класс «комиссаров»: политиков, администраторов и техников? Исторический опыт свидетельствует, по мнению некоторых резонеров, что на пролетариат надеяться нельзя. Он оказался «неспособен» предупредить прошлую империалистскую войну, хотя материальные предпосылки для социалистической революции были уже тогда налицо. Успехи фашизма после войны явились опять-таки результатом «неспособности» пролетариата вывести капиталистическое общество из тупика. Бюрократизация советского государства явилась в свою очередь, результатом «неспособности» пролетариата самому регулировать общество демократическим путем. Испанская революция оказалась задрана фашистской и сталинской бюрократиями на глазах мирового пролетариата. Наконец, последним звеном этой цепи является новая империалистская война, подготовка к которой шла совершенно открыто, при полном бессилии мирового пролетариата. Если принять эту концепцию, т.е. признать, что пролетариат не в силах совершить социалистическую революцию, то неотложная задача огосударствления производительных сил будет, очевидно, выполнена кем-то другим. Кем именно? Новой бюрократией, которая заменит сгнившую буржуазию, и качестве нового господствующего класса, в мировом масштабе. Так начинают ставить вопрос те «лезые», которые не удовлетворяются спорами о словах.

Нынешняя война и судьба современного общества.

Самым ходом вещей вопрос сейчас ставится очень конкретно. Вторая мировая война началась. Она представляет собою нескружимое подтверждение того, что общество не может дальше жить на основах капитализма. Тем самым она подвергает пролетариат новому, может быть, решающему испытанию.

Если эта война вызовет, как мы твердо верим, пролетарскую революцию, она неизбежно приведет к низвержению бюрократии в СССР и к возрождению советской демократии на гораздо более высоком экономическом и культурном базисе, чем в 1918 г. В этом случае вопрос о том, была ли сталинская бюрократия «классом» или наростом на рабочем государстве, разрешится сам собою. Всем и каждому станет ясно, что в процессе развития международной революции советская бюрократия была лишь эпизодическим рецидивом.

Если допустить, однако, что нынешняя война вызовет не революцию, а упадок пролетариата, тогда остается другая альтернатива: дальнейшее загнивание монополистического капитализма, его дальнейшее сращивание с государством, и замена демократии, где она еще сохранилась, тоталитарным режимом. Неспособность пролетариата звать в свои руки руководство обществом действительно могла бы привести в этих условиях к возникновению нового эксплуататорского класса из бонапартистской и фашистской бюрократии. Это был бы, по всей видимости, упадочный режим, знаменующий закат цивилизации.

Аналогичный результат мог бы получиться и в том случае, если бы пролетариат передовых капиталистических стран, завоевав власть, оказался неспособен удержать ее и переуступил бы ее, как и в СССР, привилегированной бюрократии. Тогда мы вынуждены были бы признать, что причина бюрократического рецидива коренится не в отсталости страны и не в империалистском окружении, а в органической неспособности пролетариата стать правящим классом. Тогда пришлось бы ретроспективно установить, что своими основными чертами нынешний

СССР оказался предтечей нового эксплуататорского режима в международном масштабе.

Мы очень далеко отошли от терминологических споров о названии советского государства. Но пусть наши критики не протестуют: только отойдя на необходимую историческую дистанцию, можно составить себе правильное суждение о таком вопросе, как замена одного социального режима другим. Продуманная до конца историческая альтернатива такова: либо сталинский режим есть отвратительный рецидив в процессе превращения буржуазного общества в социалистическое, либо сталинский режим есть первый этап нового эксплуататорского общества. Если верен окажется второй прогноз, то, разумеется, бюрократия станет новым эксплуататорским классом. Как ни тяжела эта вторая перспектива, но если бы мировой пролетариат действительно оказался неспособен выполнить миссию, которую возлагает на него ход развития, не оставалось бы ничего другого, как открыто признать, что социалистическая программа, построенная на внутренних противоречиях капиталистического общества, оказалась утопией. Понадобилась бы, очевидно, новая «минимальная» программа — для защиты интересов рабов тоталитарного бюрократического общества.

Есть ли однако, такие незыблемые или хотя бы убедительные объективные данные, которые вынуждали бы нас сегодня отказаться от перспективы социалистической революции? В этом весь вопрос.

Теория «бюрократического коллективизма».

Вскоре после прихода Гитлера к власти немецкий «левый коммунист» Гуго Урбанс пришел к выводу, что на смену капитализму идет новая историческая эра «государственного капитализма». Первыми образцами этого режима являются Италия, СССР, Германия. Политических выводов из своей теории Урбанс, однако, не сделал. Недавно итальянский «левый коммунист», Бруно Р., принадлежавший ранее к Четвертому Интернационалу, пришел к выводу, что на смену капитализму идет «бюрократический коллективизм»¹⁵. Новая бюрократия есть класс. Ее отношение к трудящимся есть коллективная эксплуатация, пролетарии превратились в рабов тоталитарного эксплуататора.

Бруно Р. берет за общие скобки плановое хозяйство СССР, фашизм, национал-социализм и «новый курс» Рузвельта. У всех этих режимов есть, несомненно, общие черты, которые, в последнем счете определяются коллективистскими тенденциями современного хозяйства. Ленин еще до Октябрьской революции формулировал главные особенности империалистического капитализма: гигантская концентрация производительных сил, сращивание монополистического капитала с государством, органическая тенденция к диктатуре, как результат этого сращения. Черты централизации и коллективизации определяют и политику революции и политику контр-революции; но это вовсе не значит, что между революцией, термидором, фашизмом и американским «реформизмом» можно поставить знак равенства. Бруно уловил тот факт, что тенденции коллективизации принимают, вследствие политической протекции рабочего класса, форму «бюрократического коллективизма». Явление само по себе бесспорно. Но где его пределы, и каков его исторический вес? То, что для нас является деформацией переходного периода, результатом неравномерности развития разных факторов общественного процесса, Бруно Р. принимает за самостоятельную общественную формацию, в которой бюрократия является господствующим классом. Бруно Р. имеет во всяком случае то преимущество, что пытается перевести вопрос из заколоченного круга терминологических замкнутостей в плоскость больших исторических обобщений. Тем легче вскрыть его ошибку.

Гитлер и Муссолини защищали капитализм с помощью корпоратистского контроля над хозяйством и политического террора направленного против рабочего класса.

Как многие ультра-левые, Бруно Р. отождествляет по существу сталинизм и фашизм. С одной стороны, советская бюрократия усвоила себе политические методы фашизма; с другой стороны, фашистская бюрократия, которая пока ограничивается «частичными» мерами государственного вмешательства, идет и скоро придет к полному огосударствлению хозяйства. Первое утверждение совершенно правильно. Ошибочным является утверждение Бруно, что фашистский «анти-капитализм» способен дойти до экспроприации буржуазии. «Частичные» меры государственного вмешательства и национализации отличаются, на самом деле, от планового государственного хозяйства, как реформы отличаются от революции. Муссолини и Гитлер лишь «координируют» интересы собственников и «регулируют» капиталистическое хозяйство, притом преимущественно в военных целях. Иное дело — кремлевская олигархия: она имеет возможность руководить хозяйством, как единым целым, только благодаря тому, что рабочий класс России совершил величайший в истории переворот имущественных отношений. Этого различия нельзя упускать из виду.

Но если даже допустить, что сталинизм и фашизм с разных концов придут когда-нибудь к одному и тому же типу эксплуататорского общества («бюрократический коллективизм», по терминологии Бруно Р.), это вовсе еще не выведет человечество из тупика. Кризис капиталистической системы вызывается не только реакционной ролью частной собственности, но и не менее реакционной ролью национального государства. Если бы отдельным фашистским правительствам и удалось создать у себя систему планового хозяйства, то помимо неизбежных, в конце концов, революционных движений пролетариата, не предусмотренных никаким планом, сохранились бы и даже чрезвычайно возросла бы борьба между тоталитарными государствами за мировое господство. Войны пожрали бы плоды планового хозяйства и разрушили бы основы цивилизации. Бертран Рассел полагает, правда, что какое-либо победоносное государство может, в результате войны, объединить в тоталитарных тисках весь мир. Но если даже такая гипотеза осуществлялась, что более, чем сомнительно, военное «объединение» имело бы не большую устойчивость, чем версальский мир. Национальные восстания и усмирения

закончились бы новой мировой войной, которая могла бы стать могилой цивилизации. Не наши субъективные пожелания, а объективная действительность говорит, что единственным выходом для человечества является международная социалистическая революция. Ее альтернативой является рецидив варварства.

Пролетариат и его руководство.

Вопросу о взаимоотношении между классом и его руководством мы посвятим вскоре особую статью. Ограничимся здесь самым необходимым. Только вульгарные «марксисты», которые полагают, что политика есть прямое и непосредственное «отражение» экономики, способны думать, что руководство прямо и непосредственно отражает класс. На самом деле руководство, поднявшись над угнетенным классом, неминуемо подпадает под давление господствующего класса. Руководство американских профессиональных союзов, например, «отражает» не столько пролетариат, сколько буржуазию. Подбор и воспитание действительно революционного руководства, способного противостоять давлению буржуазии, есть исключительно трудная задача. Дialectика исторического процесса выразилась ярче всего в том, что пролетариат самой отсталой страны, России, выдвинул в известных исторических условиях самое дальновзорное и смелое руководство. Наоборот, пролетариат в стране самой старой капиталистической культуры, Великобритании, имеет еще и сегодня самое тупоумное и лавейское руководство.

Кризис капиталистического общества, принявший в июле 1914 г. открытый характер, с первого же дня войны вызвал острый кризис пролетарского руководства. За двадцать пять лет, протекавших с того времени, пролетариат передовых капиталистических стран не создал еще руководства, которое бы стояло на уровне задач нашей эпохи. Опыт России свидетельствует, однако, что такое руководство может быть создано (это не значит, конечно, что оно будет застраховано от вырождения). Вопрос стоит следовательно, так: проложит ли в конце концов объективная историческая необходимость себе дорогу в сознание авангарда рабочего класса, т.е. сложится ли в процессе этой войны и тех глубочайших потрясений, которые из нее должны вырости, подлинное революционное руководство, способное повести пролетариат на завоевание власти? Четвертый Интернационал ответил на этот вопрос утвердительно не только текстом своей программы, но и самым фактом своего существования. Наоборот, всякого рода разочарованные и запуганные представители лже-марксизма исходят из того, что банкротство руководства лишь «отражает» неспособность пролетариата выполнить свою революционную миссию. Не все наши противники ясно выражают эту мысль. Но все они — ультралевые, центристы, анерхисты, не говоря уже о сталинцах и социал-демократах — ответственность за поражения перекладывают с себя на пролетариат. Никто из них не указывает, при каких именно условиях пролетариат окажется способен совершить социалистический переворот.

Если принять, что причиной поражений являются социальные качества самого пролетариата, тогда положение современного общества придется признать безнадежным. В условиях загнивающего капитализма пролетариат не растет ни численно, ни культурно. Нет, поэтому, основания ждать, что он когда-либо поднимется на уровень революционной задачи. Совершенно иначе представляется дело тому, кто уяснил себе глубочайший антагонизм между органическим, глубоким, непреодолимым стремлением трудящихся масс вырваться из кровавого капиталистического хаоса и консервативным, патристическим, насквозь буржуазным характером переживающего себя руководства. Между этими двумя непримиримыми концепциями надо выбирать.

Тоталитарная диктатура — состояние острого кризиса, а не устойчивый режим.

Октябрьская революция не случайность. Она была предвидена задолго. События подтвердили предвидение. Перерождение не опровергает предвидения, ибо никогда марксисты не думали, что изолированное рабочее государство в России может держаться бесконечно. Правда мы считались скорее с крушением рабочего государства, чем с его перерождением; вернее сказать, мы не расчленили строго этих двух возможностей. Но они вовсе не противостоят друг другу. Перерождение должно неизбежно на известном этапе завершиться крушением.

Тоталитарный режим, сталинского или фашистского образца, по самой сущности своей может быть только временным, переходным режимом. Диктатура в истории вообще была результатом и признаком особенно острого социального кризиса, отнюдь не устойчивого режима. Острый кризис не может быть перманентным состоянием общества. Тоталитарное государство способно в течение известного времени подавлять социальные противоречия, но не способно увековечить себя. Чудовищные чистки в СССР являются самым убедительным свидетельством того, что советское общество органически стремится извергнуть из себя бюрократию.

Поразительное дело, как раз в сталинских чистках Бруно Р. видит доказательство того, что бюрократия стала правящим классом, ибо только правящий класс способен, по его мнению, на меры столь широкого масштаба¹⁶. Он забывает, однако, что царизм, который не был «классом», тоже позволял себе довольно широкие мероприятия по чистке, притом как раз в тот период, когда он приближался к гибели. Своим размахом и чудовищной живостью чистки Сталина свидетельствуют не о чем другом, как о неспособности бюрократии превратиться в устойчивый господствующий класс и являться симптомами ее близкой агонии. Не попали ли бы мы в смешное положение, еслиб присвоили бонапартистской олигархии имя нового правящего класса за несколько лет или даже месяцев до ее бесславного падения? Одна лишь ясная постановка вопроса должна, на наш взгляд, удерживать товарищей от терминологических экспериментов и слишком торопливых обобщений.

Курс на международную революцию и возрождение СССР.

Четверть столетия оказались слишком коротким сроком для революционного перевооружения международного пролетарского авангарда и слишком долгим сроком для сохранения советской системы в изолированной отсталой стране. За это человечество платит ныне новой империалистической войной. Но основная задача нашей эпохи не изменилась по той простой причине, что она не разрешена. Огромным активом истекшей четверти столетия и неоценимым залогом будущего является тот факт, что одному из отрядов мирового пролетариата удалось показать на деле, как задача

¹⁶Правда в последней части своей книги, состоящей из фантастических противоречий, Бруно Р. вполне сознательно и членораздельно опровергает свою собственную теорию «бюрократического коллективизма», изложенную в первой части книги, и заявляет, что сталинизм, фашизм и нацизм являются переходными паразитическими образованиями, исторической карой за бессилие пролетариата.

Другими словами, подтверждая взгляды Четвертого Интернационала самой резкой критикой, Бруно Р. неожиданно возвращается к этим взглядам, но только для того, чтоб открыть новую серию блужданий. У нас нет никакого основания следовать по пятам за писателем, явно выбитым из равновесия. Нас интересует не его доводы, которыми он пытается обосновать свой взгляд на бюрократию, как класс.

может быть разрешена.

Вторая империалистская война ставит неразрешимую задачу на более высоком историческом этапе. Она заново проверяет не только устойчивость существующих режимов, но и способность пролетариата прийти им на смену. Результаты этой проверки будут, несомненно, иметь решающее значение для нашей оценки современной эпохи, как эпохи пролетарской революции. Если бы, вопреки всем вероятностям, в течение нынешней войны или непосредственно после нее Октябрьская революция не нашла своего продолжения ни в одной из передовых стран; если бы, наоборот, пролетариат оказался везде и всюду отброшен назад; — тогда мы несомненно должны были бы поставить вопрос о пересмотре нашей концепции нынешней эпохи и ее движущих сил. Вопрос шел бы при этом не о том, какой школьный ярлык наклеить на СССР или на сталинскую шайку, а о том, как оценить мировую историческую перспективу ближайших десятилетий, если не столетий: вошли ли мы в эпоху социальной революции и социалистического общества или же в эпоху упадочного общества тоталитарной бюрократии?

Двойная ошибка схематиков, вроде Гуго Урбанса и Бруно Р., состоит в том, что они, во первых, провозглашают этот последний режим уже окончательно наступившим; во вторых, объявляют его длительным промежуточным состоянием общества между капитализмом и социализмом. Между тем совершенно очевидно, что если бы международный пролетариат, в результате опыта всей нашей эпохи и нынешней новой войны, оказался неспособен стать хозяином общества, то это означало бы крушение всяких надежд на социалистическую революцию, ибо никаких других более благоприятных условий для нее нельзя ждать; во всяком случае никто их сейчас ни предвидеть, ни охарактеризовать не может.

У марксистов нет ни малейшего права (если не считать „правом“ разочарование и усталость) делать тот вывод, что пролетариат исчерпал свои революционные возможности и должен отказаться от претензий на господство в ближайшую эпоху. Двадцать пять лет на веках истории, когда дело идет о глубочайшей смене хозяйственных и культурных систем, меньше часа в жизни человека. Куда годится тот человек, который из-за эмпирических неудач в течение часа или дня отказывается от цели, которую поставил себе на основании опыта и изучения всей предшествующей жизни? В годы мрачной русской реакции (1907-1917) мы исходили из тех революционных возможностей, которые обнаружил русский пролетариат в 1905 г. В годы мировой реакции мы должны исходить из тех возможностей, которые обнаружил русский пролетариат в 1917 году. Четвертый Интернационал не случайно назвал себя мировой партией социалистической революции. Наш путь неизменен. Мы держим курс на международную революцию, и, тем самым, на возрождение СССР, как рабочего государства.

Внешняя политика есть продолжение внутренней.

Что мы защищаем в СССР? Не то, в чем он похож на капиталистические страны, а то, в чем он отличается от них. В Германии мы также проповедуем восстание против правящей бюрократии, но только для того, чтобы низвергнуть немедленно капиталистическую собственность. В СССР низвержение бюрократии необходимо для того, чтобы сохранить государственную собственность. Только в этом смысле мы стоим за защиту СССР.

Никто в нашей среде не сомневается, что советские рабочие должны защищать государственную собственность не только от паразитизма бюрократии, но и от тенденций частно-собственнического порядка, напр. со стороны колхозной аристократии. Но ведь внешняя политика есть продолжение внутренней. Если мы во внутренней политике соединяем

против бюрократии, то мы должны делать то же самое и во внешней политике. Правда, Бруно Р., исходя из того, что „бюрократический коллективизм“ уже победил по всей линии, заверяет нас, что никто государственной собственности ни грозит, ибо Гитлер (и Чемберлен?) так же заинтересованы в ней, как и Сталин. К сожалению, заверения Бруно Р. легкомысленны. В случае победы Гитлер нечет, вероятно, с того, что потребует возвращения немецким капиталистам экспроприированной у них собственности; затем обеспечит такую же реставрацию собственности англичанам, французам, бельгийцам в целях достижения с ними соглашения за счет СССР; наконец, сделает Германию пайщиком важнейших государственных предприятий СССР в интересах немецкой военной машины. Сейчас Гитлер — союзник и друг Сталина; но, если бы Гитлер, при помощи Сталина, вышел победителем на западном фронте, он завтра же повернул бы оружие против СССР. Наконец, и Чемберлен поступил бы в соответственном случае не многим иначе, чем Гитлер.

Защита СССР и классовая борьба.

Ошибки в вопросе о защите СССР чаще всего вытекают из неправильного понимания методов „защиты“. Защита СССР вовсе не означает сближения с кремлевской бюрократией, принятия ее политики или примирения с политикой ее союзников. В этом вопросе, как и в других, мы остаемся полностью на почве международной классовой борьбы. Французский журнальчик „Que Faire“ писал недавно: так как „троцкисты“ являются пораженцами по отношению к Франции и Англии, то они тем самым являются пораженцами и по отношению к СССР. Другими словами: если вы хотите защищать СССР, вы должны перестать быть пораженцами по отношению к его империалистским союзникам. „Que Faire“ рассчитывал, что союзниками СССР будут „демократии“, что скажут эти умники сейчас, не ясно. Да это и не важно, ибо самый метод их порочен. Отказаться от пораженчества по отношению к тому империалистскому лагерю, к которому сегодня примыкает или завтра примкнет СССР, значит толкнуть рабочих противоположного лагеря на сторону их правительства; значит отказаться от пораженчества вообще. Отказ от пораженчества в условиях империалистской войны равносителен отказу от социалистической революции. Отказ от революции — во имя „защиты СССР“ — обрекал бы СССР на окончательное гниение и гибель.

„Защита СССР“, в истолковании Коминтерна, как и вчерашняя „борьба против фашизма“, основана на отказе от самостоятельной классовой политики. Пролетариат превращается — по разным поводам, в разных условиях, но всегда и неизменно — во вспомогательную силу одного буржуазного лагеря против другого. В противовес этому некоторые наши товарищи говорят: так как мы не хотим превращаться в орудие Сталина и его союзников, то мы отказываемся от защиты СССР. Этим, однако, они показывают лишь, что их понимание „защиты“ в основном совпадает с пониманием оппортунистов; они не мыслят самостоятельной политики пролетариата. На самом деле мы защищаем СССР, как мы защищаем колонии, как мы разрешаем все наши задачи, не поддержкой одних империалистских правительств против других, а методом международной классовой борьбы в колониях, как и в метрополиях.

Мы — не правительственная партия; мы — партия непримиримой оппозиции, не только в капиталистических странах, но и в СССР. Наши задачи, в том числе и „защита СССР“, мы осуществляем не через буржуазные правительства и даже не через правительство СССР, а исключительно через воспитание масс, через агитацию, через разъяснение рабочим, что надо защищать и что надо ниспровергать. Такая „защита“ не может дать непосредственных чудодейственных результатов. Но мы на них и не претендуем. Пока что мы — революционное меньшинство. Наша работа должна быть направлена на то, чтобы рабочие, на которых мы имеем влияние, правильно оценивали события, не давали себя

застигнуть зрелых и подготавливали общественное мнение своего класса к революционному разрешению стоящих перед нами задач.

Защита СССР совпадает для нас с подготовкой международной революции. Допустимы только те методы, которые не противоречат интересам революции. Защита СССР относится к международной социалистической революции, как тактическая задача — к стратегической. Тактика подчинена стратегической цели и ни в каком случае не может противоречить ей.

Троцкий

Вопрос об оккупированных областях.

Сейчас, когда мы пишем эти строки, вопрос о судьбе оккупированных Красной Армией областей остается еще неясным. Телеграфные сведения противоречивы, так как обе стороны много лгут, и реальные отношения на месте, несомненно, еще крайне неопределенны. Известная часть оккупированных земель войдет несомненно в состав СССР. В какой именно форме?

Допустим на минуту, что, по договору с Гитлером, московское правительство оставляет в оккупированных областях незатронутыми права частной собственности и ограничивается „контролем“ на фашистский образец. Такая уступка имела бы глубоко принципиальный характер и могла бы стать исходной точкой новой главы советского режима, а следовательно и новой оценки, с нашей стороны, природы советского государства.

Более вероятно, однако, что в областях, которые должны войти в состав СССР, московское правительство проведет меры экспроприации крупных собственников и огосударствления средств производства. Такой путь более вероятен не потому, что бюрократия верна социалистической программе, а потому, что она не хочет и не может делить власть и связанные с нею привилегии со старыми господствующими классами оккупированных областей. Здесь сама собою напрашивается аналогия. Первый Бонапарт приостановил революцию при помощи военной диктатуры. Однако, когда французские войска вторглись в Польшу, Наполеон подписал декрет: „крепостное право отменяется“. Эта мера

диктовалась не симпатиями Наполеона к крестьянству и не демократическими принципами, а тем фактом, что бонапартистская диктатура опиралась не на феодальную, а на буржуазную собственность. Так как бонапартистская диктатура Сталина опирается не на частную собственность а на государственную, то вторжение Красной Армии в Польшу естественно должно повести за собой ликвидацию частной капиталистической собственности, чтоб таким путем привести режим оккупированных территорий в соответствие с режимом СССР.

Революционная по своему характеру мера — „экспроприация экспроприаторов“ — осуществляется в данном случае военно-бюрократическим путем. Апелляция к самостоятельности масс в новых территориях — а без такой апелляции, хотя бы и очень осторожной, невозможно установить новый режим — будет, несомненно, завтра же подавлена беспощадными полицейскими мерами, чтоб обеспечить перевес бюрократии над пробужденными революционными массами. Такова одна сторона дела. Но есть и другая. Чтобы создать возможность оккупации Польши посредством военного союза с Гитлером, Кремль долго обманывал и продолжает обманывать массы СССР и всего мира и довел этим до полного разложения ряды своего собственного Коминтерна. Главным мерилом политики является для нас не преобразования собственности на том или другом участке территории, как ни важны они могут быть сами по себе, а изменение в сознательности и организованности мирового пролетариата, повышение его способности защищать старые завоевания и совершать новые. С этой единственно решающей точки зрения политика Москвы, взятая в целом, полностью сохраняет свой реакционный характер и остается главным препятствием на пути к международной революции.

Наша общая оценка Кремля и Коминтерна не меняет, однако, того частного факта, что огосударствление форм собственности в оккупированных областях является само по себе прогрессивной мерой. Это надо открыто признать. Если бы Гитлер завтра повернул свои войска фронтом на Восток, чтоб восстановить в Восточной Польше „порядок“, передовые рабочие защищали бы от Гитлера новые формы собственности, установленные бонапартистской советской бюрократией.

Мы не меняем курса.

Огосударствление средств производства, сказали мы, есть прогрессивная мера. Но ее прогрессивность относительна, ее удельный вес зависит от совокупности всех остальных факторов. Так, прежде всего приходится установить, что расширение территории бюрократического самодержавия и паразитизма, прикрытое „социалистическими“ мерами, может увеличить престиж Кремля, породить иллюзии насчет возможности заменить пролетарскую революцию бюрократическими маневрами и пр. Это зло далеко перевешивает прогрессивное содержание сталинских реформ в Польше. Чтоб национализация собственности в оккупированных областях, как и в СССР, стала основой действительно прогрессивного, т.е. социалистического развития, необходимо низвергнуть московскую бюрократию. Наша программа сохраняет, следовательно, всю свою силу. События не застигли нас зрелых. Нужно только правильно толковать их. Нужно ясно понять, что в характере СССР и в его международном положении заложены резкие противоречия. Нельзя освободиться от этих противоречий при помощи терминологических фокусов („рабочее государство“ — „не рабочее государство“). Надо брать факты, как они есть. Надо строить политику, исходя из реальных отношений и противоречий.

Мы не доверяем Кремлю никакой исторической миссии. Мы были и остаемся против захвата Кремлем новых областей. Мы — за независимость советской Украины и, если сами белоруссы этого хотят, 117

советской Белоруссии. В то же время в оккупированных Красной Армией частях Польши сторонники Четвертого Интернационала принимают самое решительное участие в экспроприации помещиков и капиталистов, в наделении крестьян землей, в создании советов и рабочих комитетов и пр. Они сохраняют при этом свою политическую самостоятельность, борются во время выборов в советы и заводские комитеты за полную их независимость от бюрократии, ведут революционную пропаганду в духе недоверия к Кремлю и его местной агентуре.

Представим, однако, что Гитлер поворачивает свое оружие на Восток и вторгается в области, занятые Красной Армией. В этих условиях сторонники Четвертого Интернационала, ни мало не меняя своего отношения к кремлевской олигархии, выдвинут на передний план, в качестве неотложной задачи данного момента, военный отпор Гитлеру. Рабочие скажут: «Мы не можем уступить Гитлеру свержение Сталина; это — наша задача». Во время военной борьбы с Гитлером революционные рабочие будут стараться войти с рядовыми бойцами Красной Армии в возможно тесные товарищеские отношения. Нанося вооруженной рукой удары Гитлеру, большевики-ленинцы будут в то же время вести революционную пропаганду против Сталина, подготавливая его низвержение на следующем, возможно близком этапе.

Такого рода «защита СССР» будет, разумеется, как небо от земли, отличаться от официальной защиты, которая ведется ныне под лозунгом: «за родину, за Сталина!» Наша защита СССР ведется под лозунгом: «за социализм, за международную революцию, против Сталина!» Чтобы в сознании масс эти два вида «защиты СССР» не смешались, надо уметь ясно и точно формулировать лозунги, отвечающие конкретной обстановке. Но прежде всего надо ясно установить, что именно мы защищаем, как защищаем, против кого защищаем. Наши лозунги не вызовут в массах замешательства лишь в том случае, если мы сами будем ясно представлять себе свои задачи.

Выводы.

У нас нет в настоящий момент никаких оснований менять нашу принципиальную позицию по отношению к СССР.

Война ускоряет разные политические процессы. Она может ускорить процесс революционного возрождения СССР. Но она может ускорить и процесс его окончательного перерождения. Необходимо, поэтому, внимательно и без предубеждения следить за теми изменениями, которые война будет вносить во внутреннюю жизнь СССР, чтобы своевременно отдавать себе в них отчет.

Наши задачи в оккупированных областях в основе своей те же, что и в СССР; но так как они поставлены событиями в крайне острой форме, то они помогают нам лучше осознать наши общие задачи в отношении СССР.

Необходимо формулировать наши лозунги так, чтоб рабочие ясно видели, что именно мы защищаем в СССР (государственную собственность и плановое хозяйство) и против чего мы беспощадно боремся (паразитическая бюрократия и ее Коминтерн).

Ни на минуту не упускать из виду, что вопрос о низвержении советской бюрократии подчинен для нас вопросу о сохранении государственной собственности на средства производства в СССР; что вопрос о сохранении государственной собственности на средства производства в СССР подчинен для нас вопросу о международной пролетарской революции.

А. Троцкий.

Койован, 25 сентября 1939 г.

1990 г., Киев: после лекции о Четвертом Интернационале в одном из институтов.

Отдел писем

Дорогим корреспондентам от редакции:

Мы радостно свидетельствуем о получении широкого отклика писем со стороны советских рабочих, интеллигенции и молодежи. Многие письма являются краткими запросами о литературе, об общей информации о Четвертом Интернационале и А. Д. Троцком и добрыми пожеланиями в адрес редакции и Четвертого Интернационала. Редакция благодарит всех читателей за эти выражения помощи и солидарности. В меру возможности мы пытаемся ответить на все запросы и письма. Некоторые письма представляют особый и широкий интерес для советских рабочих из за выраженных настроений разных слоев населения и поднимаемых исторических и политических вопросов. Ниже мы печатаем некоторые из корреспонденций и часть ответов редакции на эти письма. Ответ в таком случае следует за письмом из СССР и может быть сокращен для экономии средств.

Уважаемые товарищи! 10.11.90

Узнав Ваш адрес, сразу же решил Вам написать.

В частности меня очень интересует детальная и точная информация о IV Интернационале. Не оговаривая конкретно, пока, что именно мне хотелось бы узнать, так как узнать о работе Четвертого Интернационала надо бы, как возможно, больше.

Я рабочий. Работаю слесарем на заводе. Вопросы современного рабочего движения, особенно в последнее время, интересуют меня всерьез. К сожалению, у нас практически невозможно узнать о Вашей деятельности: о задачах движения, методах работы и так далее.

Если возможно, пожалуйста пришлите в мой адрес, скажем, номера 119

„Бюллетень Четвертого Интернационала“ или все то, что помогло бы мне, для начала восполнить в этом плане, информативный пробел.

Заранее благодарю. С уважением, Г.

.....

Здравствуй!

Прочитал на днях в нашей молодежной газете „Комсомольское знамя“ работу А. Д. Троцкого „Об украинском вопросе“. Очень интересная статья. Подобного я не встречал в советских средствах массовой информации. Да и о Четвертом Интернационале никакой информации до сих пор у нас не было. Так что я жду помощи от Вас в этом вопросе. Особенно меня интересует все, что касается Украины.

О себе. Мне 35 лет, украинец, работаю на шахте.

С уважением, К.

.....

Здравствуй! 13.11.90

Пишу я Вам вот по какому вопросу. 2 ноября в газете „Комсомольское знамя“ была опубликована статья А. Троцкого „Об украинском вопросе“. В предисловии же было рассказано о IV Интернационале. Меня очень заинтересовала эта публикация. С профессиональной точки зрения (я работаю в школе) и в свете событий, происходящих в последнее время в республике и в нашем регионе. Я был бы Вам весьма признателен, если бы с Вашей помощью мог получить какие-нибудь материалы о деятельности IV Интернационала.

С уважением, К.

.....

Здравствуйте товарищи 6.11.90

Пишет Вам А. из Киева.

Мне бы очень хотелось узнать больше о Вашей организации, о Четвертом Интернационале.

Деятельность Льва Троцкого меня интересовала давно. Однажды мне удалось прочесть некоторые из его работ, что у нас в СССР очень трудно, и я понял, что все написанное о нем в нашей прессе — ложь.

Буду очень ждать ответа.

До свидания.

Поздравляю с праздником Великой Октябрьской Революции.

.....

Здравствуйте уважаемые члены IV Интернационала!

С большим интересом прочитал сообщение о Вашей деятельности в газете „Комсомольское знамя“ (Киев) и решил написать.

В последнее время имя Троцкого у нас уже не является проклятием, как это было в течении десятилетий. Многие газеты и журналы печатают его статьи и отрывки из произведений. В киосках и книжных магазинах появились изданные кооперативными изданиями его книги. Например, во всех харьковских газетных киосках лежит книга „Сталинская школа фальсификации“ за 10 руб. и „Коммунистическая оппозиция в СССР в 1923-27 гг.“, кажется, за 6,60. Цены, понятно, не для всякого кармана, в т.ч. и не для моего.

Историки и писатели оценивают Троцкого по-разному. Однако большинство считает, что это личность противоречивая, в которой наряду с „правильным“ пониманием марксизма в большой мере присутствует левый уклон. Т.е. идея мировой революции, милитаризация труда („трудармии“) и т.д. В то же время это был, как считаю, самый выдающийся в интеллектуальном, организационном, публицистическом и ораторском плане деятель из ленинского окружения.

Теперь — о сегодняшнем моменте. Перестройка, без всякого

сомнения, представляет из себя план капиталистического закабаления

страны. Если в первые годы (1985-87) М. С. Горбачев идею перестройки выдавал как идею все более широкого использования преимуществ социализма, то сейчас план Президента о введении рынка на деле означает возрождение капитализма в его первобытном, начальном виде, со всеми изуверскими формами эксплуатации. Большинство нашего населения это прекрасно понимает, но средства массовой информации (по крайней мере их львиная доля) развернули бешеную агитацию за рынок и капитализм, и в таком масштабе, как не агитировали ранее за коммунизм. Впрочем, я, наверно, зря об этом пишу, т.к. это все понятно, ситуация совершенно прозрачна. Классовые цели, преследуемые агитацией за капитализм, тоже ясны до предела: реставрация власти (политической и экономической) буржуазии. Уже и сейчас на поверхности советской действительности всплывает образ советского буржуа. Добытые незаконным путем деньги, на которых кровь честных людей, вынесут этих буржуа к вершинам власти и достатка, если и дальше идти путем рынка, приватизации и разгосударствления. А все пока и движется этим путем, и если это не остановить, скоро трудящиеся окажутся в роли рабов капитала с своей собственной стране. Стоит ли повторять банальность, что СССР поднял руки вверх перед мировой буржуазией, сдался на милость богатого победителя?

С Вашей помощью я хотел бы познакомиться поближе с произведениями и идеями А. Д. Троцкого, с современным состоянием марксизма, с деятельностью IV Интернационала.

Судя по коротким публикациям в нашей прессе (в частности, по статье в „КЗ“) идеи троцкистов совпадают с моими собственными, да, наверно, и большинство трудящихся было бы солидарно с троцкистами, имея они (трудящиеся) возможность познакомиться с неискаженным троцкизмом. Я также вполне поддерживаю Вашу мысль о создании Советской секции в IV Интернационале.

И бесспорно, самое главное в Вашей деятельности — это доступ к советским читателям. Ведь простому советскому человеку в идейном плане сейчас буквально не за что ухватиться. Марксизм (по-советски, т.е. по-сталински) утратил свое влияние, новые „демократические“ движения — это тоже капитуляция перед капиталом. Что остается? Лишь национализм. Он и правда, сейчас заполнил десятки миллионов людей на окраинах страны. Но ведет он лишь к войне, к крови. В лучшем случае к национальной изоляции.

Вот поэтому (как мне кажется) сейчас такая сильная идея, т.е. течение, как троцкизм (хотя я в полном объеме с ним не знаком, о чем писал выше) может получить широчайшее распространение у нас в стране, особенно в славянских республиках. Если наши обездоленные люди увидят в этой идее спасение, даже не спасение, а хотя бы перспективу не стать рабами, рынок и нарождающийся капитализм будут сметены! Но все это не так просто.

Наверно, я буду заканчивать это письмо.

Хочется надеяться, что Вы мне ответите. Если можно, пришлите мне какие-нибудь материалы.

Вообще же я хотел бы заняться систематическим изучением марксизма и его современной теории. Хочу сказать, что университетский курс истории КПСС привил мне устойчивую ненависть к произведениям Маркса-Энгельса-Ленина-Брежнева, когда изучение состояло в тщательном конспектировании, повторении цитат, пышных восхвалений по адресу основоположников.

Но совсем иное дело изучать эту теорию неформально, для своего развития, а не для зачета. Поэтому я хочу, как писал выше, заняться глубоким, систематическим изучением.

Если можно, сообщите мне подробно, что я должен прочитать в первую очередь, что во вторую, и т.д. Произведения Маркса и Энгельса в наших магазинах пока есть (пока их не сожгли). Произведения Троцкого и документы современности надеюсь получить от Вас. При 121

изучении буду постоянно писать Вам, советоваться. Уверен, что и здесь в СССР найду единомышленников.

На этом прощаюсь. Жду ответа.

С уважением Н.

Дорогой товарищ Н! 05.01.91

Я с глубоким удовольствием прочел Ваше весьма интересное письмо. Пожалуйста извините за опоздание в подготовке ответа.

Как Вы говорите, сейчас в Советском Союзе становится возможным найти хотя бы некоторые из работ Троцкого. Но из всего, что я читаю в советских газетах и журналах ясно, что старые сталинские халтурщики и анти-марксистские интеллектуальные пионеры „гласности“ все еще пытаются оклеветать и умалить уроки и принципы Троцкого и Четвертого Интернационала.

Вы пишете, что троцкая защита стратегической цели „мировой революции“ описывается как „левый уклон“. В таком случае, весь марксизм, начиная с „Коммунистического Манифеста“, нужно считать „левым уклоном“, ведь пролетарский интернационализм является сердцевинной социализма.

Как политическая тенденция, сталинизм вырос из отрицания интернационалистической программы, на которой основывались Ленин и большевики при захвате власти российским пролетариатом в 1917 году. Ленин твердо верил, что Октябрьская Революция являлась лишь „первым выстрелом“ мировой социалистической революции; что выживание первого рабочего государства зависело от победы рабочего класса за границами Советской России. Без такой политической перспективы, политика большевиков в 1917 году, — стратегия захвата власти в отсталой стране, — должно казаться бессмысленным. Несмотря на свое критическое отношение к некоторым аспектам политики Ленина, Роза Люксембург писала в 1918 году: „Судьба революции в России полностью зависит от международных событий. Тот факт, что большевики целиком основываются в своей политике на мировой пролетарской революции, является вернейшим доказательством их политической дальновидности, твердости их принципов и смелого масштаба их политики.“

Не трудно найти множество цитат Ленина между 1918 и 1922 гг., в которых он настаивал, что судьба Советской России в конечном итоге зависит от борьбы интернационального пролетариата против мирового капитализма. Анти-марксистская теория „социализма в одной стране“ была выдвинута Бухариным и Сталиным в конце 1924 года, как политически-деморализованная реакция на неудачи европейского пролетариата, особенно, на поражение германского рабочего класса в 1923 году.

Эта теория стала популярной среди широких кругов быстро растущей бюрократии, которые были попросту „усталыми“ от всех этих разговоров о „мировой революции“ и хотели начать наслаждаться материальными благами, полученными на их авторитетных постах во все более консервативном гос- и партаппарате. Так как я понимаю, что книги Троцкого все еще трудно достать, позвольте мне процитировать отрывок из его автобиографии „Моя жизнь“, в котором Троцкий описывает процесс социального сползания, который сопровождал распространение „социализма в одной стране“ и его собственную потерю власти:

„Меня не раз спрашивали, спрашивают иногда и сейчас: как вы могли потерять власть? Чаще всего за этим вопросом скрывается довольно наивное представление об упущении из рук какого-то материального предмета: точно потерять власть это то же, что потерять часы или записную книжку. На самом же деле, когда революционеры, руководившие завоеванием власти, начинают на известном этапе терять ее — „мирно“ или катастрофически — то это само по себе означает

упадок влияния определенных идей и настроений в в правящем слое революции, или упадок революционных настроений в самих массах, или то и другое вместе. Руководящие кадры партии, вышедшей из подполья, были одушевлены революционными тенденциями, которые вождями первого периода революции яснее и лучше формулировались, полнее и успешнее проводились на практике. Именно это и делало их вождями партии, через партию — рабочего класса, через рабочий класс — страны. Таким путем определенные лица сосредоточивали власть в своих руках. Но идеи первого периода революции теряли незаметно свою власть над сознанием того партийного слоя, который непосредственно имел власть над страной. В самой стране происходили процессы, которые можно охватить общим именем реакции. Эти процессы захватили, в той или другой степени, и рабочий класс, в том числе и его партийную часть. У того слоя, который составлял аппарат власти, появились свои самодовлеющие цели, которым он стремился подчинить революцию. Между вождями, которые выражали историческую линию класса и умели глядеть поверх аппарата, и между этим аппаратом — огромным, тяжеловесным, разнородным по составу, легко засасывающим среднего коммуниста, — стало намечаться раздвоение. Сперва оно имело больше психологический, чем политический характер. Вчерашний день был еще слишком свеж. Лозунги Октября еще не выветрились из памяти. Личные авторитеты вождей первого периода были высоки. Но под покровом традиционных форм уже складывалась другая психология. Международные перспективы тускнели, повседневная работа поглощала людей целиком. Новые методы, которые должны были служить старым целям, создавали новые цели и, прежде всего, новую психологию. Временная обстановка стала превращаться для многих и многих в конечную станцию. Создавался новый тип“ („Моя жизнь“, Берлин, 1930 г., т. 2, стр. 242-3).

Нередко отдельные, случайно вырвавшиеся замечания Калинина, Ворошилова, Сталина, Рыкова, заставляли тревожно настораживаться. Откуда это? спрашивал я себя. Из какой трубы это прет? Придя на какое-нибудь заседание, я заставал групповые разговоры, которые мне нередко обрывались. В разговорах не было ничего, направленного против меня. Не было ничего, противоречащего принципу партии. Но было настроение моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности. У людей появлялись потребности исповедываться друг другу в этих новых настроениях, в которых не малое место, к слову сказать, стал занимать элемент межданской сплетни. Раньше они стеснялись не только Ленина и меня, но и себя. Если пошлость прорывалась наружу, например, у Сталина, то Ленин, не поднимая склоненной над бумагой головы, чуть-чуть поводит по сторонам глазами, как бы проверяя, почувствовал ли еще кто-либо другой невыносимость сказанного. Достаточно было в таких случаях беглого взгляда или интонации голоса, чтобы солидарность наша в этих психологических оценках непрерываемо обнаружилась для нас обоих.“ (Там же, стр. 244).

Я ограничиваясь здесь психологической стороной дела, оставляя в стороне социальную подоплеку, т.е. изменения анатомии революционного общества. В последнем счете решают, конечно, эти изменения. Но непосредственно приходится сталкиваться с их психологическими отражениями. Внутренние события развивались сравнительно медленно, облегчая молекулярные процессы перерождения верхнего слоя и почти не открывая места для противопоставления двух непримиримых позиций перед лицом широких масс. К этому надо еще прибавить, что новые настроения долго оставались, остаются еще и сейчас, прикрытыми традиционными формулами.“ (Там же, стр. 245).

„Насколько филистерская, невежественная и просто глупая травля теории перманентной революции выросла из этих именно психологических источников. Сплетничая за бутылкой, или возвращаясь 123

с балета, один самодовольный чиновник говорил по моему адресу другому самодовольному чиновнику: «у него только перманентная революция на уме». С этим тесно связаны обвинения в неартельности, в индивидуализме, в аристократизме. «Не все же и не всегда для революции, надо и для себя», — это настроение переводилось так: «долгой перманентной революцией!». Протест против теоретической требовательности марксизма и политической требовательности революции, постепенно принимал для этих людей форму борьбы против «троцкизма». (Там же, стр. 246).

Спустя некоторое время, теория «социализма в одной стране» укоренилась в интересах привилегированного стратума внутри советского общества. Основной политической целью сталинской бюрократии стало не расширение пролетарской революции, а защита своих привилегий внутри государственных границ СССР. Хотя она все еще продолжала формально поддерживать интернациональный социализм, политика бюрократии была на деле направлена на обеспечение дипломатических соглашений с той или другой частью международной буржуазии — за счет международного пролетариата. В ответ за признание госграниц СССР, сталинская бюрократия обязалась использовать свое влияние, — посредством местных компартий, — для ограничения и отворота вспять анти-капиталистической борьбы рабочего класса. В каждой стране, сталинцы действовали в роли политических саботеров в рабочем движении.

Товарищ Н., понимаете ли Вы, какое катастрофическое влияние имел сталинизм на развитие политического сознания рабочего класса? Подумайте, например, о развитии классового самосознания среди рабочих в Соединенных Штатах. В 30-е и 40-е годы, сотни тысяч самых политически передовых рабочих в Соединенных Штатах ожидали руководства от коммунистической партии. Но сталинцы использовали свое влияние для подчинения рабочего движения буржуазной Демократической партии. И поэтому, несмотря на тот факт, что в Америке 30-х и 40-х годов шли громадные классовые бои, новорожденные профсоюзы Конгресса Индустриальных Организаций (CIO) не сделали решающего шага и не сформировали политическую партию рабочего класса. Сталинцы не хотели, чтоб классовая борьба в Соединенных Штатах приняла политическую форму, которая могла бы нарушить дипломатические сношения Вашингтона и Москвы.

Во время Второй Мировой войны сталинцы были полностью дискредитированы в глазах рабочих из-за их поддержки печально известного «обещания против стенок», которое гарантировало, что на время войны рабочие оставят все формы классовой борьбы. В то время, когда капиталистические промышленники использовали все возможности военных контрактов для реализации самых жестоких форм эксплуатации, сталинцы действовали как их жандармы в рабочем движении.

К концу Второй Мировой войны, рабочие активисты стали так сильно ненавидеть сталинцев, что американская буржуазия смогла сравнительно легко возбудить анти-коммунизм в интересах своей внешней политики «Холодной войны». Кроме того, в той степени, что американские рабочие отождествляли тоталитарный режим в Кремле и полицейские режимы Восточной Европы с «коммунизмом» и «марксизмом», они приходили к заключению, что альтернатива капитализму не существует.

Но в настоящее время, политическое замешательство произведенное сталинизмом начинает исчезать. Во первых, события в Восточной Европе начинают открывать глаза многих американских рабочих. Хотя они все еще не питают симпатии к предыдущим полицейским режимам, рабочие видят, что возвращение капитализма ведет к ужасному обнищанию и к самым худшим формам социальной деградации. Буржуазная пресса, которая в прошлом пролила крокодиловы слезы о плачевном состоянии восточноевропейских рабочих, теперь открыто заявляет, что массовая

безработица необходима, что нужно безжалостно применять польский стиль «шоковой терапии».

Во вторых, социальные условия в Соединенных Штатах, — несмотря на репорты в советской прессе, — ошеломительно быстро ухудшаются. Полнокровная рецессия охватила американскую экономику: сотни тысяч рабочих теряют свои места каждую неделю, каждый день приносит новости о новом финансовом крахе в разных районах страны. Лишь на прошлой неделе, система банков в штате Роуд Айленд рухнула и десятки тысяч рабочих и мелко-буржуазных вкладчиков стоят перед угрозой потерять свои пожизненные сбережения! После декады, когда спекуляция принимала ошеломительные размеры и скрывала внутреннее разложение экономики, ужасные экономические последствия длительного спада американского капитализма начинают вырываться наружу.

В третьих, события в Персидском Заливе ошеломили рабочий класс в Соединенных Штатах. Буш открыто говорит об «уничтожении» Ирака и сегодня выпустил заявление, в котором он угрожает аннигиляцией иракскому народу. Такие кровавые выступления не находят сочувствия у американских рабочих. Тысячи молодых людей из рабочего класса, записались в армию из-за нехватки нормальных рабочих мест. Теперь они оказались в пустынях Саудовской Аравии и стоят перед возможностью убить и быть убитыми в интересах могучих нефтепромышленников. Среди рабочих растет резкое сопротивление этой войне, но оно полностью игнорируется. В «демократической» Америке, все важные решения принимаются всемогущими представителями финансового капитала.

Позвольте мне заметить в отношении нынешнего кризиса, что бесстыдная поддержка этого империалистического предприятия со стороны Горбачева, — ведь фактически, американская военная операция зависит от коллаборации Кремля, — является ужасной кульминацией сталинского предательства международного пролетариата.

Товарищ Н., я описываю Вам эти факты, чтоб подчеркнуть следующее: единственный ответ на проблемы рабочего класса, в СССР или в США, лежит в международном единстве пролетариата на основе программы мирового социализма. В течении десятков лет это единство злобно подрывалось сталинской бюрократией, которая погнала знамя социализма и вносила путаницу и замешательство в ряды пролетариата.

Но теперь, мировая ситуация быстро изменяется; рождаются условия для возрождения международной классовой борьбы. Смертельная агония сталинизма, как в зеркале отражает смертельную агонию самого империализма.

Основываясь на принципах марксизма и освобождая знамя настоящего социализма от сталинских самозванцев, мы сможем преобразовать Четвертый Интернационал в могучую партию мирового пролетариата.

Товарищ Н., Вы пишете, что Вы хотели бы начать систематическое изучение работ марксизма. Мы с большим внутренним удовлетворением поможем Вам всеми возможными мерами.

Трудно точно ответить на Ваш вопрос о порядке учебы. Нужно, конечно, изучать самые основные работы Маркса и Энгельса, т.е. те, которые разрабатывают материалистическое понимание истории («Германская идеология», «Анти-Дюринг», «Социализм: утопический и научный», «Крестьянская война в Германии», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»). Возможно, Вы также пролистаете «Обращение к Центральному Совету Лиги», написанное Марксом и Энгельсом в марте 1850 года. В нем, Вы найдете корни ужасной троцкистской «теории перманентной революции». Вы, к тому же, прочтете блестящее объяснение политического мировоззрения демократической мелкой буржуазии и почему пролетариат должен бдительно охранять свою независимость от этой ненадежной социальной прослойки. Хотя

социальный и политический контекст, в котором Маркс и Энгельс написали этот документ, весьма отличается от нашего, в этой работе есть много замечаний, которые важны до сегодняшнего дня, — и в капиталистических странах и в СССР, где мелко-буржуазные демократы пытаются обеспечить свои собственные интересы за счет рабочего класса.

Для общего введения в теоретические корни марксизма и научного социализма (его корни в французском утопическом социализме и в немецком классическом идеализме), нет ничего лучше, чем работы Плеханова. Я бы особенно посоветовал прочесть его *«Развитие монашеского понятия истории»*.

Судьба Ленина в Советском Союзе глубоко трагична. Постыдная мумификация его трупа сопровождалась созданием государственной религии, которая использует работы Ленина, как Священное Писание. Сталинско-сусловская цитатинка наскавоз враждебна диалектическому методу, который был в совершенстве развит Лениным. Я подозреваю, что самая трудная задача для советского марксиста — это прочесть Ленина заново, сознательно уничтожая в своем уме тот божественный ореол, который ему придали бесчисленные сталинские тома. Но помните, В. И. Ульянов был непримиримым революционером, государственным преступником, жестоким врагом всех форм эксплуатации и угнетения. Два года после смерти Ленина в 1926 году Н. К. Крупская сказала на собрании оппозиционеров (с которыми она временно сотрудничала), «Если Ильич был еще жив, он бы уже сидел в тюрьме». С чего Вам нечет? Я бы предложил *«Государство и Революция»*. И еще, внимательно прочтите его последние статьи и личные записки, которые Ленин написал незадолго до его последнего удара в марте 1923 года. Вы увидите, что Ленин призвал Троцкого сотрудничать вместе с ним в создании политического блока против Сталина и растущей бюрократии.

Из работ Троцкого: самая важная работа — *«Преданная Революция»*. Мы собираемся вскоре вновь опубликовать ее на русском языке; она необходима для научного понимания кризиса советского общества. Его трех-томная *«История Русской Революции»* не только самая лучшая работа на эту тему, она широко признана как одно из величайших произведений мировой литературы. Другие очень важные работы включают *«Перманентную Революцию»* и *«Третий Интернационал после Ленина»*. Я вышлю Вам копию *«Преданной Революции»* после нашей публикации.

Чтоб ознакомить Вас с историей Четвертого Интернационала и с его современной программой, я посылаю Вам в отдельном конверте авиапочтой копию последнего номера *«Бюллетеня Четвертого Интернационала»*. Я также вышлю Вам выпуск международной программной резолюции на русском языке а также предыдущие номера *«Бюллетеня Четвертого Интернационала»*. К сожалению, из-за дороговизны авиапочты, я вынужден выслать их наземной почтой, что, конечно, замедлит их доставку.

А в этом конверте я высылаю копию последнего письма Льва Давидовича Троцкого к рабочим Советского Союза, написанного им в апреле 1940 года, всего за несколько месяцев до его убийства от рук агента НКВД-ГПУ. Пожалуйста, распространяйте его среди Ваших товарищей и друзей: несмотря на шесть лет, оно остается политическим документом высочайшего значения.

Я надеюсь, что Вы продолжите нашу переписку и продолжите информировать нас о развитиях в СССР. Пожалуйста, пишите нам снова как можно скорее.

С добрыми пожеланиями к Новому Году и с товарищеским приветом,

Редакция *«Бюллетеня Четвертого Интернационала»*.

.....

1990 г., Львов: украинские рабочие знакомятся с нашим журналом.

Здравствуйтесь уважаемые дорогие друзья!

Я Вам пишу из города Т.

Я прочел Ваше интервью в газете *«Комсомольское знамя»*, и хочу получить от Вас глубокую, детальную и интересную информацию о работе IV Интернационала, Устав IV Интернационала.

Собираю работы и сведения о легендарных личностях: Ленине, Троцком, Бухарине, Зиновьеве, Каменеве и других.

Коротко о себе: я учитель истории в средней школе, кандидат в члены КПСС, не признаю сталинизм и его марионеточный 3 Интернационал, но и о Вашем IV Интернационале знаю очень и очень мало.

Очень Вас прошу откликнуться на это мое письмо и если можно выслать Устав и другие материалы, брошюры.

С уважением, П.

.....

Здравствуйтесь, товарищ Норти!

С огромным интересом ознакомились с материалами Интернационального Комитета. Действительно, вопросы поднимаемые Вами не чужды интересам наших рабочих. Наш город В. является крупнейшим индустриальным центром. Заводы машиностроительные, химические — соответственно многочисленный рабочий класс. Конечно, по сравнению с шахтерами Донбасса и Кузбасса, мы живем не плохо, но их надежды и чаяния нам близки.

В Ваших материалах хотелось бы помимо теоретических разработок, увидеть фактическую сторону жизни рабочих в других странах. Мы слышали, что наши товарищи рабочие имеют за рубежом свои газеты, рабочие клубы, технические средства. То есть то, что помогает сплочению трудящихся. Для нас был бы весьма ценен Ваш опыт. Было бы бесполезно подробнее прочитать о проводимых Вами мероприятиях, фестивалях, кампаниях по сбору средств, т.к. рабочие тоже хотят иметь

свою газету и клуб в городе. Но к сожалению средства печати находятся в руках государства или КПСС. Товарищ Норт, нам было бы приятно установить отношения с каким-нибудь клубом американских рабочих. Задачи и цели у нас общие.

До свидания М.

Дорогой товарищ М. 21.11.90

Спасибо за Ваше письмо, дошедшее до нас всего неделю назад. Я рад узнать, что "Бюллетень Четвертого Интернационала" дошел до рабочих города В. Редакционная коллегия приветствует критические замечания заинтересованных читателей и попытается использовать их для улучшения будущих номеров "Бюллетеня". Ваше предложение, чтобы страницы "Бюллетеня" включали больше материалов о каждодневном опыте рабочих за рубежом, полностью совпадает с нашими надеждами. Если учесть, что советская пресса искаженно рисует жизнь в Соединенных Штатах (и в других странах) в интересах силовых нужд правительственной политики, такие материалы будут особенно ценны. Советские журналисты, очарованные роскошной жизнью американских капиталистов и высших слоев мелкой буржуазии, почти полностью игнорируют жестокие реалии жизни рабочих слоев в Соединенных Штатах.

В Вашем письме Вы поднимаете один важный момент из жизни рабочего класса в Америке. Вы пишете: "Мы слышали, что наши товарищи рабочие имеют за рубежом свои газеты, рабочие клубы, технические средства. То есть то, что помогает сплочению трудящихся."

Я должен указать Вам, что в Соединенных Штатах дела обстоят вовсе не так розово. Одна из основных характерных черт общественных реалий США, это почти полное отсутствие каких либо форм независимой политической и культурной организации рабочего класса.

Профсоюзы, конечно, существуют. Но АФТ-КПП, основной профцентр США, объединяет менее 15% рабочих. Даже эта небольшая цифра не дает полного представления о все менее значительной роли, которую играет эта организация в жизни американского рабочего. АФТ-КПП никогда не пыталась организовать своих членов независимо от Демократов и Республиканцев, двух политических партий буржуазии. До сего дня не существует массовой рабочей партии даже социал-демократического характера. Хотя рабочие формально имеют право на голосование, они настолько отчуждены от политической системы, что обычно менее половины голосователей идут к урнам.

Политическое подчинение профсоюзов буржуазным партиям есть лишь самое яркое выражение их общей интеграции в учреждения капиталистического государства и корпоративного управления. Эта семейная связь между профсоюзной бюрократией и буржуазией имеет, как Вы понимаете, ужасный эффект на сознание рабочего класса и на его чувство внутренней солидарности.

В их нынешней форме, профсоюзы отделяются от какой либо ответственности за образование и культурное развитие своих членов. Если "программы образования" где то и существуют, то они полностью подчинены осуществлению экономических и социальных целей предпринимателей. Они по сущности пытаются распространить среди рабочих рабскую преданность целям их компании.

А насчет "рабочих клубов", которые объединяли бы трудящихся в развитии и преследовании общих интересов, то такие вообще неизвестны в Соединенных Штатах. Иногда, конечно, группа рабочих организует спортивную команду или клуб; но это обычно является результатом индивидуальной инициативы и не имеет какого либо широкого

общественного значения. Например, не существует спортивных лиг, которые сообща устраивали бы мероприятия и часы досуга рабочих нескольких крупных заводов.

По традиции, в некоторых районах и слоях рабочего класса существовало сильное чувство классовой солидарности. Рабочие поселки угольного бассейна Вест Вирджинии и металлообрабатывающей промышленности в Мон Вэлли в Пенсильвании свидетельствуют о высоком уровне классового сознания, результате десятилетий жесточайшей классовой борьбы против корпораций. Но экономические и политические разбития последней декады нанесли громадный урон этим районам. Закрываются громадные частые сталелитейной и угледобывающей индустрий вместе с систематическим уничтожением профсоюзов в этих местностях внесли опустошение в эти старые рабочие районы. (Понимают ли Ваши товарищи среди шахтеров Донбаса и Кузбаса, что им сулит капиталистический рынок?)

Так как почти не существует особых массовых общественных и политических организаций рабочего класса, также нет и независимой публицистики рабочего движения. Некоторые профсоюзы выпускают, конечно, газеты и журналы, но эти последние обычно служат лишь для поддержки карьеры какого то высокопоставленного чиновника.

Еще один фактор, затрудняющий развитие литературной деятельности среди рабочего класса, это высокий уровень безграмотности в Соединенных Штатах по сравнению с другими капиталистическими странами. Уровень безграмотности оценивается от 25 до 30 процентов всего населения.

Я не пытаюсь сказать, что американские рабочие не заинтересованы в технических или культурных вопросах. Наоборот, американские рабочие высококвалифицированы и часто уделяют много свободного времени хобби, в которых они становятся высокими знатоками. Они повсеместно связываются с другими людьми, занятыми теми же интересами. Например широко распространены клубы коротковолновиков или любителей компьютеров. Но членство в таких клубах обычно пересекает классовые границы.

Нельзя даже представить себе, насколько буржуазия продвигает идею об отсутствии классов в США. Даже и сам термин "рабочий класс" фактически запрещен в американской прессе. Буржуазия обычно называют "высше-оплачиваемой группой", в большинстве населения описано как "средний класс".

Эта терминология, не имея какого то научного наполнения, используется для отрицания факта социальной поляризации Соединенных Штатов и для распространения старого мифа об Америке, как о "стране неограниченных возможностей", где усердие и честолюбие вознаграждается постепенным улучшением уровня жизни и в конечном итоге приводит к цели жизни — к личному богатству.

Реалии противоречат мифу. Недавний номер право-консервативного британского журнала, *The Economist*, опубликовал обзор жизненных уровней Америки. В частности там говорилось:

"Средний семейный доход упал до уровня 1973 года несмотря на увеличение числа семей, где работают и муж и жена."

"Настоящий уровень зарплат, индексированный в соответствии с инфляцией, упал до уровня 1961 года."

Цена владения домом, — конечная цель "американской мечты", — быстро поднималась по сравнению с доходами за последние 20 лет. В 1930-е годы средний рабочий тратил 14% своего дохода на выплату ипотечной. Сегодня он тратит 44% своего дохода на ежемесячную плату за свой дом. (Закладная это долг взятый в банке или в особой сберегательной кассе для оплаты покупки дома. Обычно она выплачивается обратно в течении 25 или 30 лет. Если рабочий не может регулярно выплачивать месячные суммы, банк или сберкасса может "вновь завладеть" этим домом, т.е., рабочий и его семья могут

оказаться на улице!

С 1973 по 1988 год, доходы самой богатой пятой части населения поднялись на 25%. С другой стороны, в то же время доходы самой бедной пятой части населения упали на 9%.

Товарищ М., я надеюсь, что эта информация прольет свет на социальные условия в Соединенных Штатах.

С товарищеским приветом,

Редактор

Постскриптум:

Я вышлю Вам отдельной почтой копию брошюры *Death on the Picketline: The Story of John McCoy*. Это история жизни и смерти шахтера, убитого во время стачки в январе прошлого года. Она написана одним из членов Рабочей Лиги. Полиция до сего дня не попыталась арестовать его убийц. Эта книжка даст Вам представление о жестокой реалии классовых отношений в Соединенных Штатах.

Уважаемый господин Питер! 14.08.90

Большое спасибо Вам за материалы Четвертого Интернационала. Я сразу их раздал членам нашего независимого профсоюза для ознакомления. Пока люди изучают эти материалы.

Однако я должен Вам сказать, что коммунистические и социалистические идеи в нашей стране в настоящее время очень непопулярны. Я думаю Вам понятны причины непопулярности этих идей.

Одна из главных причин, это геноцид коммунистической партии против своего народа во временном периоде от Ленина до Черненко, бесчеловечное подавление любого инакомыслия. Лично я и моя семья в недавнем прошлом испытывали на себе все „прелести“ классовой борьбы.

Исходя из платформы нашего профсоюза, а именно принципа общечеловеческих ценностей, мы готовы с Вами сотрудничать по многим вопросам и проблемам. Но Вы должны понять нас, что мы не можем солидаризироваться с Вами на платформе классовой борьбы. Наше убеждение в том, что в мире много проблем на мирном решении которых и должны солидаризироваться люди и организации.

Вышлю Вам программу нашего профсоюза, надеюсь, что Вы сами разработаете и предложите нам предложения, по каким направлениям мы бы с Вами могли сотрудничать.

Уважаемый Питер, в заключение передаю через Вас привет Давиду Норту.

Желаю Вам всех благ и успехов. С. М.

Дорогой товарищ М.! 24.11.90

Товарищ Питер передал мне копию Вашего письма за 14 августа. Позвольте мне откровенно ответить на вопросы, которые Вы затрагиваете.

Вы заявляете, что теперешнее отращивание от коммунистических и социалистических идей является результатом „геноцида компартии по отношению к народу в период от Ленина до Черненко и бесчеловечное подавление любой диссидентской мысли.“

Сталинизм, бесспорно, нанес громадный урон делу социализма. В течение десятилетий он цинично использовал по марксистски звучащие фразы для оправдания преступлений бюрократии. В той мере, что рабочие и интеллигенция поверили, на основании утверждений самих сталинцев, что марксизм по существу состоит из идеологической защиты бюрократического паразитизма и тоталитаризма, дело социализма было основательно подорвано.

Но нельзя восстановить историческую правду (неотделимую от интересов рабочего класса) продолжая обвинять марксизм за

преступления его заклятого врага. И тут я вынужден выразить мое резкое несогласие с подходом принятым в Вашем письме. Ваша ссылка на „период от Ленина до Черненко“ подразумевает, что вся история Советского Союза может рассматриваться, как единая и единообразная политическая эпоха, что переход от Ленина к Сталину и к его наследникам не свидетельствовал о фундаментальном изменении программы и политики.

Но эта мысль несостоятельна. Она игнорирует борьбу бушевавшую внутри большевистской партии и в советском государстве в 20-е годы. Упрощенное и несерьезное заявление, что это была лишь борьба двух амбиций за власть не может убедить тех, кто имеет возможность изучить документы конфликта между Троцким и Сталиным. Борьба между Троцким и Левой Оппозицией с одной стороны, против Сталина и растущего бюрократического аппарата, с другой, выражала конфликт между непримиримыми программами и социальными силами. В конечном итоге этот конфликт имел глубочайшее значение не только для советского но и для международного пролетариата. Ведь сталинская программа „социализма в одной стране“, — воплощавшая раскол с социалистическим интернационализмом, на котором основывалась программа большевиков между 1903 и 1924 годами, — привела к сокрушающим поражениям пролетариата во всем мире. В свою очередь, эти поражения усилили бюрократический режим.

Вы пишете о „бесчеловечном подавлении любой диссидентской мысли“. Но между условиями до 1924 года и после, в то время когда бюрократия крепила свою власть и устанавливала тоталитарный режим разнице огромно. Это исторический факт, что с 1917 по 1921 год Ленин и большевики вели отчаянную борьбу против контр-революции; марксисты, по правде сказать, за это не извиняются. Методы белых, которые имели финансовую и военную помощь со стороны всех империалистических держав вряд ли послужат примером общественной умеренности. Не трудно представить себе, что случилось бы в случае захвата Москвы и Петрограда армиями Деникина, Колчака, Врангеля и Юденича. История 20-го века, — от Германии в 1933 году до Индонезии в 1965 и Чили в 1973 году, — дают нам хорошее представление о последствиях поражения или аборте пролетарской революции.

В горячке Гражданской войны большевики открыто защищали свои меры перед всем международным пролетариатом. Обнажая лицемерие своих буржуазных критиков, — бранивших большевиков за их „безнравственность“, когда они сами безжалостно подавляли рабочих собственных стран и карали своих колониальных рабов, — работы вроде ленинской „Пролетарская революция и ренегат Каутский“ и троцкий „Терроризм и коммунизм“ были переведены на множество языков и прочитаны сотнями тысяч рабочих и интеллигентов всего мира. И именно поддержка со стороны международного пролетариата обеспечила выживание большевистской власти.

Жесткие меры к которым прибегало молодое большевистское правительство, являлись оружием изолированного рабочего государства, борющегося за право существовать против контр-революционных армий и империалистических захватчиков. Можно, конечно, осудить всякое революционное насилие, как безнравственное. Но те кто так делает не может особенно выделить Ленина. Под суд таких абстрактных и сверх-исторических критериев должны попасть и другие выдающиеся исторические фигуры. Такой великий демократ как Абраам Линкольн, одно из самых благородных лиц мировой истории, для защиты существования Соединенных Штатов против восстания рабовладельцев нарушал конституцию страны, приказывал брать заложников и санкционировал сжигание целых городов. Но кто теперь осудит его меры, настолько необходимые для сохранения США и уничтожения рабства?

Даже оставив эти общие исторические мысли, невозможно уравнивать режим Ленина и Сталина. Ленин был вождем революционного правительства, которое являлось результатом самого широкого и по настоящему демократического движения в мировой истории. Режим Сталина, в сущности, являлся продуктом консервативной «термидорианской» реакции со стороны привилегированной бюрократии против большевистских надежд о мировой революции. Диктатура Сталина закрепила бюрократическую узурпацию политической власти и первыми жертвами государственного гнета стали его марксистские, т.е., троцкистские противники.

Те кто намерен осудить большевизм за преступления сталинцев должен объяснить, почему Сталин не смог консолидировать свою диктатуру, не исключив заранее, а затем физически уничтожив, все большевистские кадры, которые сыграли решающую роль в победе Октября. Это факт, что поражение Левой Оппозиции и ликвидация революционных кадров созданных Лениным означали уничтожение партии большевиков. Если взглянуть глубже, сквозь формальное название правящей партии и проанализировать ее программу и социальные интересы, которые она защищает, то совершенно ясно, что сталинская «Коммунистическая партия» не имеет ничего общего с ленинской. «Коммунистическая партия» выросшая из уничтожения большевизма являлась всего лишь политическим орудием с помощью которого правящая бюрократия осуществляла свою монополию на власть и защищала свои материальные интересы против рабочего класса. Позвольте мне также добавить, что уничтожение большевистской партии сопровождалось удручающим падением вдохновенного культурного расцвета Советской России в 20-е годы. Ведь именно Троцкий вел теоретическую борьбу против «пролеткультозского» движения, поддержанного Сталиным, которое пыталось затиснуть художественное вдохновение в усмирительную рубашку узких политических критериев. Одна из мерок глубокой разницы ленинского периода и его сталинского витиезиса — это трагичная судьба широких слоев людей культуры, давшей расцвет в 20-е годы и задвинутой в следующее десятилетие: Бабель, Мандельштам, Воронский и Мейерхольд лишь самые известные из них.

Это огульное осуждение всей истории Советского Союза не только искажает и фальсифицирует исторические факты, оно также умаляет чудовищность предательства и преступлений сталинцев. Оно отводит основную ответственность за преступления бюрократии на саму социалистическую революцию. Оно утверждает, что сталинизм является неминуемым результатом революционного свержения капитализма. Прямо говоря, это заключение является не более, чем оправданием капитализма и текущих попыток Горбачева возродить капитализм в Советском Союзе.

В ответ на вторую часть Вашего письма, мы конечно поддерживаем любую возможность усилить связи между советскими и американскими рабочими. Но мы с сожалением отмечаем, что вы отвергаете солидарность «на платформе классовой борьбы». Вы, напротив, извещаете нас, что «народы и организации должны показывать солидарность в мирном разрешении мировых проблем».

Если отвергнуть классовую борьбу то как можно оправдать существование профсоюзов? С исторической точки зрения рост профсоюзов является результатом классовой борьбы. Профсоюзы родились потому что рабочие поняли необходимость коллективно отрезать капиталистическую эксплуатацию. Рост профсоюзов в Соединенных Штатах проходил через жестокую борьбу, стоившую тысяч человеческих жертв.

Рабочее движение сильно лишь в той степени, что оно основывает свои действия на осознании классовой борьбы и ее законов.

132 Напротив, отрицание классовой борьбы ведет к захирению рабочего

движения. Так, в Соединенных Штатах, да и во всех других империалистических странах, ужасный упадок профсоюзов за последние десятилетия тесно связан с попытками их реформистских лидеров подменить классовую борьбу классовой коллаборацией. Вполне понятно, что прекрасно сознавая свои собственные социальные интересы и нужды своего экономического порядка, буржуазия ведет классовую борьбу еще яростней, чем когда либо. Не обижайтесь пожалуйста, если я укажу Вам на некоторые «прелести» классовой борьбы в той форме, в какой ее ведет буржуазия США.

80-е годы свидетельствуют об огромной интенсификации насилия против профсоюзов, ведомого с поощрения правительства. Массовое увольнение одиннадцати тысяч авиа-диспетчеров Рональдом Рейганом в 1981 году положило начало целой волне штрейкбрехерства и свержения профсоюзов; это продолжается до сего дня. В течении последнего года четверо рабочих были убиты полицией, штрейкбрехерами или наемными убийцами во время инцидентов, эфемеристически названных буржуазной прессой, «насилием связанным с забастовками». Никто еще не был наказан за эти убийства. Но зато дюжины рабочих были арестованы, ложно обвинены и осуждены за попытки защитить свои профсоюзы.

Каждодневные реалии общественной жизни в любой капиталистической стране подтверждают основное марксистское положение, что в обществе разделенном на классы любая нравственность является классовой. «Нравственность» капиталистического общества основана на частной собственности производительных сил и на эксплуатации рабочего класса.

Я не подвергаю сомнению искренность Вашей веры во «всеобщие человеческие ценности». Но те человеческие ценности, которые имеют всеобщий вес, — справедливость, равенство, освобождение человека от всех форм гнета, — абсолютно несовместимы с капиталистическим обществом. Создание общества, в котором эти ценности уважают на деле, а не для красного словца, требует революционной борьбы против капиталистического порядка. Будет и в самом деле трагично, если советские рабочие позабудут этот фундаментальный факт, подтвержденный всем историческим опытом классовой борьбы.

Вы надеетесь на «мирное разрешение многих мировых проблем». Но одного взгляда на события в Персидском Заливе достаточно, чтоб оценить обоснованность таких надежд под господством империализма в мире. С помощью Горбачева, — который, к слову сказать, часто поет дифирамбы на темы «всеобщих ценностей человечества», — правительство Буше для защиты экономических интересов нефтяных компаний США резервирует 400.000 солдат в Саудовской Аравии. Эти солдаты в своем большинстве рекрутированы из беднейших слоев американского пролетариата. Они «добровольно» поступили на военную службу лишь потому, что они не смогли оплатить за свое обучение или найти другую работу. Вот, блестящий пример «нравственности» американского капитализма!

Если вы позволите мне высказать один прогноз: в скором времени Горбачев, несмотря на свою громкую хвалу «всеобщих человеческих ценностей», прибегнет к насилию, чтоб подавить сопротивление рабочего класса по отношению к тем катастрофическим последствиям, к которым ведут его меры по реставрации капитализма в СССР. И позвольте мне предупредить Вас и Ваших товарищей: не надейтесь на протесты американской или европейской буржуазии по поводу государственного насилия направленного на превращение Советского Союза в громадную «зону свободного предпринимательства» для капиталистической эксплуатации.

Мы вполне понимаем и сочувствуем отвращению и ненависти советских рабочих по отношению к сталинским гангстерам. Но программа рабочего класса не может быть основана лишь на ненависти 133

и ожесточении. Программа нуждается в научном понимании сущности нынешнего общества и экономических и политических отношений, которые лежат в основе угнетения рабочего класса. Ответ на проблемы стоящие перед советским рабочим классом лежат не в подмене советской олигархии новой советской буржуазией, а в объединении советского и международного рабочего класса в борьбе против империализма и его сталинских лакеев. Это программа Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

В заключение я хотел бы вспомнить об одном историческом факте, возможно Вам известном. В 1937 году сотни троцкистов, арестованных и сосланных в трудовые лагеря начали забастовку голодом в Воркуте. Они были поголовно расстреляны по приказу Сталина. Они были и остаются мучениками за дело рабочего класса. Мы уверены, что пример их мученичества поможет возрождению коммунистических идеалов в сердцах и в сознании советского пролетариата.

С товарищеским приветом. Редактор

.....

1990 г., встреча с киевскими рабочими

Здравствуйте дорогие друзья!

Ваш адрес я узнал из газеты „Комсомольское знамя“ от 2 ноября 1990 г. Вот и решил написать Вам.

У меня к Вам просьба, ознакомить меня и моих друзей с идеями Четвертого Интернационала, Л. Троцкого. Мы хотели получить биографию и труды Л. Троцкого.

Ведь по словам Н. Б. и Ф. К., нигде так не фальсифицировались идеи Л. Троцкого, как в СССР.

Поэтому очень хочется знать правду, поэтому и обращаюсь к Вам за помощью.

Немного о себе. 38 лет, женат, 2 детей. Работаю на гормолкомбинате машинистом-оператором. Эсперантист.

Я не уверен, что получу ответ, но надежда умирает последней.

С уважением к Вам. К.

P.S. Если в Вашем журнале есть рубрика для адресов, у меня к Вам просьба опубликовать мой адрес, очень хотелось бы вести переписку с людьми других стран, которых объединяет одна идея...

Дорогой товарищ К! 6.12.90

Ваше последнее письмо нас чрезвычайно обрадовало. Тот интерес, который ныне проявляет все большее число советских рабочих к жизни и трудам Л. Д. Троцкого, показывает, что историческая правда обладает непреодолимой моральной и, в конечном счете, политической силой, и что она в конце концов будет в состоянии одержать победу над лживым вымыслом даже самого мощного, беспощадного и жестокого государственного аппарата.

Мы регулярно публикуем статьи Льва Троцкого в „Бюллетене Четвертого Интернационала“. Я постараюсь прислать Вам отдельной бандеролью уже имеющиеся издания для того, чтобы Вы могли их изучать и знакомиться с точкой зрения Интернационального Комитета относительно актуальных политических вопросов.

Самым лучшим введением в жизнь Троцкого является его собственная автобиография, под названием „Моя жизнь“, написанная им в 1929 году вскоре после своего изгнания из Советского Союза. К сожалению, я не располагаю русским изданием этого произведения. Если Вы в состоянии читать по-английски или на каком-либо другом западно-европейском языке, то дайте нам об этом знать. В этом случае мы сможем прислать Вам эту книгу в переводе. Может быть в будущем мы сможем издать это произведение на русском языке, однако для этого понадобится еще некоторое время. В следующем номере нашего „Бюллетеня“ мы опубликуем некоторые отрывки из него.

Пожалуйста, сообщите нам сразу же о получении этих изданий „Бюллетеня“ и напишите нам, что Вы о них думаете. Мы были бы также очень рады больше узнать о ходе событий на Украине.

С братским приветом,

Редакция

.....

Уважаемые товарищи!

Искренне благодарны Вам за возможность ознакомиться с еще одной работой человека, не зная которого невозможно понять не только развитие российской революции, поведение и поступки ее главных действующих лиц, но и — в более общем случае — развитие мировой социальной революции.

К сожалению, — по причинам, изложение которых отнимет слишком много времени, да и, думается, в большинстве своем Вам известных, — нам до сих пор приходится сталкиваться либо с одноцветным описанием тех или иных процессов, либо со стыдливым замалчиванием их действительного содержания. И уж во всяком случае — с полнейшим выражением их не то что из общемирового процесса развития, но и из чисто „внутреннего“. В особенности это относится к событиям, связанным с историей русской революции (тем более, если оценивать в соотношении с количеством опубликованного по ней материала).

Поэтому радует появление — и появление на Украине — неизвестной до сих пор у нас работы Л.Д.Троцкого (как и большинства его работ), несмотря на неоднозначное восприятие ее в республике (а особенно в момент ее публикации), мы благодарны за Ваш вклад в восстановление нашей истории, ибо понимаем, что практически никакой иной возможности прорваться на страницы республиканской прессы не было.

И это понятно хотя бы из того, что все эти годы умалчивалось не только значение Украины, ее действительное и воображаемое влияние на развитие Европы, Ближнего Востока и т.д. (воображаемое позволяло смело критиковать политику Горбачева). Умалчивались и такие «мелочи», как расстановка политических сил в различных регионах республики, различие этих регионов. . . . Впрочем, судя по Вашему передвижению по республике, Вам это должно быть известно: на примере хотя бы инициированной во Львове (по времени это совпадает с поездкой туда советника канцлера Коля, Шмидга) и подхваченной впоследствии украинским правительством «купонной системы». Определенная часть наших политических лидеров, похоже, настолько хорошо запомнила слова Оурвелла: Кто владеет прошлым — владеет и будущим, — что сама все забывала.

Позвольте пожелать Вам всяческих успехов, — быть может, они позволят в будущем работать вместе с Вами.

И. Б.

Дорогой товарищ Б. 24.11.90

Я прочел Ваше письмо с большим интересом. Сам факт, что «Бюллетень Четвертого Интернационала» помогает политическому вооружению советского рабочего класса и тех секций интеллигенции, которые твердо стоят за настоящий марксизм, — то есть, за всемирную победу социализма над империализмом и над его сталинскими приспешниками, — это воодушевляет Интернациональный Комитет.

Когда я читал Ваше письмо я вновь поразились масштабам преступлений сталинизма против политического сознания советского пролетариата. В течении десятилетий ему не давали изучать свою собственную историю. Так называемый «марксизм» бюрократии по существу состоял из груды лжи, с помощью которой она оправдывала свои привилегии.

Но эта темная эпоха лжи и теоретических намордников кончилась. Нет силы громдней, чем историческая правда; сегодня она идет вперед семимильными шагами.

Восстановление великого наследия марксизма будет иметь глубокое влияние на политическое развитие в СССР; самый сильный аргумент против тех сторонников капиталистической реставрации, кто утверждает, что сталинизм являлся неминуемым конечным продуктом большевизма — это исторический факт смертельной борьбы троцкистского движения против бюрократии, начиная с образования левой Оппозиции в 1923 году.

Я надеюсь, что Вы и в будущем продолжите знакомить нас с развитиями на Украине. Мы высоко ценим Ваши добрые пожелания и надеемся, что мы сможем встретиться с Вами и Вашими товарищами в скором будущем.

С теплыми пожеланиями, Редакция.

.....

Дорогие друзья!

Я только что с большим интересом прочел «Бюллетень Четвертого Интернационала» № 1 и 2 за 1990 г. и специальный выпуск на русском языке журнала «Четвертый Интернационал» № 2-4 за 1988 г.

Я соглашусь с Вами в основном: перестройка Горбачева — капиталистическая. В Советском Союзе сейчас капитализм представлен как рай. Но это глупость, и Вы доказали это фактами и доводами. Большое спасибо!

В то же время я не понял до конца теорию перманентной революции. Может быть потому что я не смог прочесть Троцкого. Так что я бы очень хотел получить «Преданную революцию» Троцкого на русском или

на английском языке. Но у меня нет долларов или другой валюты и я не знаю как достать эту книгу. Пожалуйста помогите мне если можете.

Я бы хотел переписываться с кем-то из Вас.

Для чего?

Я думаю, что через некоторое время мы не будем ничего знать о рабочем движении в других странах, ведь гласность служит только капиталистической бюрократии. Но мне нужно об этом знать, чтоб защищать права рабочих в нашей стране. Я являюсь членом городского Совета. Вот и все. Извините меня за ошибки в письме. До свидания. P.S. Мне 35 лет, среднее образование, коммунист, в настоящее время без работы.

Спасибо, К.

Дорогой товарищ К! 21.11.90

Спасибо за Ваше недавнее письмо и извините меня, пожалуйста, за затянувшийся ответ.

Я прочел Вашу оценку объективного значения горбачевской перестройки с глубоким интересом. Лишь слепым и глухим теперь непонятно, что цель этой программы лежит в полном уничтожении всего наследия Октябрьской Революции и в реставрации капитализма.

Не представляя собой отход от сталинизма, перестройка наоборот выражает со стороны бюрократии, кульминацию систематического предательства интернационалистской революционной программы, на которой и была вначале основана пролетарская диктатура.

Вы пишете, что являетесь депутатом в местном Совете. Нас интересует какие политические течения представлены в этом Совете. Какие политические мнения преобладают? Как рассматривают рабочие программу Горбачева? Создают ли они последствия реставрации капитализма для рабочего класса? Знают ли они о сокрушающих ударах капиталистической реставрации по рабочему классу Польши и бывшей ГДР? Насколько они сознают о разнице между сталинизмом и настоящим марксизмом? Чувствуете ли Вы широкий интерес к работам Льва Давидовича Троцкого?

Мы с удовольствием получим Ваши дальнейшие письма о политическом и экономическом положении в СССР. Мы разделяем Ваш интерес о постоянной связи между нами.

Чтобы помочь Вам узнать о развитии рабочего движения за границей, я отдельно посылаю Вам несколько номеров *Виллет*, еженедельного органа Рабочей Лиги, американской секции Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

А что касается работ Троцкого, о которых Вы спрашиваете, то я договорился с нашими товарищами в Германии и они их пошлют оттуда.

С товарищеским приветом, редакция

.....

Здравствуйте редакция «Бюллетеня Четвертого Интернационала»!

Прочел в нашей газете «Комсомольское знамя» Ваше интервью с корреспондентом этой газеты Д. Табачником. Это интервью напечатано 2 ноября. В этой же газете напечатан очерк Л. Троцкого «Об украинском вопросе».

Опубликованное интервью и статьи Л. Троцкого очень заинтересовали не только в высказывании Льва Троцкого и существовании деятелей троцкистского движения. Есть желание прочесть более обширные, которые не могли быть опечатаны в нашей прессе, высказывания Л. Троцкого. Ведь не мог он ограничиться только этой одной статьей. Желательно ознакомиться с теми работами,

которые опубликованы в Вашем журнале по вопросам Украины и ряда других союзных республик и информация о Четвертом Интернационале.

О себе. Техник-строитель. В КПСС был с 1964 по 1983 г. За мои убеждения, поддержку польской „Солидарности“ разбирался на партсобрании и спустя несколько месяцев исключен. В тот период не был сторонником партийной линии, проводимой как Хрущевым, Брежневым и др. их руководителями. Не поддерживаю и в данное время этой партии — партии не выполняющей волю рабочих, крестьян. Этот диалог — который продолжает идти от руководителей партаппарата не отвечает жизненным интересам рабочих, крестьян.

Убедительно прошу по возможности выслать материалы работ Четвертого Интернационала и взглядов А. Троцкого.

С Уважением, А.

• • • • •

